

БЛЕСТЯЩИЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОРОКИ-УБИЙЦЫ»!

СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

Два романа по цене одного означают двойное удовольствие
для читателей: две тайны, два детектива и, возможно, два убийцы.

[The Amazon Book Review](#)

The Big Book

Энтони Горовиц

СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Горовиц Э.

Совы охотятся ночью / Э. Горовиц — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20908-4

Смерть знаменитого писателя Алана Конвея поставила точку в редакторской карьере Сьюзен Райленд. Теперь она управляет отелем на берегу Эгейского моря, однако не слишком успешно – денег катастрофически не хватает. Скучая по лондонской суете, Сьюзен подумывает о том, не сбежать ли из этого райского местечка, и кажется, сама судьба подкидывает ей шанс. Супруги-англичане обращаются к Райленд за помощью, обещая хорошо заплатить. Исчезла их дочь, успев признаться родителям, что на страницах детективного романа Конвея нашла ключ к разгадке кровавого преступления, совершенного восемь лет назад в Суффолке... Редактором этой книжной серии, оказывается, была Сьюзен. Удастся ли ей распутать хитросплетения авторской мысли? Мисс Райленд срочно отправляется в Англию, испытывая настоящий азарт сыщика, и ей не сразу приходит в голову, что нельзя безнаказанно ворошить тайны прошлого. Но это становится очевидным, когда над ней нависает смертельная опасность... Роман в романе, литературная игра, полная загадок и мистификаций. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20908-4

© Горовиц Э., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Айос-Николаос, Крит	7
Отъезд	14
Опилки	19
«Бранлоу-Холл»	24
Лиза Трехерн	28
Ночной администратор	36
«Фейстайм»	42
Хит-хаус, Уэстлтон	44
Бранлоу-коттедж	50
Переписка	57
«Три трубы»	63
Стаканчик перед сном	68
Фрамлингем	73
Мартлшем-Хит	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Энтони Горовиц

СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ

© А. Л. Яковлев, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Эрику Хэмлишу и Джону Сэллиндеру, с благодарностью за множество добрых встреч

Айос-Николаос, Крит

«Полидорус» – очаровательный семейный отель, расположенный в нескольких шагах от оживленного городка Айос-Николаос, в часе езды от Ираклиона. Номера ежедневно убираются, все они оснащены вайфаем и кондиционером, из части комнат открывается вид на море. Кофе и домашняя еда подаются на уютных террасах. Заходите на нашу веб-страничку или ищите нас на booking.com.

Вы не представляете, сколько времени мне пришлось потратить на составление этого текста. Меня тревожило такое скопление прилагательных. Подходит ли эпитет «оживленный» для характеристики Айос-Николаоса? Я сперва хотела было использовать выражение «жизнь бьет ключом», но потом решила, что это намекает на беспрестанное движение машин и шум, которые, кстати, являются неотъемлемой частью существования в этом городе. На самом деле от нас до центра пятнадцать минут ходьбы. Можно ли описать это расстояние как «в нескольких шагах»? Не стоило ли упомянуть расположенный по соседству пляж Амуди?

Вот ведь забавно: почти всю свою жизнь я проработала редактором и никогда не испытывала затруднений в обращении с рукописями писателей, а как понадобилось сочинить рекламное объявление в несколько строчек для обратной стороны открытки, так корпела над каждой буквой. В итоге я показала текст Андреасу, который прочитал его за пять секунд, а потом просто хмыкнул и кивнул, что, с учетом затраченных мною трудов, меня одновременно порадовало и взбесило. Есть в характере у греков одна черта. Люди это невероятно эмоциональные. Их драматургия, поэзия и музыка, что называется, достают прямо до сердца. Но когда доходит до повседневных дел, неизбежных мелких деталей, они занимают позицию «*sig-a sig-a*», что в приблизительном переводе означает: «Да какая, к черту, разница?» Эту фразу я слышу каждый день.

Пока я, с сигаретой и чашкой крепкого черного кофе, перечитывала написанное, в голове у меня крутились две мысли. Во-первых, мы собирались разместить открытки на стойке рядом со столом администратора, но раз их смогут взять только туристы, уже приехавшие в отель, то какой прок от подобной рекламы? Вторая мысль была неотвязной и давно уже не давала мне покоя: а какого дьявола я вообще здесь торчу? Как докатилась до такой жизни?

Всего за два года до своего пятидесятилетнего юбилея – а к этому возрасту, как я полагала, мне предстоит наслаждаться всеми благами, доступными тому, кто имеет умеренный, но стабильный доход, удобствами маленькой лондонской квартиры и насыщенной общественной жизнью – я вдруг оказалась совладелицей и управляющей отелем, который в действительности куда более уютен, чем мне удалось его описать. «Полидорус» стоит прямо на берегу Эгейского моря, две его террасы укрыты в тени зонтиков и кипарисов. У нас имеется всего двенадцать номеров, которые обслуживал персонал из числа местной молодежи, не теряющей оптимизма даже во время самых страшных запарок. Простая, но вкусная еда, пиво «Мифос», собственный музыкант, а про красивейшие пейзажи я уж и не говорю. У нас есть свои преданные клиенты. Мы не делаем ставку на тех гостей, что приезжают в одном из гигантских автобусов, которые я видела ползущими по не рассчитанным на них дорогам в направлении шестизэтажных громад на противоположном берегу бухты.

Есть у нас, разумеется, и свои недостатки: скверная проводка, вечные проблемы с канализацией и нестабильный вайфай. Не хочу тиражировать стереотип про ленивых греков, и, быть может, это просто мне не повезло, но эпитет «надежный» едва ли применим к людям, которые на нас работают. Панос превосходный повар, но стоит ему поссориться с женой, детьми или мотоциклом, как он уходит в очередной загул, и Андреас принимает вахту на кухне, остав-

ляя меня управляться в баре и в ресторане, который загадочным образом оказывается полон, когда у нас не хватает официантов, и наполовину пуст, когда мы набираем их слишком много. Достичь золотой середины, увы, так и не удалось. Всегда существовала гипотетическая возможность, что поставщик продуктов придет вовремя, но с нашими заказами этого почему-то не произошло ни разу. Если что-то ломалось, а это случалось постоянно, нам предстояли часы напряженного ожидания, когда же наконец соизволит явиться мастер или представитель фирмы.

По большей части гости наши казались довольными. Но нам приходилось метаться, словно актерам в безумном французском фарсе, создавая впечатление, что все в полном ажуре. К тому времени, когда я падала на кровать (а это зачастую бывало в час или в два ночи), я ощущала такую усталость, что представляла себя высохшей и завернутой в пелены египетской мумией. В подобные мгновения я чувствовала себя хуже всего и засыпала с ужасной мыслью, что едва открою утром глаза, как все это сумасшествие начнется снова.

Пожалуй, я впадаю в излишний пессимизм. Разумеется, были у нашей жизни здесь и чудесные стороны. Никакие закаты в мире не сравнятся с эгейскими, и я каждый вечер любовалась ими, замирая от восторга. Неудивительно, что греки верили в богов: в Гелиоса на золотой колеснице, едущего по этому бескрайнему небу за Ласифианские горы, подернутые тончайшей дымкой, сначала розовой, а потом розовато-лиловой, темной и бледной одновременно. Каждое утро ровно в семь я купалась, смывая в кристально чистой морской воде следы излишков вина и сигаретного дыма. Были ужины в маленьких тавернах в Фурни и Лимнесе: аромат жасмина, сияющие над головой звезды, веселый смех и звон стаканов с ракией. Я даже начала учить греческий, занимаясь по три часа в неделю с девушкой, достаточно юной, чтобы годиться мне в дочери. Она успешно вбивала мне в голову ударные слоги и глаголы, бывшие не просто неправильными, но откровенно неприличными, причем умудрялась делать это легко и весело.

Но это был для меня вовсе не отпуск. Я перебралась в Грецию после того, как детективный роман «Английские сорочки убийства» обернулся настоящей катастрофой¹. То была последняя книга, над которой мне довелось работать, и связанные с нею события привели к смерти ее автора, краху издательства и концу моей собственной карьеры. Именно в такой последовательности. В общей сложности мы опубликовали девять романов о частном сыщике Аттикусе Пюнде; все они стали бестселлерами, и я полагала, что серия продолжится. Но внезапно все закончилось. В результате я начала новую жизнь, и, признаться честно, чересчур значительную ее часть составляла тяжелая работа.

Это неизбежно сказалось на моих отношениях с Андреасом. Мы не ссорились, это не в наших характерах, но выработали форму общения, которая настораживала все сильнее. Мы кружили, как два боксера, не желающие вступать в схватку. Сказать по совести, сцепись мы по-настоящему, это могло бы пойти нам обоим на пользу. Мы же ухитрились сползти на этот ужасный ринг, так хорошо знакомый давно женатым парам, где оставшееся невысказанным ранит куда больше, чем обидные слова. Отношения мы, кстати сказать, так и не оформили. Андреас сделал мне предложение, все чин по чину: преподнес колечко с бриллиантом, стоя на одном колене. Но у нас оказалось слишком много дел, чтобы обвенчаться, к тому же я еще недостаточно хорошо знала греческий, чтобы понять слова службы. Мы решили подождать.

Взятая пауза не пошла нам на пользу. В Лондоне Андреас всегда был моим лучшим другом. Возможно, так получалось потому, что мы не жили вместе, и я всегда ждала встречи с ним. Мы читали одни книги. Любили поесть... особенно когда Андреас готовил. Секс у нас был просто шикарный. Но Крит вовлек нас в отношения совсем другого сорта, и, хотя после нашего отъезда из Соединенного Королевства прошла всего пара лет, я уже подумывала о том,

¹ См. роман «Сороки-убийцы».

как бы сбежать обратно, хотя и не приступала до поры до времени к деятельным поискам конкретного способа.

А потом вмешалась сама судьба и подкинула мне шанс. Путь к побегу открылся однажды утром в понедельник, с появлением солидно выглядевшей семейной пары, явно англичан. Эти двое спускались под руку по склону с главной дороги. Я с первого взгляда поняла, что это люди обеспеченные и приехали они сюда не ради отдыха на море. На мужчине были длинные брюки и куртка – что странно для утренней жары, – рубашка поло и панама. Наряд женщины подходил скорее для теннисного матча, чем для пляжа; на шее у нее красовалось дорогое ожерелье, а в руках она держала аккуратную сумочку. На обоих были дорогие солнечные очки. Им, по моим прикидкам, перевалило за шестьдесят.

Мужчина вошел в бар и расстыковался с супругой. Я поймала на себе его изучающий взгляд.

– Прошу прощения, – проговорил он хорошо поставленным голосом. – Вы говорите по-английски?

– Да.

– Не хочу быть невежливым... но вы, случайно, не Сьюзен Райленд?

– Да, это я.

– Позвольте спросить, нельзя ли переговорить с вами, мисс Райленд? Меня зовут Лоуренс Трехерн. А это моя жена Полин.

– Здравствуйте. – Полин Трехерн улыбнулась вежливо, но не дружелюбно. Эта женщина явно не доверяла мне и даже избегала встречаться со мной взглядом.

– Можно предложить вам кофе? – Я задала вопрос осторожно. Я не предлагала посетителям его купить. Не хотелось создавать впечатление, будто я корыстна, но одна мысль не давала мне покоя. Я продала квартиру в Северном Лондоне и ухнула в «Полидорус» большую часть своих сбережений, однако прибыли покуда не получила. Совсем наоборот: хотя мы с Андреасом – тут я была уверена – делали все правильно, но каким-то образом сумели накопить почти десять тысяч евро долга. Наши финансы таяли, и иногда мне казалось, что грань, которая отделяет нас от банкротства, столь же тонкая, как и слой пены на свежесваренном капучино.

– Нет, спасибо, мы к вам по делу.

Я проводила посетителей за один из столиков в баре. На террасе было уже людно, но Вангелис, исполнявший роль официанта, когда не играл на гитаре, справлялся отлично, да и жара пока еще ощущалась не так сильно.

– Так чем я могу вам помочь, мистер Трехерн?

– Можете обращаться ко мне просто Лоуренс. – Он снял головной убор, обнажив редкие седые волосы и макушку, ухитрившуюся загореть на солнце, и положил панаму перед собой. – Надеюсь, вы простите, что мы без приглашения. У нас есть общий друг, Саджид Хан. Он передает вам привет, кстати.

Саджид Хан? Мне потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить поверенного из городка Фрамлингем в Суффолке. Он был другом Алана Конвея, автора «Английских сорочьих убийств». Когда Алан умер, именно Саджид Хан обнаружил тело. Но я встречалась с этим адвокатом всего пару раз. И едва ли стала бы называть его приятелем или даже хорошим знакомым.

– Вы живете в Суффолке? – спросила я.

– Да. Мы владеем гостиницей близ Вудбриджа. Мистер Хан пару раз оказывал нам услуги. – Лоуренс помедлил, вдруг смутившись. – Я обсуждал с ним на прошлой неделе один непростой вопрос, и он посоветовал поговорить с вами.

Меня удивило, откуда Хан узнал, что я на Крите. Видимо, кто-то ему сообщил, поскольку сама я абсолютно точно этого не делала.

– Вы приехали в такую даль, чтобы поговорить со мной? – поинтересовалась я.

– На самом деле это не так уж далеко, да и к тому же мы все равно путешествовали. Мы остановились в «Минос-Бич». – Он указал на отель, расположенный на противоположной стороне теннисного корта, справа от нашего.

Это подтвердило мое первое впечатление о достатке Трехернов. «Минос-Бич» представлял собой бутик-отель с частными виллами и садом, полным скульптур. Ночь там стоила около трехсот фунтов.

– Я хотел было вам позвонить, – продолжил Лоуренс, – но это дело не из тех, которые стоит обсуждать по телефону.

С каждой минутой разговор становился все более загадочным, и, если честно, меня это настораживало. Четырехчасовой перелет из Лондона, потом еще час езды от Ираклиона. Поездку сюда простой прогулкой не назовешь.

– Так что у вас за дело? – осведомилась я.

– Это связано с убийством.

Последнее слово на мгновение повисло в воздухе. С другой стороны террасы сияло солнце. Стайка местных ребятишек весело смеялась и кричала, плескаясь в водах Эгейского моря. Семьи сидели за столиками. Я смотрела, как Вангелис проходит со стаканами апельсинового сока и кофе со льдом на подносе.

– А кого убили? – задала я вопрос.

– Человека по имени Фрэнк Пэррис. Вы едва ли слышали о нем, но можете знать название отеля, где произошло убийство. Он называется «Бранлоу-Холл».

– И принадлежит вам?

– Да, так и есть. – Ответ дала Полин Трехерн, заговорив в первый раз за все время нашей беседы. Выражалась она с достоинством коронованной особы и, прежде чем произнести каждое слово, словно бы вырезала его ножницами из остальной фразы. Тем не менее у меня создалось впечатление, что эта женщина принадлежит к среднему классу, наравне со мной.

– Он снял номер на три ночи, – сказал Лоуренс. – И на вторую был убит.

Рой самых разных вопросов кружился у меня в голове. Кто такой Фрэнк Пэррис? Кто его убил? При чем тут я? Но задавать их я не стала. А вместо этого спросила:

– Когда это случилось?

– Примерно восемь лет назад, – пояснил Лоуренс Трехерн.

Полин положила сумочку-клатч на стол рядом с панамой, как если бы это был некий оговоренный заранее знак, что пришел ее черед. Присутствовало в этой даме нечто такое – ее молчаливость, скудость эмоций, – наводившее меня на мысль, что именно она принимает важные решения. Солнечные очки у миссис Трехерн были такие темные, что, когда она обратилась ко мне, я почти впала в транс, наблюдая за двумя отражениями внимательно слушающей себя.

– Вероятно, будет лучше, если я расскажу все с самого начала, – произнесла она в своей сухой манере. – Тогда вам станет понятно, почему мы здесь. Надеюсь, у вас найдется свободное время?

Меня ждало полсотни неотложных дел. Однако я любезно сказала:

– Да, сколько угодно.

– Благодарю вас. – Она собралась с мыслями, а потом начала: – Фрэнк Пэррис работал в рекламном бизнесе. Он только что вернулся в Англию из Австралии, где прожил несколько лет. Его жестоко убили в гостиничном номере в ночь на пятнадцатое июня две тысячи восьмого года. Эта дата навсегда врезалась мне в память, потому как она совпала со свадебным уик-эндом нашей дочери Сесили².

– Этот человек был в числе приглашенных?

² Здесь и далее дни недели соответствуют авторскому тексту. – *Примеч. ред.*

– Нет. Мы никогда раньше с ним не встречались. Под свадьбу мы зарезервировали около дюжины номеров. Пригласили только близких: родственников и друзей. В отеле в общей сложности тридцать два номера, и мы решили, вопреки моему разумному мнению – муж, увы, со мной не согласился, – остаться открытыми для прочих посетителей. Мистер Пэррис приехал в Суффолк навестить родных. Снял номер на трое суток. Его убили поздно ночью в пятницу, но тело было обнаружено только в субботу, во второй половине дня.

– Уже после того, как молодые расписались, – пробормотал Лоуренс Трехерн.

– Как его убили?

– Ударили несколько раз молотком. Лицо было ужасно обезображено, и, если бы не бумажник и паспорт, найденные в сейфе, полиция не смогла бы опознать погибшего.

– Сесили была жутко расстроена, – вставил Лоуренс.

– Да, как и мы все. Такой чудесный был день. Сначала церемония бракосочетания в саду, потом обед на сто персон. Погода стояла как по заказу. И все это время мы даже не догадывались, что в комнате наверху, практически над свадебным шатром, лежит в луже крови убитый человек. Сесили и Эйдену пришлось отложить медовый месяц, – добавила Полин, и голос ее, даже спустя столько лет, задрожал от возмущения. – Полицейские запретили им уезжать. Сказали, что об этом не может быть и речи, хотя было очевидно, что молодожены не имеют никакого отношения к убийству.

– Эйден – это муж Сесили?

– Да. Эйден Макнейл. Наш зять. Молодые собирались поехать в воскресенье утром на Антигуа, но в итоге прошло две недели, прежде чем им это разрешили, а ведь полиция практически сразу арестовала убийцу, так что задерживать их так надолго не было никакой необходимости.

– Так полицейские знали, кто это сделал?

– О да. Это было ясно с самого начала, – пояснил Лоуренс. – Убийцей оказался один из наших сотрудников, румынский иммигрант по имени Штефан Кодреску. Он был разнорабочим и жил в отеле. У него имелось преступное прошлое – мы знали об этом, когда нанимали парня. Мне стыдно признаться, но именно поэтому мы его, собственно, и взяли. – Рассказчик потупил глаза. – Мы с женой участвовали в программе по реабилитации юных правонарушителей, в рамках которой их после освобождения пристраивают на работу. Мы искренне верили в тюремную реформу и давали юношам и девушкам второй шанс: брали их на кухню, убирать комнаты или следить за садом. Вам наверняка известно, что процент рецидива среди тех, кто отбыл заключение, астрономически высок. Так происходит потому, что у этих людей нет возможности снова вернуться к полноценной жизни. Мы тесно взаимодействовали со службой пробации, и там нас заверили, что Штефан подходит по всем критериям. – Трехерн тяжело вздохнул. – Увы, эти люди ошиблись.

– Сесили верила в него, – сказала Полин.

– Она была с ним знакома?

– У нас две дочери, и обе помогают нам в отеле. Когда это произошло, Сесили была управляющей. Собственно говоря, это она проводила собеседование со Штефаном и взяла его на службу.

– Ваша дочь играла свадьбу в том самом отеле, где работала?

– Именно. Это семейный бизнес. Наш персонал – часть нашей семьи. Сесили даже мысли не допускала, чтобы торжество состоялось еще где-то, – заявила Полин.

– И ваша дочь считала Штефана невиновным?

– Поначалу да. И настаивала на этом. В этом-то и беда с Сесили. Она всегда была слишком доброй, доверчивой – такие люди склонны видеть в каждом человеке лучшие стороны. Но улики против Штефана оказались просто сокрушительными. Не знаю даже, с чего начать. Отпечатков пальцев на молотке не обнаружили – их стерли начисто. Но брызги крови нашли

на его одежде и на деньгах, взятых у убитого, – они были спрятаны у Штефана под матрасом. Его видели входящим в номер Фрэнка Пэрриса. Да и в любом случае он сознался. Когда это произошло, даже Сесили признала свою ошибку, и на этом все закончилось. Она улетела с Эйденем на Антигуа. Отель постепенно вернулся к нормальной жизни, хотя заняло это много, очень много времени, а в номере двенадцать никто с тех пор не живет. Мы используем его как кладовку. Как я уже сказала, все это случилось давно и, как нам казалось, осталось далеко в прошлом. Но получается, что это не так.

– И что же произошло? – спросила я, заинтригованная вопреки самой себе.

Эстафета перешла к Лоуренсу.

– Штефана приговорили к пожизненному заключению, и он сейчас за решеткой. Сесили писала ему пару раз, но он не ответил, и мы решили, что она про него забыла. Дочь казалась совершенно счастливой, занимаясь делами отеля и, разумеется, погрузившись в семейную жизнь с Эйденем. Когда они поженились, ей было двадцать шесть. Она на два года старше мужа. Сесили через несколько месяцев исполняется тридцать четыре.

– Дети у них есть?

– Да. Маленькая девочка. Впрочем, ей теперь уже семь... Роксана.

– Наша первая внучка. – Голос изменил Полин. – Милое дитя. Все, о чем мы могли мечтать.

– Мы с Полин наполовину отошли от дел, – продолжил Лоуренс. – У нас дом в Йере на юге Франции, и мы подолгу живем там. Короче говоря, несколько дней назад позвонила Сесили. Трубку взял я. Было примерно часа два, по французскому времени. Я сразу понял, что дочь была сильно расстроена. Более того, она волновалась. Затрудняюсь сказать, откуда она звонила, но это был вторник, так что, скорее всего, из отеля. Обычно мы некоторое время просто болтаем, но в тот раз Сесили перешла прямо к делу. Сказала, что много размышляла о случившемся...

– Об убийстве?

– Именно. Она заявила, что с самого начала была права и Штефан Кодреску невиновен в преступлении. Я спросил, с чего она так решила, и Сесили ответила, что наткнулась кое на что в одном романе, который ей дали почитать. «Разгадка была там, прямо у меня перед глазами» – это точные ее слова. Потом дочь добавила, что послала книгу мне, и действительно, уже на следующий день я ее получил.

Он полез в карман куртки и достал издание в мягкой обложке. Я сразу узнала его: картинка, шрифт, название. И с этой секунды беседа наша начала обретать смысл.

Это был роман «Аттикус Пюнд берет за дело», третья книга серии, которую сочинял Алан Конвей, а я редактировала для издательства «Клоуверлиф букс». Я сразу припомнила, что действие там по большей части развивается в отеле, но в графстве Девон, а не в Суффолке, и происходит в 1953 году, а не в наши дни. В памяти всплыл званый вечер в германском посольстве в Лондоне. Алан тогда еще выпил лишнего и оскорбил посла.

– Конвей знал про убийство? – осведомилась я.

– О да. Спустя шесть недель после трагедии Алан Конвей приезжал в отель и прожил там несколько дней. Мы оба встречали его. Он сказал, что был другом жертвы, Фрэнка Пэрриса, и задал нам кучу вопросов про убийство. И с персоналом тоже разговаривал. У нас даже мысли не было, что он собирается обратиться всю эту историю в развлечение. Будь Конвей с нами откровенен, мы бы вели себя более осмотрительно.

Именно поэтому он и слукавил, подумалось мне.

– Книгу вы прежде не читали? – уточнила я.

– Мы напрочь забыли о его визите, – признал Лоуренс. – К тому же мистер Конвей предусмотрительно не выслал нам экземпляр. – Он помедлил. – Но потом Сесили прочла роман и обнаружила там нечто такое, что проливает новый свет на случившееся в «Бранлоу-Холле»...

По меньшей мере так ей показалось. – Трехерн посмотрел на жену, как бы ища поддержки. – Мы с Полин тоже прочитали книгу, однако не нашли никакой связи с реальными событиями.

– Совпадения есть, – признала Полин. – Во-первых, все персонажи узнаваемы и явно списаны с людей, которых мистер Конвей встречал в Вудбридже. Даже имена те же самые... или очень похожие. Вот только мне кажется, что ему нравилось искажать образы людей так, что они становились ужасной карикатурой на самих себя. Например, прототипами владельцев «Мунфлауэра», отеля из книги, очевидно, являемся мы с Лоуренсом. Но они оба мошенники. Зачем ему это понадобилось? Мы в жизни не совершали бесчестных поступков.

Полин была скорее возмущена, чем взволнована, и посмотрела на меня так, словно это я во всем виновата.

– Отвечая на ваш вопрос, скажу: мы понятия не имели, что книга вообще опубликована, – продолжил Лоуренс. – Сам я не поклонник детективов. Да и никто у нас в семье их не читает. Саджид Хан сказал, что мистера Конвея уже нет в живых. Может, это и к лучшему, потому что нас очень сильно подмывало выдвинуть против него иск.

– Так. Давайте перейдем к делу, – произнесла я. У меня создавалось странное ощущение: факты громоздились друг на друга, но при этом я чувствовала, что супруги чего-то недоговаривают. – Вы допускаете, что вопреки уликам, не говоря уже о признании вины, Штефан Кодреску на самом деле не убивал Фрэнка Пэрриса, а Алан Конвей, посетив ваш отель, за считанные дни сумел выяснить, кто настоящий преступник. А потом неким образом указал на этого человека в своем романе «Аттикус Пюнд берется за дело».

– Точно.

– Но, Полин, это лишено смысла. Если бы Алан знал имя убийцы и понимал, что невиновный томится в тюрьме, он наверняка пошел бы в полицию! С какой стати ему зашифровать истину в художественном произведении? Кто сумеет ее там отыскать?

– Именно поэтому мы здесь, Сьюзен. По словам Саджида Хана, вы знали Алана Конвея лучше, чем кто-либо другой. Вы редактировали эту книгу. Если в ней и впрямь что-то спрячено, то кто это найдет, если не вы?

– Минуточку. – Наконец я поняла, где нестыковка. – Все началось, когда ваша дочь заметила что-то в тексте романа. Она первой прочла «Аттикус Пюнд берется за дело», а затем послала книгу вам. Так?

– Да. – Полин кивнула. – Но мы не знаем, что именно Сесили обнаружила.

– Так почему бы вам просто не позвонить ей и не спросить, о чем идет речь?

Ответ на мой вопрос дал Лоуренс Трехерн:

– Разумеется, мы звонили ей. Мы оба прочли книгу, а потом несколько раз звонили дочери из Франции. Наконец трубку взял Эйден и сообщил нам, что случилось. – Он помедлил. – Дело в том, что Сесили пропала.

Отъезд

Тем вечером я сорвалась на Андреаса. Честное слово, я не собиралась, но день принес столько неудач, одну за другой, что мне захотелось наорать либо на луну, либо на него, а он попросту оказался ближе.

Началось с того, что милая семейная пара, Брюс и Бренда из Маклсфилда, оказалась в итоге не такой уж милой. Эти двое потребовали предоставить им пятидесятипроцентную скидку по счету, иначе они разместят на сайте TripAdvisor весь перечень претензий, накопившихся с самого дня заезда, и тогда, заверили они, к нашему отелю и близко никто не подойдет. И что же это оказались за жалобы? Целый час не работал вайфай. Ночью кто-то играл на гитаре. Замечен одинокий таракан. Сильнее всего меня бесило, что Брюс и Бренда жаловались каждое утро, с неизменными кислыми улыбочками, и я с самого начала понимала, что они намерены выкинуть фокус. У меня появилась встроенная антенна, при помощи которой я безошибочно определяла туристов, включающих вымогательство в свои планы на отдых. Вы удивитесь, узнав, как их много.

Панос в тот день не вышел на работу. Вангелис опоздал. Компьютер Андреаса глюканул – а я ведь давно просила его посмотреть – и ухитрился отправить в спам запросы на бронирование двух номеров. Когда мы это обнаружили, клиенты уже заказали комнаты в другом месте. Перед сном мы пропустили по стаканчику «Метаксы», местного бренди, единственного достойного в Греции, но настроение у меня не улучшилось, и, когда Андреас спросил меня, что не так, я наконец не выдержала.

– Что не так? Да все, черт побери! Какого хрена вообще спрашивать, неужели не ясно?!

Я, вообще-то, не употребляю крепких выражений... по крайней мере, в адрес людей, которые мне нравятся. Лежа в постели и глядя на раздевающегося Андреаса, я злилась на себя. Я испытывала весьма противоречивые чувства: мне хотелось обвинить Андреаса во всем, что случилось с момента моего приезда на Крит, но в то же время я терзалась угрызениями совести за то, что подвела его. Однако хуже всего было ощущение беспомощности: события текли своим чередом, и я плыла по течению, а не направляла его. Неужели я осознанно выбрала жизнь, где совершенно чужие люди имеют право унижить меня из-за пары евро и где все мое благосостояние рухнет из-за сорвавшейся брони?

В этот миг я поняла, что должна вернуться в Англию и что на самом деле я уже некоторое время хотела этого, даже если и пыталась убедить себя в обратном.

Андреас почистил зубы и вернулся из ванной голым, каким всегда ложился в постель, напоминая одну из тех фигур – эфеба, а быть может, сатира, – которые можно увидеть на античных вазах. Мне подумалось, что за пару минувших лет он стал в большей степени греком, чем раньше. Его черная шевелюра сделалась чуть более косматой, глаза немного потемнели, а в манерах появилась некая вальяжность, какой я не замечала в бытность Андреаса преподавателем в Вестминстерской школе. Он также прибавил в весе, хотя, возможно, его животик, не замаскированный пиджаком, просто стал чаще попадаться мне на глаза. Меня по-прежнему влекло к нему. Но при этом мне вдруг захотелось с ним расстаться.

Я выждала, когда Андреас уляжется. Спали мы под одной простыней, с открытыми окнами. Комары в такой близости от моря почти не водились, и я предпочитала ночную свежесть искусственно охлажденному воздуху из кондиционера.

– Андреас... – начала я.

– Чего?

Если бы я не помешала, он бы заснул через несколько секунд. Голос у него уже был сонный.

– Я хочу вернуться в Англию.

– Что? – Он повернулся и приподнялся на локте. – Зачем?
– У меня там есть одно дело.
– В Лондоне?
– Нет. Я поеду в Суффолк. – (Он смотрел на меня в упор, и лицо его приняло крайне озабоченное выражение.) – Это ненадолго, – сказала я. – Всего на пару недель.
– Но, Сьюзен, ты необходима здесь, в отеле.
– Нам нужны деньги, Андреас. Мы не сможем платить по счетам, если не раздобудем дополнительные финансы. А мне за эту работу предлагают большую сумму. Десять тысяч фунтов. Наличными!

Это была правда.

Поведав мне про убийство в отеле, Трехерны принялись рассказывать об исчезновении дочери.

– Это очень не похоже на Сесили – уйти, никому ничего не сказав, – заметил Лоуренс. – Тем более бросив малышку...

– Кто присматривает за ребенком? – спросила я.

– Эйден. И еще есть няня.

– Это не просто «не похоже на нее». – Полин одарила мужа испепеляющим взглядом. – Сесили в жизни не совершала ничего подобного и уж тем более не бросила бы Роксану на произвол судьбы. – Она обратилась ко мне: – Если сказать по правде, Сьюзен, мы безумно тревожимся. И хотя Лоуренс может не согласиться, я убеждена, что исчезновение как-то связано с этой книгой.

– Я согласен, – буркнул Лоуренс.

– А кто-нибудь еще был в курсе ее забот? – задала я вопрос.

– Я уже говорил, что Сесили звонила нам из «Бранлоу-Холла», а значит, любой из персонала мог подслушать ее.

– Я имею в виду, делилась ли она с кем-то своими подозрениями?

Полин Трехерн покачала головой:

– Мы несколько раз пытались связаться с ней из Франции, но так и не смогли. И тогда набрали Эйдена. Он нам не звонил, не желая волновать, но, как выяснилось, обратился в полицию в тот самый день, когда Сесили пропала. К сожалению, полицейские не приняли его заявление всерьез... По крайней мере, сначала. Они предположили, что это могло стать результатом ссоры между супругами.

– А у них были проблемы в семейной жизни?

– Никаких, – ответил Лоуренс. – Они всегда жили душа в душу. Полицейские допросили Элоизу – это няня, – и она сказала то же самое. Она никогда не слышала, чтобы Сесили с мужем ссорились.

– Эйден – идеальный зять. Умный и трудолюбивый. Нам остается только желать, чтобы Лиза – это вторая наша дочь – нашла кого-то вроде него. И он переживает не меньше нашего!

Всякий раз, когда Полин обращалась ко мне, у меня создавалось впечатление, будто она борется с чем-то. Неожиданно она достала пачку сигарет и закурила. Полин курила жадно, как человек, только что дорвавшийся до табака после долгого воздержания.

Сделав затяжку, моя собеседница продолжила:

– Ко времени нашего возвращения в Англию полицейские соизволили наконец-то проявить интерес. Но проку от них оказалось не так уж много. Сесили отправилась выгулять пса. У нее есть косматый золотистый ретривер по кличке Медведь. Мы всегда держали собак. Из отеля она уехала в три часа пополудни и припарковала машину у станции Вудбридж. Дочь часто гуляла по тропе у реки, я имею в виду реку Дебен. Есть там круговая тропа, идущая вдоль берега, и в самом начале она довольно оживленная. Но затем дорожка становится шире и

безлюднее, потом вы проходите по ней через лес и на другой его стороне попадаете на дорогу, ведущую обратно через деревню Мартлшем.

– Значит, если кто-то на нее напал...

– В Суффолке такого не бывает. Но вы правы, там есть достаточно мест, где Сесили могла оказаться совершенно одна и ее никто видел. – Полин вздохнула и продолжила: – Эйден встревожился, когда жена не вернулась домой к ужину, и вполне резонно позвонил в полицию. Приехали два офицера в форме, задали несколько вопросов, но тревогу подняли только на следующее утро, когда, разумеется, было уже поздно. Причиной послужило то, что объявился Медведь – он один прибежал на станцию, и тогда к делу стали относиться с большей серьезностью. С помощью служебных собак полицейские прочесали местность от Мартлшема до самого Мелтона. Никакого прока. Там сплошь поля, леса, илистые болота... Предостаточно мест, где можно спрятаться. Они ничего не нашли.

– Сколько времени прошло с ее исчезновения? – спросила я.

– В последний раз Сесили видели в прошлую среду.

Я уловила, как опустилась тишина. Пять дней. Долгий период, настоящая пропасть, в которую провалилась Сесили.

– Вы проделали длинный путь, чтобы найти меня, – произнесла я наконец. – Чего же именно вы от меня хотите?

Полин посмотрела на мужа.

– Ответ содержится в этой книге, – сказал он. – В романе «Аттикус Пюнд берется за дело». Вы знаете его лучше, чем кто-либо другой.

– Следует заметить, прошло уже несколько лет с тех пор, как я его читала, – призналась я.

– Вы сотрудничали с автором, этим самым Аланом Конвеем. Вам известно, как работал его ум. Если мы попросим перечитать роман, вы наверняка сможете заметить вещи, на которые не обратили внимания прежде. А если вы приедете в «Бранлоу-Холл» и прочтете книгу, так сказать, прямо на месте действия, вероятно, обнаружите то, что уловила Сесили и что побудило ее позвонить нам. И это, в свою очередь, поможет выяснить, что случилось с нашей дочерью.

Когда Лоуренс произносил последние слова, «что случилось с нашей дочерью», голос изменил ему. Могла существовать какая-нибудь совершенно простая и банальная причина ее исчезновения, но это было маловероятно. Сесили что-то знала. Она представляла для кого-то угрозу. Эту мысль лучше было не озвучивать.

– Вы разрешите? – спросила я и позаимствовала у Полин Трехерн сигарету.

Моя пачка осталась за стойкой бара. Полноценный ритуал: вытащить сигарету, прикурить, сделать первую затяжку – давал мне время подумать.

– Я не могу поехать в Англию, – сказала я наконец. – Боюсь, у меня тут слишком много забот. Но книгу я прочитаю, если вы не против оставить мне свой экземпляр. Не обещаю, что мне на ум и впрямь придет что-то дельное. Я имею в виду, что помню сюжет, и он не вполне сходен с тем, что вы мне рассказали. Но я могу сообщить вам свои соображения по электронной почте...

– Нет. Так не пойдет. – Полин уже приняла решение. – Вам нужно переговорить с Эйдемом и Лизой. И с Элоизой, раз уж на то пошло. И встретиться с Дерекком, ночным администратором. Он дежурил в ту ночь, когда убили Фрэнка Пэрриса, и его допрашивал следователь. Он тоже фигурирует в книге Алана Конвея, хотя там его обозвали Эриком. – Женщина просительно наклонилась ко мне. – Мы не отнимем у вас много времени.

– И мы хорошо вам заплатим, – добавил Лоуренс. – Денег у нас достаточно, и мы не поскупились, если это поможет найти нашу дочь. – Он помедлил. – Скажем, десять тысяч фунтов?

Услышав это заявление, Полин недовольно покосилась на мужа, и мне подумалось, что тот без согласия супруги значительно увеличил, быть может, даже удвоил ту сумму, какую

они собирались предложить мне изначально. Вот чего я добилась своими отговорками. Мне показалось на миг, что у Полин готово сорваться с языка возражение, но потом она смирилась и кивнула.

Десять тысяч фунтов. Я подумала, что давно пора заново оштукатурить балкон. Приобрести Андреасу новый компьютер. И заменить холодильник для мороженого, который уже дышит на ладан. А также вспомнила бесконечные сетования Паноса и Вангелиса насчет повышения зарплаты.

– Ну разве я могла отказаться? – так я сказала Андреасу в нашей спальне поздно ночью. – Нам нужны деньги, да и, кроме того, может, мне и удастся помочь этим людям в поисках дочери.

– Думаешь, Сесили еще жива?

– Вполне возможно. Но даже если и нет, быть может, я смогу выяснить, кто ее убил.

Андреас сел. Он целиком стряхнул сон и явно встревожился за меня. Я почувствовала себя виноватой за доставленное ему беспокойство.

– Сюзен, когда ты в прошлый раз отправилась на поиски убийцы, это закончилось не слишком удачно, – напомнил он.

– Сейчас дело обстоит иначе. Эта история не имеет никакого отношения ко мне лично.

– Что служит лишним доводом не лезть в нее.

– Возможно, ты прав. Но...

Я приняла решение, и Андреас это знал.

– К тому же мне по-любому требуется передышка, – заявила я. – Уже два года прошло, Андреас, и, за исключением выходных на Санторини, мы нигде не были. Я совершенно вымоталась: постоянно приходится тушить пожар, без конца крутиться, чтобы все работало. Думаю, ты меня понимаешь.

– Ты хочешь передохнуть от отеля или от меня? – спросил он.

Я не была уверена, что знаю ответ на этот вопрос.

– Где ты остановишься? – продолжил пытаться меня Андреас.

– У Кэти. Будет здорово повидаться с сестрой. – Я положила руку ему на плечо и ощутила теплую плоть и рельеф мускулов. – Ты прекрасно справишься и без меня. Я попрошу Нелл прийти и помочь. И мы будем каждый день созваниваться.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, Сюзен.

– Но ты же не собираешься останавливать меня?

Некоторое время он молчал, и я видела, как в нем происходит борьба: мой Андреас против Андреаса-грека.

– Нет, не собираюсь, – сказал он наконец. – Ты вправе делать то, что считаешь нужным.

Два дня спустя Андреас доставил меня в аэропорт Ираклиона. По дороге из Айос-Николаоса, когда проезжаешь мимо Неаполи и Лассити, встречаются воистину красивейшие участки. Местность там дикая и пустынная, вдали тянутся горы, и ощущение такое, что минули тысячелетия, а этот край почти совсем не изменился. Даже автомагистраль, начинающаяся после Малии, проложена среди захватывающего дух ландшафта, а к концу она идет на спуск, и перед тобой вдруг открывается широкий пляж из белого песка. Возможно, именно поэтому мне взгрустнулось – при мысли о том, что я оставляю позади. Внезапно все трудности и вся рутина управления «Полидорусом» выветрились из памяти. Вспоминались ночи, волны и pansélinos – полная луна. Вино. Смех. Моя простая жизнь.

Собираясь в дорогу, я сперва намеренно достала самую маленькую из сумок. Я подразумевала, что для Андреаса и меня самой такой выбор должен был стать свидетельством, что это всего лишь короткая деловая поездка и совсем скоро я буду дома. Но, роясь в гардеробе

и глядя на одежду, которую не носила два года, я поймала себя на мысли, что навалила на кровать гору вещей. Меня ждет возвращение в английское лето, а это значит, что будет жарко и холодно, сыро и сухо – и все в один день. Жить мне предстоит в дорогом загородном отеле. Там, не исключено, действует дресс-код для ужина. И мне платят десять тысяч фунтов. Нужно выглядеть профессионалом.

Поэтому, приехав в аэропорт Ираклиона, я тащила за собой старый чемодан на колесиках. И эти самые колесики назойливо скрипели, катясь по бетонному полу. Мы остановились на минуту в зале ожидания, под резкими струями кондиционированного воздуха и еще более резким светом электрических ламп.

Андреас обнял меня.

– Обещай, что будешь осторожна. И позвони, как только доберешься до места. Мы можем использовать «Фейстайм».

– Если вайфай не подведет!

– Обещай, Сьюзен.

– Обещаю.

Взяв обеими руками за плечи, он поцеловал меня. Я улыбнулась ему и покатила чемодан по направлению к дородной хмурой гречанке в синей форме. Она проверила мой паспорт и билет, а потом отправила проходить досмотр. Я обернулась и помахала.

Но Андреас уже ушел.

Опилки

Возвращение в Лондон стало своего рода потрясением. После долгого пребывания в Айос-Николаосе, по сути всего лишь разросшейся рыбачьей деревушке, я очутилась посреди мегаполиса и оказалась совершенно не готова к его быстрому ритму, шуму и скоплению людей на улицах. Все выглядело более серым, чем мне запомнилось, и трудно было смириться с пылью и бензиновыми выхлопами. От обилия новых сооружений у меня голова пошла кругом. Виды, к которым я привыкла за всю свою взрослую жизнь, изменились за каких-то два года. Многочисленные мэры столицы, с их любовью к высоткам, позволили разным архитекторам изуродовать пейзаж своими творениями, и в результате все вокруг было и чужим и знакомым одновременно. По пути из аэропорта я ехала на заднем сиденье черного такси вдоль Темзы, и строящийся квартал жилых и офисных зданий вокруг электростанции Баттерси чем-то напомнил мне поле боя. Здесь словно бы произошло вторжение неприятеля, и все эти краны с их мигающими красными огнями казались чудовищными стервятниками, клюющими разбросанные по земле невидимые трупы.

Первую ночь я решила провести в гостинице, и, честно говоря, мне было не по себе. Коренная жительница Лондона, я опустилась до статуса гостя столицы и возненавидела отель «Премьер инн» в Фаррингдоне. Не по его вине – в заведении было чисто и уютно, – а просто потому, что вынуждена была там остановиться. Сидя на кровати с розовато-лиловыми подушками и логотипом в виде «спящей луны», я чувствовала себя совершенно несчастной. Я уже скучала по Андреасу. Я отправила ему из аэропорта эсэмэску, но знала, что если вызову его по «Фейстайм», то непременно расплачусь, и это докажет, что он был прав и мне не следовало уезжать. Чем скорее я попаду в Суффолк, тем лучше. Но я не была пока готова к этому путешествию. До отъезда мне требовалось уладить пару дел.

После беспокойного сна и завтрака: яйцо, сосиска, бекон, бобы – все как в любом отеле экономичной ценовой категории, – я направилась на вокзал Кингс-Кросс, в одно из гаражных хранилищ, устроенных в арке под железнодорожной линией. Перебираясь на Крит, я продала квартиру в Крауч-Энде и почти все, что в ней было, но в последний момент решила до поры не расставаться с машиной, ярко-красным родстером «Эм-Джи-Би», купленным в момент помрачения рассудка, совпавшим с сороковым моим днем рождения. Я не собиралась больше на ней ездить, и хранить ее было безумным чудачеством – за эту привилегию приходилось выкладывать по сто пятьдесят фунтов каждый месяц. Но я просто не могла заставить себя расстаться с «Эм-Джи-Би», и в ту минуту, когда двое молодых людей выкатили мой родстер, это напомнило встречу со старым другом. И даже больше: этот автомобиль был частью прежней жизни, вернувшейся ко мне. Уже просто от заскрипевшей подо мною кожи водительского сиденья, деревянного рулевого колеса и донельзя старомодного радиоприемника над коленками я ощутила прилив симпатии к самой себе. Я дала себе слово, что, если вернусь на Крит, заберу авто с собой – и к чертям проблемы с регистрацией в греческой автоинспекции и с левосторонним движением. Стоило повернуть ключ, и машина завелась с пол-оборота. Я нажала пару раз на акселератор, наслаждаясь довольным урчанием двигателя, а потом тронулась с места и покатила по Юстон-роуд.

Стояло еще утро, и трафик был не таким уж плотным – без пробок. Возвращаться прямо в отель не хотелось, поэтому я прокатилась по Лондону, просто от нечего делать, чтобы посмотреть что да как. Железнодорожную станцию Юстон перестраивали. Гауэр-стрит была разбитой, как всегда. Едва ли стоило считать случайным совпадением, что я оказалась в Блумсбери, в окрестностях Британского музея, но воистину без всякого осознанного намерения проехала мимо «Клоуверлиф букс», независимого издательского дома, в котором проработала одиннадцать лет. Точнее сказать, мимо того, что от него осталось. Здание стояло разрушенным, с зако-

лоченными окнами и закопченными стенами, в окружении строительных лесов, и мне пришла мысль, что страховая компания отказалась платить. Видимо, поджог и попытка убийства не были включены в полис.

Я подумывала сгонять в Крауч-Энд, дав «Эм-Джи» всерьез поразмяться, но решила, что это подействует на меня слишком угнетающе. К тому же меня ждала работа. Оставив машину на площадке «Национальных автостоянок» в Фаррингдоне, я пешком вернулась в гостиницу. Освободить номер предстояло только через час, и я скоротала его в обществе кофемашины, двух пачек бесплатного печенья и Интернета. Открыв ноутбук, я стала по очереди вводить в строку поиска: «Бранлоу-Холл», Штефан Кодреску, Фрэнк Пэррис, убийство.

И вот какие статьи нашла: детективная загадка, лишенная интриги и рассказанная всего в четырех независимых друг от друга главах.

«Ист-Энглиан дейли таймс», 18 июня 2008 года

В ПРЕСТИЖНОМ ОТЕЛЕ УБИТ ПОСТОЯЛЕЦ

Полиция расследует убийство пятидесятитрехлетнего мужчины, труп которого был обнаружен в пятизвездочном отеле «Бранлоу-Холл», расположенном близ Вудбриджа в Суффолке. Это заведение, где одна ночь в номере люкс стоит триста фунтов, очень популярно среди знаменитостей при проведении свадеб и вечеринок. Гостиница также используется как место для съемок многих телевизионных программ, включая сериал «Молодой Морс» и передачу «Антикварные гастроли».

Жертвой оказался постоялец по имени Фрэнк Пэррис, известный человек в рекламном бизнесе, удостоившийся наград за работы для «Барклиз банк» и организации по защите прав сексуальных меньшинств «Стоунволл». Он дорос до креативного директора компании «Маккан-Эриксон» в Лондоне, а затем отправился в Австралию, где основал собственное агентство. Семьи у погибшего не было.

Детектив-суперинтендант Ричард Локк, ведущий расследование, заявил: «Это было особо жестокое убийство, совершенное преступником-одиночкой с целью грабежа. Похищенные у мистера Пэрриса деньги найдены, и в ближайшее время мы произведем арест злоумышленника».

Убийство произошло в ночь перед свадьбой Эйдена Макнейла и Сесили Трехерн, дочери владельцев отеля, Лоуренса и Полин Трехерн.

Тело было обнаружено вскоре после церемонии бракосочетания, проводившейся в саду гостиницы. Обе супружеские пары воздерживаются от комментариев.

«Ист-Энглиан дейли таймс», 20 июня 2008 года

ЗАДЕРЖАН ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ВУДБРИДЖСКОМ УБИЙСТВЕ

В связи с жестоким убийством бывшего рекламщика в «Бранлоу-Холле», известном суффолкском отеле, полиция арестовала мужчину двадцати двух лет.

Детектив-суперинтендант Ричард Локк, ведущий расследование, сообщил: «Это было ужасное преступление, совершенное без всякой жалости.

Моя команда работала очень быстро и тщательно, и я рад заявить, что мы смогли арестовать злоумышленника. Хочу высказать свое искреннее сочувствие молодоженам, особый день в жизни которых оказался омрачен столь печальными событиями».

Подозреваемый задержан и предстанет перед Ипсуичским уголовным судом на следующей неделе.

«Дейли мейл», 22 октября 2008 года

ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДЛЯ УСТРОИВШЕГО «КОШМАР С МОЛОТКОМ» СУФФОЛКСКОГО УБИЙЦЫ

Решением Ипсуичского уголовного суда румынский иммигрант Штефан Кодреску был приговорен к пожизненному заключению за убийство пятидесятитрехлетнего Фрэнка Пэрриса, совершенное в номере люкс престижного отеля «Бранлоу-Холл» близ Вудбриджа, Суффолк. Пэррис, которого называли обладателем «блестящего креативного мышления», незадолго перед этим вернулся из Австралии и собирался уйти на покой.

Штефан Кодреску, сознавшийся в жестоком убийстве, въехал в Соединенное Королевство в возрасте двенадцати лет. Еще будучи подростком, он привлек внимание лондонской полиции, расследующей деятельность румынских ОПГ, занимающихся операциями с поддельными кредитными карточками, украденными паспортами и фальшивыми удостоверениями личности. В девятнадцать лет Кодреску был арестован за кражу со взломом при отягчающих обстоятельствах и нападение. Его приговорили к двум годам лишения свободы.

Лоуренс Трехерн, владелец «Бранлоу-Холла», присутствовал в зале суда при оглашении приговора. Он сообщил, что нанял Кодреску, проработавшего в гостинице пять месяцев, в рамках программы реабилитации юных преступников. Мистер Трехерн сказал, что не сожалеет о своем поступке. «Мы с женой потрясены смертью мистера Пэрриса, – заявил он. – Но я по-прежнему верю, что молодые люди должны получить шанс на возвращение в нормальное общество».

Оглашая приговор Кодреску, судья Азра Рашид справедливо заметил: «Несмотря на преступное прошлое, вы получили уникальную возможность изменить свою жизнь. Но вместо этого совершили жестокое убийство ради наживы и тем самым предали доверие своих нанимателей, которые руководствовались самыми благими намерениями».

На суде обнародовали тот факт, что Кодреску, которому исполнилось уже двадцать два года, влез в долги, играя в онлайн-покер и на автоматах. Адвокат обвиняемого, Джонатан Кларк, сказал, что его подзащитный потерял связь с реальностью. «Он жил в виртуальном мире, а долги нарастали как снежный ком, и в конце концов ситуация вырвалась из-под контроля. Случившееся той ночью имело причиной своего рода безумие... помрачение рассудка».

Напомним, что на Пэрриса напали с молотком и избивали так зверски, что его невозможно было опознать. Детектив-суперинтендант Локк, произведший арест, признался, что это было «самое мерзкое дело из всех, какие ему приходилось вести».

Представитель благотворительного общества «Скрин конселлинг», расположенного в Норидже, призвал Комиссию по игорному бизнесу запретить делать онлайн-ставки при помощи кредитных карт.

Такова была история: начало, кульминация и конец. Однако, порыскав по Интернету, я обнаружила кое-какую информацию, способную, образно выражаясь, послужить заключительным аккордом всей этой композиции, если бы не последние сведения, полученные мною от Трехернов.

«Кэмпейн», 12 мая 2008 года

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК ДЛЯ «САНДОУНЕРА»

Зарегистрированное в Сиднее рекламное агентство «Сандоунер», основанное Фрэнком Пэррисом, бывшим креативным директором компании «Маккан-Эриксон», вышло из бизнеса. Австралийская комиссия по безопасности и инвестициям, этот официальный финансовый сторожевой пес, подтверждает, что после всего трех лет работы агентство прекращает свою деятельность.

Пэррис, начинавший карьеру копирайтером, на протяжении двух десятилетий был заметной фигурой на лондонской рекламной сцене, заслужив престижные награды за работу для «Барклиз банк» и «Домино-Пицца». В 1997 году он также разрабатывал для общества «Стоунволл» кампанию «Экшн Фэг», направленную на защиту прав геев в вооруженных силах и вызвавшую в обществе весьма неоднозначную реакцию.

Сам Пэррис не скрывал своей сексуальной ориентации и прославился экстравагантными и роскошными вечеринками. Ходят слухи, что переезд в Австралию был продиктован стремлением несколько заретушировать его публичный имидж.

В первый месяц «Сандоунер» получил несколько крупных заказов, включая рекламу солнечных очков «Фон Зиппер», шоколада «Вэгон Вилс» и обуви «Кастом». Однако этот кратковременный успех совпал с падением рынка, приведшим к значительному снижению потребительского спроса и затрат на продвижение товаров. Поскольку в Австралии быстро набирают обороты интернет-реклама и видеоролики в Сети, становится очевидным, что «Сандоунер», сделав ставку на традиционную рекламу, а не на цифровые технологии, тем самым ускорил для себя визит в салун последней надежды.

Так, и что можно было почерпнуть из всей этой информации?

Ладно, допустим, во мне заговорил редактор, но я отметила, что во всех заметках убийство описывалось как жестокое, как будто кого-то убивают нежно или с жалостью. Обрисовывая персону Фрэнка Пэрриса, журналисты оперировали теми немногими деталями, что имелись в их распоряжении: отмечен наградами, гей, экстраверт, в конечном счете неудачник. Это не помешало «Мейл» характеризовать его как обладателя «блестящего креативного мышления». Впрочем, пресса готова была простить Пэррису почти все, что угодно: ведь, в конце концов, он был убит румынским иммигрантом. В самом ли деле Штефан Кодреску состоял в банде, торгующей паспортами, фальшивыми кредитками и прочим? Никаких свидетельств этого не приводилось, а то, что полиция на тот момент занялась румынскими преступными группировками, могло оказаться чистым совпадением. Арестован он в итоге был за кражу со взломом.

Что же касается «блестящего креативщика» Фрэнка Пэрриса, то возникал вопрос: какими судьбами его занесло в отель в Суффолке, да еще накануне свадьбы, на которую он не был приглашен? Полин Трехерн сказала, что Пэррис приехал навестить родственников. Но почему тогда он не остановился у них?

Упоминание про суперинтенданта Локка меня встревожило. Мы встречались с ним после гибели Алана Конвея и, признаюсь честно, не слишком поладили. Как сейчас его помню: этот здоровенный, донельзя рассерженный офицер полиции ввалился в кафешку на окраине Ипсуича, орал на меня минут пятнадцать, а потом ушел. Алан срисовал с него одного из своих персонажей, и Локк сорвал зло на мне. У него ушло меньше недели, чтобы вычислить Штефана, арестовать его и предъявить обвинение в убийстве. Ошибся ли суперинтендант? Согласно газетным материалам (и, если уж на то пошло, рассказу Трехернов), все это дело выглядело ясным как день.

Однако восемь лет спустя Сесили Трехерн пришла к иным выводам. И загадочным образом исчезла.

В Лондоне дел у меня больше не оставалось. Напрашивалась идея поговорить со Штефаном Кодреску, что означало навестить его в тюрьме. Но я даже не знала, где его содержат, и Трехерны тут помочь не могли. Как же получить необходимые сведения? Я снова полезла в Интернет, но ничего не нашла. А потом вспомнила про одного знакомого автора, Крейга Эндрюса. Писательством он занялся поздно, и мне довелось редактировать первый его роман – триллер, действие которого происходит в тюрьме. Помнится, при прочтении меня впечатлила жесткость его стиля наряду с достоверностью описаний. Автор явно глубоко погрузился в тему.

Разумеется, у него теперь был другой издатель. «Клоуверлиф букс» оказало литератору скверную услугу, выйдя из бизнеса и сгорев дотла, но, с другой стороны, дебют оказался успешным, и мне встречались положительные рецензии на новую книгу Эндрюса в «Мейл он Санди». Терять было нечего, поэтому я написала ему на электронную почту, сообщив, что вернулась в Англию, и попросила помочь мне установить местонахождение Штефана Кодреску. Уверенности, что Крейг ответит, не было.

Затем я упаковала ноутбук, взяла чемодан и выручила свой «Эм-Джи» со стоянки, где за унылый грязный угол, в котором стоял автомобиль, мне предъявили чек на несуразную сумму. Вид любимой машины до сих пор приводил меня в восторг. Я запрыгнула на сиденье и несколько секунд спустя съехала под рокот мотора по пандусу на Фаррингдон-роуд и взяла курс на Суффолк.

«Бранлоу-Холл»

На время пребывания в Суффолке я могла остановиться у сестры, но Трехерны предложили разместить меня бесплатно в своем отеле, и я предпочла согласиться. Истинная причина заключалась в том, что меня не радовала перспектива провести столь продолжительное время в обществе Кэти. Она была на два года моложе меня, и, глядя на сестру, имевшую двух очаровательных детей, уютный дом, успешного мужа и близких друзей, я невольно сравнивала все это со своей неустроенной жизнью и испытывала комплекс неполноценности. Когда после трагических событий в «Клоуверлиф букс» я решила уехать на Крит, Кэти обрадовалась, видя в этом поступке своего рода обращение к нормальному семейному укладу, и мне не хотелось объяснять сестре, почему я вернулась. Не то чтобы Кэти стала осуждать меня. Скорее уж это я чувствовала бы себя виноватой.

В любом случае имело смысл обосноваться прямо на месте преступления, где до сих пор собрано такое множество свидетелей. Так что я обогнула Ипсуич и выехала на трассу A12, миновав правый поворот на Вудбридж. Вместо этого я проехала еще пять миль, до солидного указателя (черный фон, золотые буквы), и по узкой дорожке, выходящей между живыми изгородями с вкраплениями алых маков, добралась до каменных ворот, за которыми раскинулась старинная усадьба рода Бранлоу, занимающая обширный участок суффолкской земли.

Полагаю, что, учитывая, сколь многое из того, о чем рассказывается на этих страницах, произошло именно здесь, мне следует описать сие место самым тщательным образом.

Итак... Это был красивый особняк – нечто среднее между домом помещика, замком и французским шато: строго квадратное здание, окруженное лужайками с вкраплениями декоративных деревьев и густым лесом на заднем плане. В какой-то период истории поместья лес этот, видимо, окружал дом, потому как гравийная подъездная дорожка, сбивая с толку, вела к боковой стене с несколькими окнами, но без двери, тогда как настоящий вход располагался за углом и глядел на другую сторону.

Именно так, стоя лицом к фасаду дома, можно было оценить все его великолепие: парадная дверь с арочным портиком, готические башни и зубчатые стены, гербы, каменные трубы, соединенные, надо понимать, со множеством каминов. Окна были двойной высоты, с наличниками, украшенными лепными головами давно забытых лордов и леди. По краю крыши расселось немало число каменных птиц, с орлом в каждом углу, а над парадной дверью помещалась прекрасной работы сова с раскинутыми в стороны крыльями. Глядя на нее, я припомнила, что видела изображение совы на указателе снаружи. Это был логотип отеля, нанесенный также на меню и почтовую бумагу.

Дом был окружен невысокой стеной с одной стороны и заборчиком с другой, и от него веяло безмятежностью, как если бы здание специально отгородили от реального мира. Слева, то есть в стене, противоположной подъездной дорожке, имелась целая серия неброских, более современного дизайна дверей, выходящих из бара на очень ровную, красиво подстриженную лужайку. Именно на ней и проходил восемь лет назад свадебный обед. Правее и немного позади располагались две уменьшенные версии главного особняка. Одна представляла собой часовню, а вторая – зернохранилище, переоборудованное в оздоровительный корпус, с пристроенной оранжереей и крытым плавательным бассейном.

Едва припарковав «Эм-Джи» на гравийной дорожке, я поймала себя на мысли, что всякий писатель, решивший сочинить роман об убийстве в классической сельской усадьбе, нашел бы здесь весь необходимый материал. А любой убийца, желающий избавиться от трупа, имел бы под рукой несколько сот акров земли. Я задавала себе вопрос: искала ли полиция Сесили Трехерн на этой территории? Молодая женщина сказала, что отправилась гулять с собакой, а ее

машину обнаружили возле железнодорожной станции в Вудбридже, но кто может поручиться, что она сама управляла ею?

Я не успела еще выключить зажигание, как появился молодой человек и вынул мой чемодан из багажника. Он проводил меня в гостиничный вестибюль. Тот был квадратным, но производил впечатление круглого – благодаря круглому столу, круглому ковру и кольцу мраморных колонн, поддерживающих потолок, украшенный кругом из рельефной штукатурки. Пять дверей, одна из которых принадлежала современному лифту, вели в разных направлениях, но молодой служащий провел меня во второй холл, со стойкой администратора, спрятанной под массивной каменной лестницей.

Ступеньки изгибались по спирали, не закрывая вид вплоть до сводчатого потолка тремя этажами выше. Создавалось впечатление, что ты внутри собора. Прямо передо мной находилось огромное витражное окно, хотя никаких религиозных мотивов там не было и в помине. Такие, скорее, можно встретить в какой-нибудь старой школе или даже где-нибудь на железнодорожном вокзале. Пространство наверху, которое я могла охарактеризовать как площадку, раскинулось по обе стороны лестницы, отчасти перекрываемое стеной. Но в стене имелся полукруглый проем, так что идущих по площадке гостей почти наверняка можно было видеть снизу. Лестничная площадка соединяла два коридора, тянувшихся по всей длине отеля, образуя, если угодно, перекладину в большой букве «Н».

За стойкой администратора восседала женщина в строгом черном платье. Стойка с зеркальными углами была сделана из какого-то темного полированного дерева и выглядела тут совершенно неуместной. Я знала, что «Бранлоу-Холл» по большей части построили в начале XVIII века, и вся прочая обстановка была подчеркнута традиционной и старомодной. У противоположной стены стояла лошадь-качалка с облупившейся краской и внимательными глазами. Мне невольно вспомнился знаменитый мистический рассказ Дэвида Герберта Лоуренса «Победитель на деревянной лошадке». За стойкой администратора, справа и слева, располагались два маленьких кабинета. Позже я выяснила, что один из них занимала Лиза Трехерн, а другой – ее сестра Сесили. Двери были открыты, и я увидела пару одинаковых столов с телефонными аппаратами. Не отсюда ли Сесили позвонила во Францию?

– Мисс Райленд? – Администратор ждала меня.

Предлагая бесплатное размещение, Полин Трехерн обещала сообщить персоналу, что я помогаю ей в одном деле, не уточняя, в каком именно. Девушка была примерно такого же возраста, что и встретивший меня парень. В принципе, они вполне могли оказаться братом и сестрой: оба светловолосые, слегка медлительные. Возможно, скандинавы.

– Добрый день! – Я поставила между нами сумочку, готовая достать кредитку, если попросят.

– Надеюсь, поездка из Лондона была приятной?

– Да, спасибо.

– Миссис Трехерн распорядилась разместить вас в крыле «Мунфлауэр». Там вам будет очень удобно.

«Мунфлауэр». Именно такое название Алан Конвей дал отелю в своей книге.

– Нужно подняться на один пролет. Или предпочитаете воспользоваться лифтом?

– Думаю, меня и лестница вполне устроит, спасибо.

– Ларс донесет ваш багаж и покажет номер.

Судя по имени, точно скандинав. Я поднялась вслед за Ларсом до площадки второго этажа. На стенах висели картины маслом: портреты, запечатлевшие представителей многих поколений семьи, причем ни один из них не улыбался. Ларс свернул вправо, и мы пошли по открытому пространству, которое хорошо просматривалось снизу. Я заметила стоявший у стены столик с двумя стеклянными подсвечниками, а на подставке между ними лежала большая серебряная брошь. Она была в форме круга с серебряной булавкой. Сложенная пополам

карточка с машинописным текстом сообщала, что это фибула XVIII века, и это меня заинтересовало, потому что такого слова мне прежде слышать не доводилось. Под столом находилась застеленная клетчатым одеялом собачья корзинка, и она напомнила мне о Медведе, золотистом ретривере Сесили Трехерн.

– А где же собака? – спросила я.

– Ушла погулять, – уклончиво ответил Ларс, похоже несколько удивившись вопросу.

Все, что я описывала до сих пор, было проникнуто духом древности, но когда мы вошли в коридор, я подметила электронные замки на дверях и глядевшую на нас из угла камеру видеонаблюдения. Видимо, хозяева, наученные горьким опытом, установили ее уже после убийства – ведь если бы она была здесь раньше, то убийцу удалось бы заснять на пленку. Первая дверь, к которой мы подошли, была обозначена номером десять, а следующая – одиннадцать. Однако дверь, на которой должна была красоваться цифра двенадцать, оказалась немаркированной. Тринадцатой комнаты в отеле тоже не было, видимо, из суеверных соображений. Мне показалось или Ларс действительно пошел быстрее? Я слышала, как половицы скрипят под его шагами, а колесики моего чемодана повизгивают, прыгая на стыках.

После номера четырнадцать мы добрались до противопожарной двери, которая вела в коридор, явно относящийся к не столь давним временам, – он располагался в части, пристроенной к дому сзади. Впечатление создавалось такое, будто к старому отелю прилепили второй, современный, и я задумалась, существовало ли уже все это восемь лет назад, когда Фрэнк Пэррис зарегистрировался в гостинице... и был выписан из нее по причине смерти. Ковры в новой секции имели отвратный рисунок – такие никто не постелет у себя в доме. Двери были из дерева, не такие тяжеловесные и более современного дизайна, а расстояние между ними сократилось, намекая на меньшие размеры комнат, чем в старом здании. Осветительные приборы были встроены в потолок. Это и есть крыло «Мунфлауэр»? Я не стала спрашивать у Ларса, значительно опередившего меня вместе с моим повизгивающим чемоданом.

Мне выделили не просто номер, но апартаменты в самом конце коридора. Ларс провел ключом-карточкой, отперев замок, и мы оказались в светлой, уютно обставленной комнате, где преобладали различные оттенки кремового и бежевого, а на стене висел большой телевизор. Покрывала на кроватях были дорогими. Присланные в подарок бутылка вина и корзина с фруктами ждали меня на столе. Я выглянула в окно и увидела задний двор отеля, по дальней стороне которого шли строения – видимо, переделанные конюшни. Оздоровительный корпус и плавательный бассейн располагались справа. Дорожка вела к большому современному зданию, стоявшему в стороне от отеля. На его воротах я разглядела название: «БРАНЛОУ-КОТТЕДЖ».

Ларс поместил мой чемодан на складную багажную подставку, которые мы в «Полидо-русе» не применяли, потому что они занимают слишком много места и выглядят по-дурацки.

– Холодильник. Кондиционер. Мини-бар. Кофемашинка... – Он устроил мне экскурсию по комнате, как будто я сама не могла разобраться, что к чему. В тоне юноши угадывалась скорее вежливость, чем радушие. – Пароль от вайфая на столе. Если что-то потребуется, наберите ноль, чтобы позвонить администратору.

– Спасибо, Ларс, – поблагодарила я.

– Угодно что-нибудь еще?

– Откровенно говоря, мне хотелось бы попасть в номер двенадцать. Можно получить ключ?

Ларс взглянул на меня с удивлением, но это продолжалось всего лишь секунду: Трехерны подготовили почву.

– Я открою его для вас, – сказал он.

Молодой человек направился к двери, и тут наступил неудобный момент: я не была уверена, следует ли мне дать чаевые и ждет ли их служащий или нет. На Крите мы держали в баре соломенную шляпу, и обладающие лишним евро посетители клали его туда. Потом чаевые

делились поровну между персоналом. В общем и целом, я чаевые давать не люблю. Это выглядит старомодно, возвращает нас к былым временам, когда официанты и прислуга в гостиницах рассматривались как представители низших классов. Ларс явно думал иначе. Он насупился, повернулся на каблуках и вышел.

По мере того как я распаковывала вещи, мое уныние росло. Помещенная в гардероб дорогого отеля, моя одежда производила жалкое впечатление. Это напоминало о том, что за последние два года я почти не покупала себе ничего нового.

Черный «рейнджровер» проехал мимо конюшен и, хрустя гравием, свернул на подъездную дорожку к Бранлоу-коттеджу. Я услышала, что дверца хлопнула, и выглянула в окно как раз вовремя, чтобы увидеть: из машины выходит молодой мужчина в ветровке и кепи. С ним была собака. В ту же минуту дверь дома открылась, и навстречу приехавшему бегом устремилась девочка с черными волосами. За ней следовала смуглая худая женщина с пакетом из супермаркета. Мужчина заключил девочку в объятия. Лиц я толком не видела, но догадывалась, что это Эйден Макнейл, а девочка – его дочь Роксана. А женщина, должно быть, няня, Элоиза. Мужчина коротко сказал ей что-то, после чего все трое направились в дом.

Я чувствовала себя виноватой, будто подглядывала за ними. Я развернулась, подхватила сумочку, где лежали деньги, блокнот и сигареты, покинула комнату, открыла противопожарную дверь и перешла в старую часть здания, где и располагался двенадцатый номер. Сама собой напрашивалась мысль, что начать стоит именно отсюда. Ларс оставил дверь открытой, подперев ее мусорной корзиной, но я не хотела, чтобы мне мешали, поэтому убрала корзину, и замок защелкнулся у меня за спиной.

Я оказалась в комнате примерно вдвое меньшей, чем та, где поселили меня. Ни кровати, ни ковра здесь не было: вероятно, они были перепачканы кровью и их вынесли. Во многих детективных романах я читала, что насильственная смерть оставляет в помещении своего рода эхо, но никогда всерьез не верила в подобное, однако в этом месте определенно присутствовала некая аура... Пустое пространство там, где должна была стоять мебель; выцветшие стены с пятнами в тех местах, где раньше висели картины; никогда не раздвигающиеся шторы. Здесь хранились две тележки, доверху забитые полотенцами и чистящими средствами, груда коробок, куча электрических приборов вроде тостеров и кофеварок, а также ведра и швабры. Короче, весь тот хлам, который не должен попадаться на глаза гостю фешенебельного отеля.

Значит, вот тут и убили Фрэнка Пэрриса. Я пыталась представить, как открывается дверь и кто-то прокрадывается в комнату. Если Фрэнк спал в момент нападения, злоумышленнику было не обойтись без электронного ключа-карты, но у Штефана Кодреску такой наверняка имелся. По расположению электрических розеток я прикинула, где стояла кровать, и вообразила лежащего в темноте Фрэнка. Повинуясь порыву, я снова открыла дверь. Петли не скрипнули, зато раздался отчетливый щелчок отпираемого электронного замка. Достаточно ли громкого, чтобы разбудить спящего? Газеты сообщали до обидного мало подробностей, и Трехерны толком дополнить ничего не могли. Где-то должен храниться полицейский отчет, из которого можно узнать, стоял Фрэнк или лежал, что было на нем надето, как именно он умер. Кладовка, обшарпанная и заброшенная, могла поведать мне очень мало.

Стоя там, я вдруг ощутила уныние. И зачем только я уехала от Андреаса? Какого черта тут делаю? Вот если бы в «Бранлоу-Холл» прибыл Аттикус Пюнд, он бы давно уже нашел разгадку преступления. Возможно, само расположение комнаты или собачья корзинка могли послужить ему подсказкой. А как насчет старинной фибулы? Это ведь нечто прямо-таки сошедшее со страниц романа Агаты Кристи, разве не так?

Но проблема в том, что я-то не сыщик. И теперь даже больше не редактор. Я полный ноль.

Лиза Трехерн

В самый первый вечер Полин и Лоуренс Трехерн пригласили меня на ужин, но когда я спустилась в обеденный зал отеля, то застала там одного лишь Лоуренса.

– Боюсь, у жены разболелась голова, – пояснил он.

Я подметила, что столик все равно накрыли на троих.

– Лиза пообещала присоединиться к нам, – продолжил Трехерн. – Но начать придется без нее.

Сейчас, одетый в клетчатую рубашку слишком большого размера и красные вельветовые брюки, он выглядел старше, чем на Крите. Под глазами отчетливее проступали морщины, а на щеках виднелись темные пятна, всегда ассоциировавшиеся у меня с болезнью или преклонным возрастом. Очевидно, исчезновение дочери тяжело сказывалось на нем, и наверняка то же самое можно было сказать и о Полин, «головная боль» которой объяснялась тем же обстоятельством.

Я села напротив Лоуренса. На мне было длинное платье и танкетки, но я чувствовала себя неуютно. Мне хотелось скинуть обувь и ощутить под ногами песок.

– Это замечательно, что вы приехали, мисс Райленд, – начал Трехерн.

– Прошу, зовите меня просто Сьюзен. – Мне казалось, что мы уже оставили формальности позади.

Подошел официант, и мы заказали напитки. Лоуренс выбрал джин с тоником. Я попросила бокал белого вина.

– Как вам номер? – спросил он.

– Просто замечательный, спасибо. У вас прекрасный отель.

Трехерн вздохнул:

– На самом деле он уже не мой. Теперь им руководят дочери. Да и особого удовольствия мы сейчас не получаем. Для Полин и меня делом всей жизни стало создание и обустройство отеля, но когда случаются подобные вещи, невольно задаешь себе вопрос: а стоило ли оно того?

– Когда вы возвели пристройку?

Он удивился, как если бы я задала странный вопрос.

– Был ли отель таким, как сейчас, на момент убийства Фрэнка Пэрриса? – пояснила я свою мысль.

– А... – До него дошло. – Да, был. Мы произвели реконструкцию в две тысячи пятом году. Добавили два новых крыла: «Мунфлауэр»³ и «Барн-Оул»⁴. – По его губам скользнула улыбка. – Идея названий принадлежала Сесили. Лунный цветок распускается после захода солнца, и сова-сипуха тоже, разумеется, летает по ночам. – Улыбка стала шире. – Вы наверняка заметили, что совы тут у нас повсюду. – Мой собеседник взял меню и показал картинку, оттиснутую золотом на обложке. – Это тоже придумала Сесили. Она подметила, что «барн оул» является анаграммой для Бранлоу, и ее осенило использовать сову в качестве нашего логотипа.

У меня екнуло сердце. Алан Конвей тоже питал слабость к анаграммам. В одной из его книг, например, все персонажи получили имена по названиям станций лондонского метро. То была странная игра, которую он затеял со своими читателями, и она вовсе не пошла на пользу его творчеству.

– Производя реконструкцию, мы добавили лифт для лиц с ограниченными возможностями, – продолжал говорить Лоуренс. – И сломали стену, чтобы расширить обеденный зал.

³ Moonflower (англ.) – лунный цветок.

⁴ Barn owl (англ.) – сова-сипуха.

Речь шла о помещении, в котором мы находились. Я попала в него через круглый холл на входе и обратила по пути внимание на новый лифт. Кухня располагалась в дальнем конце, растянувшись по всей тыльной стене отеля.

– Из кухни можно попасть наверх? – спросила я.

– Да. Есть служебный лифт и лестница. Мы их устроили в то же время. А еще переоборудовали конюшни под жилье для персонала и добавили плавательный бассейн и спа-зону.

Достав блокнот, я записала всю полученную информацию. Из нее следовало, что убийца Фрэнк Пэрриса, кто бы он ни был, мог попасть в двенадцатый номер четырьмя различными способами: при помощи лифта в фасаде отеля, другого лифта в задней его части, а также по главной или по служебной лестнице. Если преступник уже находился в отеле, то мог спуститься с третьего этажа. Всю ночь за стойкой администрации должен был кто-нибудь находиться, но проскользнуть мимо него незамеченным не составляло особого труда.

Однако на Крите Полин Трехерн обмолвилась, что Штефана Кодреску видели входящим в номер жертвы. Как он мог проявить такую беспечность?

– Насколько понимаю, новостей у вас нет, – сказала я.

– Насчет Сесили? – Лицо Лоуренса исказилось. – Полицейские считают, что ее якобы зафиксировала одна из камер видеонаблюдения в Нориче, но это полный бред. У нее там ни одной знакомой души.

– Дело об исчезновении вашей дочери ведет суперинтендант Локк?

– Старший суперинтендант Локк, вы имеете в виду? Да. Не могу сказать, что возлагаю на него большие надежды. Он действовал очень нерасторопно в самом начале, когда быстрота важнее всего, да и сейчас тоже не выказывает особых успехов. – Трехерн уныло потупил взгляд, потом спросил: – У вас было время перечитать книгу?

Хороший вопрос.

Вы наверняка сочтете, что первым делом я должна была проштудировать детектив от корки до корки. Но у меня даже не было его при себе. Признаться честно, на Крите я не держала ни одного из романов Алана Конвея – слишком неприятные воспоминания они пробуждали. Я заглянула в книжный магазин в Лондоне с намерением приобрести экземпляр, но обнаружила, что романа нет в наличии. За время работы в издательстве я так и не смогла решить, хороший это знак или плохой. Книга успешно продается или просто не доходит до прилавка?

Истина крылась в том, что мне пока не хотелось читать роман.

Я помнила детали достаточно хорошо: захолустный городок Тоули-на-Уотере, смерть в Кларенс-Кип, различные улики, установление личности убийцы. У меня еще хранились где-то рабочие заметки, материалы «дискуссий», которые мы с Аланом вели по электронной почте в процессе редактуры (я употребляю кавычки, потому что он не прислушивался ни к одному из сказанных мною слов). В этом романе ничего неожиданного для меня не было. Я знала сюжет наизубок.

Но стоило помнить, что Алан любил поиграть с текстом: вечно рассовывал повсюду не только анаграммы, но и акrostихи, акронимы, зашифровывал внутри одних слов другие. Отчасти он поступал так с целью просто потешить себя, но зачастую действовал в угоду неприятной стороне своего характера. Мне уже стало ясно, что при создании романа «Аттикус Пюнд берет за дело» Конвей позаимствовал многие особенности «Бранлоу-Холла», однако при этом он не описал реальных событий, случившихся в июне 2008 года. Не было в книге ни дельца-рекламщика, ни бракосочетания, ни молотка. Если за те несколько дней, что Алан провел в отеле, он каким-то образом вычислил истинного убийцу Фрэнк Пэрриса, то наверняка скрыл разгадку в некоем слове или в описании чего-то совершенно не относящегося к делу. Так, допустим, он вполне мог зашифровать имя преступника в названиях глав. Глаз Сесили Трехерн зацепился за что-то при прочтении книги, но было очень мало шансов, что подобное

произойдет со мной тоже. Во всяком случае, прежде, чем я узнаю гораздо больше как о ней самой, так и обо всех прочих в отеле.

– Пока еще нет, – сказала я, отвечая на вопрос Лоуренса. – Мне подумалось, что разумнее сначала познакомиться с людьми и оглядеться. Я не знаю, что обнаружил Алан, приехав сюда. И чем больше я освоюсь в отеле, тем больше шансов обнаружить связь.

– Да, – кивнул мой собеседник. – Это здравая мысль.

– Есть возможность осмотреть комнату, где жил Штефан Кодреску?

– Я провожу вас туда после ужина. Там поселили другого нашего сотрудника. Но я уверен, он не станет возражать.

Официант принес напитки, и в этот же самый момент появилась Лиза Трехерн. По крайней мере, я предположила, что это она. Я видела в газетах фотографии ее сестры: симпатичная, но с каким-то детским лицом – губки бантиком, пухлые щечки. Если не считать светлых волос, по-старомодному коротко подстриженных, эта женщина совсем не была похожа на Сесили. Серьезная, не улыбкающая, в подчеркнута деловом костюме, дешевых очках и практичной обуви. С левой стороны рта у нее имелся шрам, и я поймала себя на том, что слишком внимательно смотрю на него. То была совершенно ровная линия с полдюйма в длину – такую отметину мог оставить нож. Я на ее месте попыталась бы несколько заретушировать рубец при помощи макияжа, но, похоже, Лизу это не заботило. Она хмурилась, и создавалось впечатление, что улыбаться у нее не получается – шрам не дает.

Молодая женщина шла к столику словно боксер, выходящий на ринг, и даже прежде чем она произнесла первые слова, я поняла, что мы не поладим.

– Значит, это вы Сьюзен Райленд, – заявила она и без всяких церемоний уселась. – Меня зовут Лиза Трехерн.

– Рада познакомиться, – сказала я.

– Да неужели?

– Чего-нибудь выпьешь, дорогая? – спросил Лоуренс несколько нервозно.

– Я уже заказала официанту. – Она посмотрела мне прямо в глаза. – Это вы додумались прислать сюда Алана Конвея?

– Я тут ни при чем, – ответила я. – Я знала, что Конвей пишет новую книгу, но увидела ее, только когда она была закончена, и понятия не имела о его визите в этот отель до тех пор, пока ваш отец не приехал на Крит.

Я соображала, под каким именем была выведена в романе Лиза. Имелся в «Аттикус Пюнд берется за дело» один персонаж со шрамом: прелестная голливудская актриса Мелисса Джеймс. Да, точно. Такие вещи забавляли Алана: взять дурнушку и превратить ее в полную противоположность.

Лиза моих слов будто не слышала.

– Что же, если из-за этой книжки с Сесс что-то случится, вы, надеюсь, будете довольны собой.

– Полагаю, это вряд ли справедливо... – начал было Лоуренс.

Но я и сама могла за себя постоять.

– Как думаете, где ваша сестра? – спросила я.

Мне было любопытно, не собирается ли Лиза признаться, что считает Сесили мертвой, разрушая тем самым робкую надежду, питаемую отцом. Я видела, что на миг моя собеседница заколебалась: ей очень хотелось это сделать, но так далеко она зайти не решилась.

– Не знаю. Поначалу, когда Сесс пропала, я подумала, что у них с Эйдом произошла ссора.

Сесс и Эйд. Не особенно ласковые уменьшительные имена. Скорее, просто сокращенные, для сбережения времени.

– Они часто ругались?

– Да...

– Это не так, – вмешался Лоуренс.

– Да ладно, папа! Я знаю, тебе нравится считать их образцовой парой. «Ах, Эйден – идеальный муж, идеальный отец!» Но если хочешь знать мое мнение, он женился на Сесс только ради ее внешних данных. Лучистая улыбка. Голубые глаза. Но никому нет дела до того, что происходит между ними.

– Что именно вы хотите сказать, Лиза? – спросила я. Меня удивило, что она столь откровенно выражает свои чувства.

Подошел другой официант, с двойным виски на серебряном подносе. Не поблагодарив его, Лиза взяла напиток.

– Я просто сыта по горло тем, что Эйден расхаживает по отелю с таким видом, будто он тут главный. Вот и все. Особенно с учетом того, что вся тяжелая работа ложится на меня.

– Лиза занимается бухгалтерией, – пояснил Лоуренс.

– Я занимаюсь счетами, контрактами, страховками, кадрами и снабжением. – Она одним глотком выпила половину виски. – А он только треплется с гостями.

– Думаете, это Эйден убил Фрэнка Пэрриса? – спросила я.

Собеседница уставилась на меня. Я намеренно устроила провокацию, но мой вопрос был вполне логичным. Если Сесили убили, то потому, что она узнала правду о предыдущем преступлении. Отсюда вытекало, что тот, кто лишил жизни Фрэнка Пэрриса, устранил и Сесили Трехерн.

– Нет, – ответила Лиза, прикончив виски. – Я так не думаю.

– Почему?

Она посмотрела на меня как на слабоумную.

– Потому что Пэрриса убил Штефан! Он сам признался. И сидит в тюрьме.

В зале начали появляться и другие гости. Было четверть седьмого, и на улице было еще очень светло. Лоуренс взял одно из лежащих на столе меню.

– Не пора ли сделать заказ? – спросил он.

Я была голодна, но перебивать Лизу не хотелось. Я ждала, когда она продолжит.

– Нанять Штефана Кодреску было ошибкой, и нам давно уже следовало его уволить. Я, между прочим, с самого начала так говорила, да вот только никто меня не слушал. Он не просто сам был преступником, но и вырос среди уголовников. Мы дали ему шанс, а Штефан только издевался над нами. Этот тип всего пять месяцев здесь проработал, но обворовывал нас с первого дня, как перешагнул порог отеля.

– Но мы не знали об этом, – возразил Лоуренс.

– Знали, папочка. Я знала. – Она обратилась ко мне: – Не прошло и нескольких недель после появления Штефана, как я стала замечать неладное. Вы, Сьюзен, даже вообразить не в состоянии, что такое управлять гостиницей...

Тут я могла утереть ей нос, но сдержалась.

– Это все равно что машина с тысячью вращающихся частей, и беда в том, что, если некоторые из них не функционируют, никто этого не замечает. Машина не останавливается. Вино и виски. Шампанское. Стейки из филе. Мелкая наличность. Вещи гостей: драгоценности, часы, коллекционные солнечные очки. Белье и полотенца. Антикварная мебель. Впустить сюда вора – это все равно что вручить наркоману ключи от местной аптеки. Как можно было связаться с этим мошенником!

– Ну, вообще-то, когда Штефан поступил на работу, в мошенничестве его никто не обвинял, – напомнил дочери Лоуренс. Но в голосе его не было убежденности.

– Ты о чем, папочка? Его уперли в тюрьму за взлом и нападение.

– Это не одно и то же...

– Ты меня не слышишь. Как всегда. – Лиза махнула на него рукой и сосредоточилась на мне. – Я мигом поняла: что-то не так. У нас завелся вор. Но стоило мне упомянуть имя Штефана, как все тут же набрасывались на меня.

– Но поначалу он тебе нравился. Ты проводила с ним кучу времени.

– Я пыталась проникнуться расположением к нему, потому что вы все этого хотели. А поблизости от Штефана я держалась лишь по одной-единственной причине – и, между прочим, я вам постоянно об этом твердила, – потому что стремилась не спускать с него глаз. И ведь я оказалась права! Что, разве нет? Случившееся в номере двенадцать просто ужасно, но это доказывает, что я все это время была права.

– Сколько всего денег было украдено из комнаты Фрэнка Пэрриса? – осведомилась я.

– Сто пятьдесят фунтов, – ответил Лоуренс.

– И вы в самом деле полагаете, что Штефан убил человека, зверски изуродовав его молотком, за такую ничтожную сумму?

– Я уверена, что Штефан не собирался никого убивать. Он пробрался в номер посреди ночи с расчетом стащить что плохо лежит. Но тот бедняга проснулся, окликнул его, и Штефан, действуя инстинктивно, напал на постояльца. – Лиза фыркнула. – Все это выяснилось на суде.

Для меня это выглядело лишенным смысла. Если Штефан не собирался убивать Фрэнка Пэрриса, то с какой стати он прихватил с собой молоток? И не логичнее ли зайти в комнату в отсутствие хозяина? Но я промолчала. Есть люди, с которыми попросту не возникает желания спорить, и Лиза определенно принадлежала к их числу.

Она подозвала официанта и распорядилась принести еще выпивку. Я воспользовалась возможностью тоже сделать заказ. Всего лишь салат и еще бокал вина. Лоуренс выбрал стейк.

– Не потрудитесь ли рассказать мне о том, что происходило в ночь убийства? – спросила я, и не успели эти слова слететь с моих губ, как меня охватило довольно странное чувство. Фраза была такой старомодной, такой избитой. Встреть я ее в романе, вычеркнула бы без жалости.

Отвечать взялся Лоуренс:

– На выходные к нам приехало тридцать друзей и знакомых, но, как я уже говорил, отель оставался открытым для посетителей, так что и обычные постояльцы у нас тоже имелись. Все номера были заняты. Фрэнк Пэррис оформил бронь за два дня до свадьбы, в четверг. На трое суток. Я его запомнил, потому как с этим клиентом с самого начала начались сложности. Пэррис устал, был утомлен долгим перелетом, и комната ему не понравилась, поэтому он потребовал переселить его.

– А где его сперва разместили?

– В номере шестнадцать. Это в крыле «Мунфлауэр», где живете вы.

Я проходила мимо номера шестнадцать на пути в свои апартаменты. Он размещался сразу за парадной дверью, где начинался ковер с головоломным рисунком.

– Клиент предпочитал старинную часть отеля, – продолжил Трехерн. – К счастью, мы смогли все уладить, и Пэррис получил желаемое. Кстати, забота о том, чтобы гости были довольны, по большей части лежит на Эйдене. И он очень успешно справляется со своими обязанностями.

– А человек, с которым поменялся Фрэнк Пэррис, не жаловался?

– Как помнится, этот номер забронировал отставной директор школы, путешествующий ради своего удовольствия. Не думаю даже, что он знал про обмен.

– Можете назвать его фамилию?

– Директора? Нет. Но мне не составит труда выяснить ее, если хотите.

– Да, будьте добры.

– Свадьба была намечена на субботу, и мы предупредили гостей, что их ждут определенные неудобства. Например, мы закрыли спа-зону в пятницу рано вечером, чтобы собрать весь

персонал у плавательного бассейна и поднести каждому по стаканчику. Мы хотели, чтобы служащие чувствовали себя участниками торжества, хотя на саму церемонию их не пригласили. Эта вечеринка началась в половине девятого и закончилась в десять.

– Штефана тоже позвали?

– Да. Он там присутствовал. Так же, как Эйден и Сесили, Полин и я, Лиза...

Имя спутника Лизы, или, точнее, его отсутствие, повисло в воздухе.

– Вечер выдался очень теплый. Вы, возможно, помните, что лето в том году стояло знойное.

– Это была жуткая ночь, жаркая и душная, – сказала Лиза. – Я просто дождаться не могла, когда наконец уйду домой.

– Лиза живет не в поместье, – заметил отец, а потом добавил: – Хотя могла бы. Территория у нас составляет почти три сотни акров.

– Эйден и Сесили заняли мое прежнее жилье, – процедила молодая женщина.

– Бранлоу-коттедж, – произнесла я.

– Я переехала в Вудбридж и очень этим довольна. Я ушла с вечеринки задолго до десяти. Отправилась домой и сразу легла в постель.

– Остальное я предоставляю рассказать Дереку, – завершил Лоуренс. – Это наш ночной администратор, который приехал примерно в это же время. В вечеринке он не участвовал.

– Его не пригласили?

– Пригласили, конечно, но Дерек не любит общества. Вы это сами поймете, когда с ним познакомитесь. Именно он находился за стойкой администратора, когда произошло убийство.

– И когда это случилось?

– Как утверждают полицейские, Пэрриса убили в ночь с пятницы на субботу, примерно в половине первого.

– А вы, Лоуренс, тоже были здесь?

– Нет. Передав управление отелем дочерям, мы с Полин купили дом в Саутуолде. И тем вечером поехали туда.

– Но на следующее утро мы все присутствовали на свадьбе, – вставила Лиза. – Такой чудесный был день... за исключением, разумеется, убийства. Бедный Эйден! Уверена, он на такое не подписывался.

– Лиза, честное слово, это уже слишком, – возмутился Лоуренс.

– Я только хочу сказать, что Сесс оказалась для него счастливым билетом. Кем он был до встречи с ней? Да никем! Работал агентом по недвижимости.

– И хорошо справлялся. Эйден здорово помогает нам здесь, в отеле, что бы ты ни говорила, – с жаром заявил Трехерн. – К тому же мне кажется неуместным вести разговор в таком ключе, с учетом того, как мы все переживаем за Сесили.

– Я тоже переживаю! – воскликнула Лиза. К своему удивлению, я увидела, как слезы побежали у нее из глаз, и поняла, что она говорит правду. Официант принес Лизе второй виски и забрал поднос. – Конечно, я беспокоюсь за Сесили. Она ведь моя сестра! И если с ней что-то случится... мне даже подумать об этом страшно.

Лиза уткнулась взглядом в дно стакана. Некоторое время мы трое молчали.

– Что вы помните о свадьбе? – задала я очередной вопрос.

– Свадьба как свадьба. У нас они тут постоянно проходят. Это наш хлеб с маслом. – Лиза вздохнула. – Церемония состоялась в розарии. Я была подружкой невесты. Чиновник-регистратор прибыл из Ипсуича, потом был обед в шатре на центральной лужайке. Я сидела рядом с матерью Эйдена, приехавшей из Глазго.

– А его отец присутствовал?

– Он умер, когда сын еще был маленьким. От рака. У Эйдена есть сестра, но ее не пригласили. Надо сказать, что родни со стороны жениха собралось мало. Миссис Макнейл была

очаровательна: этакая пожилая леди с шотландским колоритом. Я начала уже умирать от скуки, но тут снаружи шатра раздались громкие крики. Несколько минут спустя прибежала Хелен, и вид у нее был такой, словно она призрака увидела.

– А Хелен – это кто?

– Старшая горничная. Как оказалось, одна из девушек зашла в номер двенадцать и обнаружила там Фрэнка Пэрриса с разможенной головой. Ну и картинка: ошметки мозгов по всему одеялу.

Лиза почти ликовала. Вопреки сказанному ранее, она не могла удержаться, чтобы не позлорадствовать: ведь столь важный для сестры день оказался безнадежно испорчен. Глядя на эту странную молодую женщину, я пыталась понять, точно ли у нее все дома.

– Горничную звали Наташа, – вставил Лоуренс. – Она пришла убраться в номере и обнаружила труп.

Лиза залпом опрокинула виски.

– Не знаю, что вы рассчитываете найти, Сьюзен. Штефан сознался в преступлении и несет заслуженное наказание. Еще лет десять пройдет, прежде чем власти хотя бы задумаются о возможности его освобождения, и это правильно. Что до Сесс, то она объявится, когда сама сочтет нужным. Моей сестричке нравится быть в центре внимания. Вероятно, она просто разыгрывает из себя героиню драмы.

Лиза нетвердо поднялась, и я поняла, что она наверняка уже выпивала, прежде чем прийти сюда, и два двойных виски составили компанию многим прочим.

– Оставляю вас двоих наедине, – сказала она.

– Лиза, тебе нужно поесть.

– Я не голодна. – Девушка наклонилась ко мне. – Вы в ответе за Сесили, – отрезала она. – Вы издали эту долбаную книжку. Найдите мою сестру.

Лоуренс смотрел, как его дочь неверной походкой идет через обеденный зал.

– Прошу прощения, – сказал он. – Лиза очень много работает. На нее легла вся ответственность по управлению отелем. Неудивительно, что она немного устала.

– Похоже, она не особенно любит сестру.

– Не принимайте это всерьез. Лиза просто делает вид. – Трехерн пытался убедить меня, однако сам выглядел не слишком уверенным. – Это у них еще с детства началось, – признался он. – Девочки постоянно соперничали во всем.

– Откуда у нее шрам?

– А, я так и знал, что вы спросите. – Ему явно не хотелось говорить об этом. Я выжидала. – Боюсь, это Сесили виновата. Не что иное, как несчастный случай, но... – Лоуренс вздохнул. – Когда Лизе было двенадцать, а Сесили десять, они повздорили. Сесили бросила в сестру кухонный нож. На самом деле она не хотела причинить ей вред. Это была всего лишь глупая детская выходка, продиктованная вспышкой гнева, однако лезвие задело Лизу... ну, результат вы видели. Сесили была ужасно расстроена.

– А из-за чего они поссорились?

– Разве это важно? Из-за какого-нибудь мальчика, быть может. Между ними вечно существовало соперничество. Но ведь это обычное дело, разве нет? Сесили уродилась более красивой, чем сестра, и стоило ей познакомиться с кем-нибудь, это всегда бесило Лизу. Вот почему она, кстати говоря, так настроена против Эйдена. Всеми виной обычная ревность, не стоит воспринимать ее слова всерьез. На самом деле он замечательный парень. Мы с ним отлично ладим. – Лоуренс поднял бокал с вином и заключил: – Девчонки есть девчонки!

Он произнес это как тост, но я к нему не присоединилась. Так-то оно так, подумалось мне, но нельзя же доходить до грани психоза. Сесили изуродовала Лизу. Лиза всей душой ненавидит Эйдена. И ненависть эта, переплетенная со своего рода ревностью и завистью, вполне могла распространяться и на Штефана Кодреску.

Но вот только имеет ли все это отношение к убийству? Вот в чем вопрос.

Ночной администратор

Ужинала я без аппетита. Слова Лизы меня задели, и я задавала себе вопрос, справедлив ли ее упрек. Я не отправляла Алана Конвея в «Бранлоу-Холл», но, без сомнения, в конечном счете получила выгоду от его поступка. Вольно или не вольно, я была отчасти виновата.

После кофе Лоуренс провел меня через кухню, и я обратила внимание на служебную лестницу и лифт, ведущие на верхний этаж. Мы вышли с задней стороны отеля, и, бросив взгляд через двор, я заметила подъездную дорожку к Бранлоу-коттеджу. В нескольких его окнах горел свет. Возле дома по-прежнему стоял черный «рейнджровер».

– Для Эйдена это суший ад, – вздохнул Лоуренс. – Едва сообщив в полицию об исчезновении Сесили, он сразу стал главным подозреваемым. В подобных делах с мужьями всегда так. Но я и мысли не допускаю, что он мог желать вреда моей дочери. Я видел их вместе. И знаю, что они значат друг для друга.

– У них только один ребенок? – спросила я.

– Да. Меня это немного печалит. Но роды были трудные, и я думаю, Сесили просто не хотела снова пройти через это. И к тому же у нее было столько хлопот с отелем.

– Вы сказали, что Роксане семь. – Я сложила цифры в уме. – Когда у нее день рождения?

Лоуренс понял, к чему я клоню.

– Сесили уже ждала ребенка, когда выходила замуж. Но причина брака не в этом. Современные молодые люди не придают особого значения формальностям... Не то что мы. Эйден обожает дочь. Сейчас Роксана – единственное, что помогает ему сохранить здравый рассудок.

– Как вы считаете, он не откажется поговорить со мной?

Меня это несколько смущало. Я приехала сюда, чтобы прочитать книгу, которая может быть, а может и не быть связана с убийством, произошедшим тут восемь лет назад. Но это одно дело. А вот расспрашивать безутешного мужа про исчезнувшую жену – совсем другое.

– Уверен, Эйден будет рад пообщаться с вами. Могу у него спросить, если хотите.

– Да, будьте так добры. Спасибо.

Беседуя, мы шли мимо плавательного бассейна, разместившегося в огромных размерах оранжерее, созданной по образу и подобию Брайтонского павильона. Она находилась рядом со зданием, бывшим уменьшенной копией главного дома. Некогда то был амбар, перестроенный теперь в оздоровительный корпус. Корпус как раз закрывался на ночь, и из боковой двери вышел симпатичный юноша в спортивном костюме и со спортивной сумкой. Заметив нас, он помахал рукой.

– Это Маркус, – сообщил Лоуренс. – Он заведует спа. Но пришел к нам всего пару лет назад.

– А кто работал тут в то время, когда убили Фрэнка Пэрриса?

– Один австралиец. Его звали Лайонел Корби. Но он вскоре уволился. Мы понесли гораздо меньшие потери в персонале, чем вы могли бы себе представить.

– Вам известно, где он сейчас?

– Наверное, вернулся в Австралию. Я найду его последний телефонный номер, если это поможет.

Значит, тот человек приехал из Австралии. Как и Фрэнк Пэррис. Обнаружилась какая-никакая связь.

– Да. Это может пригодиться, – кивнула я.

Мы дошли до конюшни, переоборудованной под жилой корпус для персонала. Здесь размещались пять маленьких квартир-студий, каждая с отдельной дверью и единственным окном, выходящим на отель. Главное служебное помещение находилось в дальнем конце.

Лоуренс указал на него:

– Вон там Штефан хранил инструменты, включая молоток, которым было совершено убийство.

– Можно взглянуть?

Я и сама не знала, что рассчитывала найти в комнате. Бетонный пол и полки, заставленные картонными коробками, банками с краской, разными химикатами... Я отметила, что замка на двери нет.

– Защита сильно напирала на это обстоятельство во время суда, – согласился Лоуренс. – Да, любой мог взять молоток. Проблема заключалась в том, что это было единственное свидетельство в пользу Штефана, и под тяжестью остальных улик оно оказалось почти невесомым.

Мы подошли к соседней двери. Тут, в квартире номер пять, прежде жил Штефан. Лоуренс постучал и, не дождавшись ответа, достал плоский ключ и вставил его в замок.

– С Ларсом я уже переговорил, – пояснил Трехерн. – Он, видимо, в пабе с Ингой. Они приехали в этом году.

Мне вспомнилась деловитая девушка за стойкой администратора.

– Они скандинавы? – спросила я.

– Да, датчане. Наняты через агентство. – Мой собеседник вздохнул. – В программе по реабилитации юных преступников мы больше не участвуем.

Мы вошли в комнату, которую стоило назвать каморкой, с единственной кроватью у двери, столом, шкафом и комодом. Вторая дверь вела в угловой санузел с унитазом, раковиной и душем. Я предположила, что все пять квартир в точности такие же. Ларс содержал свою в пугающей чистоте. Постель выглядела так, словно на ней никогда не спали, а полотенца в ванной были развешаны идеально ровно. Если не считать пары книг на столе, никакие личные вещи в поле зрения не попадали.

– Эти скандинавы очень аккуратные, – пробормотал Лоуренс, прочитав мои мысли. – Комната выглядит совсем не так, как во времена, когда здесь жил Штефан.

Это меня удивило.

– А вам откуда известно, как она прежде выглядела?

– Лайонел, бывший тренер по фитнесу, о котором я уже упоминал, неоднократно бывал здесь. Они со Штефаном дружили. Вам следует заглянуть в полицейские протоколы.

– Проще сказать, чем сделать.

– Я могу переговорить со старшим суперинтендантом Локком.

– Нет, не стоит. Я его знаю.

Еще я знала, что Локк едва ли захочет поделиться со мной чем-либо, даже минутой своего времени. Я оглядывала комнату с порога, не желая заходить внутрь.

– Деньги, принадлежавшие убитому, нашли здесь?

– Да. Под матрасом.

– Не самое хитроумное место, чтобы припрятать ворованную наличность.

Лоуренс кивнул. И заметил:

– Про Штефана Кодреску можно разное сказать. Не вызывает сомнений одно: особым умом он не отличался.

– Кто-то мог подкинуть деньги.

– Ну да, чисто теоретически. Но задайте себе вопрос: когда? В течение дня это практически невозможно. Как видите, дверь выходит на отель, народу везде полно. У нас собрались гости; оздоровительный корпус был открыт; охранники, кухонные работники постоянно сновали туда-сюда; люди смотрели из окон. Не думаю, что кто-то мог проскользнуть в комнату незамеченным, а уж поверьте мне на слово, полицейские опросили сотни свидетелей. И дело не только в деньгах. Еще нашли следы крови – на полу в душе и на простынях на постели Штефана. Криминалисты выяснили, что следы были оставлены более двенадцати часов назад. История яснее ясного. В ночь с пятницы на субботу Штефан убил Фрэнка Пэрриса. Было много

крови. Он вернулся к себе, принял душ и лег в кровать, оставив на всем своем пути очевидные улики.

– Если кто-то хотел переложить вину на Штефана, то мог сделать это где-нибудь после полуночи, – заметила я.

– В принципе верно. Хотя и маловероятно. Во-первых, замок защелкивается автоматически, и, прежде чем вы успели спросить, дубликата ключа в офисе Лизы нет. А во-вторых, посмотрите на расположение кровати. Она стоит прямо у двери. Не представляю, как неизвестный мог проникнуть в комнату, перепачкать простыни и пол в душе, а потом выйти, не разбудив при этом Штефана.

Мой провожатый закрыл дверь, и мы вместе вернулись в отель.

– Дерек должен быть уже здесь, – сказал Лоуренс. – Я попросил его прийти пораньше, чтобы поговорить с вами. – Он помедлил. – Могу я попросить вас быть с ним помягче? Парень десять лет работает в отеле, и он хороший человек. Но несколько чувствительный. Дерек ухаживает за больной матерью. То, как Алан Конвей поступил с ним, вернее, с ними обоими, в самом деле возмутительно. Получилась донельзя злая карикатура.

Мне вспомнилось, что в книге фигурировал персонаж по имени Эрик Чандлер, работавший у кинозвезды личным шофером и дворецким и живший с матерью Филлис. Эта парочка появлялась в первой главе и особой симпатии не вызывала.

– Дерек читал «Аттикус Пюнд берется за дело»? – поинтересовалась я.

– К счастью, нет. Он вообще мало читает. Думаю, лучше о книге не упоминать.

– Не буду.

– Ну, в таком случае доброй ночи.

– До свидания. Спасибо за ужин.

Предупреждение Лоуренса Трехерна оказалось совершенно излишним. Я с первого взгляда поняла, что Дерек Эндикот – человек ранимый, доброжелательный и безобидный. Это читалось в его подслеповатых глазах за толстыми линзами очков, в робкой улыбке и выющихся волосах, торчащих во все стороны без всякого намека на прическу. Ему было уже за тридцать, но лицо его казалось совершенно детским: пухлые щеки, толстые губы, кожа, намекавшая на то, что ей никогда не доводилось знать бритвы. Дерек уже занял пост за стойкой администратора, забившись в «пещеру», образованную диагональным пролетом лестницы, ведущей на второй этаж. Я заметила, что у него припасена еда в пластиковом контейнере, а также термос и журнал с кроссвордами.

Он меня ждал. Лоуренс сообщил ему о причине моего приезда. При моем приближении Дерек неуклюже приподнялся, а потом, так и не приняв до конца вертикального положения, снова сел. На ресепшене было довольно прохладно, но мне в глаза бросились капельки пота у него на шее и на щеках.

– Мистер Эндикот... – начала я.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне просто Дерек. Меня все так называют. – Голос у него был надтреснутый, высокий.

– Вам известно, зачем я здесь?

– Да. Мистер Трехерн попросил меня сегодня прийти пораньше.

Он с трепетом ждал первого вопроса, и я постаралась максимально смягчить формулировку.

– Вы дежурили в ту ночь, когда был убит мистер Пэррис. Все, что вы видели или слышали, может оказаться крайне полезным.

Дерек нахмурился:

– Я думал, вы тут, потому что Сесили пропала.

– Ну, вполне вероятно, что между двумя этими событиями существует связь.

На время он задумался. Я буквально читала мыслительный процесс по его глазам.

– Да. Возможно, вы правы.

Я наклонилась над столом:

– Знаю, это было довольно давно, но не могли бы вы припомнить случившееся той ночью?

– Да разве такое забудешь! Это было ужасно. Правда, мистера Пэрриса я не знал. Я вообще с гостями почти не встречаюсь, если только меня не ставят в дневную смену, а это бывает, если вдруг работников не хватает. Вообще-то, я видел, как мистер Пэррис поднимается вверх. Это было после ужина. Но мы не разговаривали. – Тут рассказчик снова поправил себя. – Хотя нет, неправда. Мы говорили по телефону. В четверг. Он позвонил из своего номера. Попросил заказать такси на утро в пятницу. Я заказал.

– Куда он собирался ехать?

– В Хит-хаус в Уэстлгоне. Я записал это в журнал. Вот почему я припомнил, когда полицейские спросили меня. Впрочем, мне этот дом и так знаком. Он находится очень близко от того места, где живем мы с мамой. Мне не понравилось, что к нам нагрянула полиция. «Бранлоу-Холл» такой прекрасный отель. Люди приезжают сюда, чтобы отдохнуть и расслабиться. А не для... – Не найдя, чем закончить предложение, он умолк. – Признаться честно, в ту ночь накануне свадьбы я чувствовал себя не очень хорошо, – продолжил Дерек спустя некоторое время. – Из-за расстройства...

– Что именно вас расстроило?

– Нет, я имел в виду расстройство желудка. Съел что-то не то.

– Вы не присутствовали на вечеринке?

– Нет. Но меня пригласили! Я так радовался за Сесили и мистера Макнейла.

Интересно, что Сесили была, похоже, единственным человеком в отеле, кого Дерек называл по имени.

– Мне казалось, что они идеальная пара, – продолжал ночной администратор. – И так приятно было видеть ее счастливой. Вы не знаете, где она?

– Пока нет, но надеюсь это выяснить.

– Только бы с ней ничего не случилось. Сесили замечательный человек. Старается никому не доставлять хлопот. И всегда была очень добра ко мне.

– Можете подробно описать мне события той ночи, когда был убит мистер Пэррис? – спросила я.

– Едва ли я смогу вспомнить детали. – Вопреки подобному заявлению, Дерек явно хорошо подготовился. Набрав в грудь воздуху, он ринулся вперед. – Я находился за столом... здесь... в десять вечера. Примерно в это время закончилась вечеринка для сотрудников. Судя по голосам, они славно провели время. Все были очень довольны. Мистер Пэррис поднялся к себе в номер минут через пять после моего прихода, то есть приблизительно в пять минут одиннадцатого. После этого мимо меня прошли всего несколько человек. Как обычные постояльцы, так и гости из числа приглашенных на свадьбу. Короче говоря, к полуночи я остался в полном одиночестве, и это хорошо. Я люблю свою работу, потому что мне нравится, когда я сам по себе. Мама готовит мне бутерброды, я беру что-нибудь почитать, а иногда слушаю радио. Сесили, вообще-то, разрешает смотреть фильмы на компьютере, но я не хочу этого делать, потому как считаю, что моя задача – постоянно быть начеку.

– Так вы что-нибудь слышали или видели той ночью?

– Я как раз к этому и подхожу! – Он снова набрал в грудь воздуха. – Вскоре после полуночи вдруг ни с того ни с сего подал голос Медведь.

– Медведь? Это собака?

– Да, пес Сесили. По большей части он спит в доме, но иногда ночует здесь, на втором этаже. Там он в ту ночь и был, в своей корзине. – Дерек махнул рукой в сторону округлого проема галереи на втором этаже. Видеть корзину со своего места он не мог, но звуки имеют

свойство распространяться вниз. – Хозяева его с собой не взяли, потому как свадьба и все такое, поэтому Медведь устроился там.

– И он издал звук?

– Я подумал, что кто-нибудь ему на хвост наступил или что-то вроде того, и поднялся по лестнице. Но там никого не было. Медведь лежал в своей корзине как ни в чем не бывало. Видимо, ему просто плохой сон приснился. Я нагнулся и погладил пса, и вот тут кто-то и прошмыгнул.

– Прошмыгнул куда?

– По коридору. Из нового лифта по направлению к крылу «Мунфлауэр».

Я уже упоминала, что «Бранлоу-Холл» построен в форме буквы «Н». Присев рядом с собакой, Дерек находился примерно посередине короткой перекладки с коридорами по обоим ее концам. Человек, который направлялся к номеру двенадцать, должен был идти со стороны фасада здания.

– Мог кто-то войти в отель с улицы? – спросила я.

– Не знаю.

– Но парадная дверь была заперта?

Дерек замотал головой:

– Прежде мы никогда не запирали дверь. В те времена не было нужды. – Он нахмурился и добавил важно: – Теперь закрываем.

– Но кто это был, вы не видели. – Особой нужды спрашивать не было. Силуэт, промелькнувший по коридору, мог находиться в поле зрения Дерек едва ли секунду.

– Я подумал, что это был Штефан, – признался Дерек. Потом он затараторил, буквально захлебываясь словами: – Я никому не хотел причинять вреда. Я только рассказал полиции, что видел. Тот человек нес ящик с инструментами. Ящик точно принадлежал Штефану. Я его тысячу раз видел. И еще на том человеке была вязаная шапка. – Он приложил руки к голове, поясняя, что имеет в виду.

– Вы хотите сказать... бини?

– Да. Штефан часто носил бини. Но свет был тусклый, и все произошло так быстро. Я заявил полицейским, что не уверен.

– Что вы делали дальше? – задала я вопрос. – После того, как заметили человека с ящиком?

– Пошел в главный коридор посмотреть, кто это. Но когда я туда добрался, было уже поздно. Он исчез.

– Скрылся в одном из номеров?

– Надо полагать. – Вид у Дерек был несчастный, как если бы вся эта история приключилась по его вине. – Полицейские сказали, что злоумышленник зашел в номер двенадцать.

Номер двенадцать располагался всего в пяти или шести шагах от места, где лестничная площадка выходила в коридор, и на той же стороне, что и противопожарная дверь. Если Дерек направился напрямик туда, то неизвестный, получается, скрылся за считанные секунды.

– Вы слышали, как он постучал?

– Нет.

– Никто ничего не сказал?

– Нет.

– И что вы об этом думаете?

– Ничего я не думаю. То есть тогда я решил, что Штефан зашел в один из номеров, чтобы что-то починить – унитаз, например. Хотя это странно, потому что, вызывая рабочего, постояльцы всегда звонят мне. Но все было тихо. Ни малейшего шума, ничего. Так что немного погодя я вернулся за свой стол, и на этом все закончилось.

– Больше вы ничего не слышали?

– Нет. – Он потряс головой.

– Дерек... – Ну как мне сказать такое мягко? – Фрэнка Пэрриса насмерть забили молотком. Он должен был кричать. Как-то не верится, что вы могли его не услышать.

– Ничего я не слышал! – Он заговорил громче. – Я был в самом низу и слушал музыку по радио...

– Хорошо, хорошо. – Я дала ему успокоиться. А потом спросила: – Кто обнаружил тело?

– Наташа. Одна из горничных. Она, похоже, русская или вроде того. – При воспоминании о случившемся глаза у него расширились. – Наташа увидела труп, когда вошла убрать комнату. Говорили, что девушка все кричала и кричала, никак не могла остановиться.

– Но это ведь произошло намного позже... На следующий день.

– Да. – Ночной администратор наклонился вперед и почти прошептал: – Кто-то повесил на дверь номера двенадцать табличку «Не беспокоить». Это сделали специально. Чтобы никто не узнал.

– Тогда почему Наташа все-таки вошла туда?

– Потому что табличку сняли.

– Кто?

– Не знаю. Это так и не выяснили.

Больше парень сообщить ничего не мог, я это видела. Вид у него был усталый.

– Спасибо, Дерек, – сказала я.

– Мне так жаль, что это случилось. Отель с тех пор так и не стал прежним. Здесь постоянно такая атмосфера... Я часто говорю это маме. Как будто тут витает некое зло. А теперь вот еще и Сесили пропала. Когда она сделала тот звонок, я сразу догадался: что-то неладно. Сесили была сильно встревожена. Все это части одного целого, и мне кажется, эта история никогда не кончится.

– У вас есть догадки, кто убил Фрэнка Пэрриса?

Мой вопрос явно удивил Дерека, как если бы никто и никогда не просил его поделиться своими мыслями.

– Это был не Штефан, – сказал мой собеседник. – Даже если это Штефана я видел идущим по коридору, убийца не он, я уверен. Штефан был хороший парень. Очень тихий. Я знаю, что мисс Трехерн... Лиза то есть, не больно-то жаловала его и считала нечестным, но мне он нравился. Как думаете, ее найдут?

– Сесили Трехерн?

– Да.

– Непременно найдут. Уверена, что она цела и невредима, – бодро произнесла я, хотя в душе прекрасно сознавала, что это ложь.

Я пока и полных суток не провела в отеле, но атмосфера его уже каким-то образом подействовала на меня. Быть может, тут и впрямь витало то самое ощущение зла, о котором говорил Дерек. Не знаю. Но вот в чем я твердо была уверена, так это в том, что Сесили Трехерн мертва.

«Фейстайм»

Старею я, что ли?

Пытаясь связаться с Критом, я смотрела на свое изображение на мониторе и, даже с учетом того, что камера ноутбука никому не льстит, не могла порадоваться тому, что вижу. Я выглядела усталой. Два года под критским солнцем и среди сигаретного дыма пагубно отразились на коже. После отъезда из Лондона я перестала подкрашивать волосы, и не могу сказать с уверенностью, что получила в результате: приятную натуральность или неприглядную седину. Следовать за модой я никогда особо не стремилась. Живя одна в квартире, я взяла в привычку расхаживать в больших не по размеру футболках и леггинсах. Разумеется, на работу я наряжалась как положено, но, оказавшись в вынужденной отставке, избавилась от бремени трех «К»: костюм, колготки, каблуки. Под греческим солнцем я щеголяла в первой попавшейся одежде, только бы она была светлой и просторной. Андреас вечно твердил, что любит меня такой, какая я есть, и нет нужды впечатлять его. Но, глядя сейчас на свое изображение, я пыталась понять, не позволила ли себе опуститься – жуткое выражение, наводящее на мысль о распущенности и упадке.

Послышался сигнал, мое изображение заняло место в углу, где ему и положено находиться, а экран заполнило лицо Андреаса. Я боялась, что его нет дома или, хуже того, что он будет дома, но не ответит. Однако вот он, сидит на террасе. Когда Андреас откинулся на спинку кресла, я разглядела у него за спиной ставни и горшки с шалфеем и душицей, которые посадила сама. Его компьютер стоял на стеклянном столе с трещиной – мы все время собирались его заменить, но так и не заменили.

– Yassou, agariti mou! – произнес Андреас.

У нас, с первого дня моего переезда на Крит, установился шуточный обычай: каждое утро он здоровался со мной по-гречески. Но сейчас невольно мелькнула мысль: уж не хочет ли Андреас уколоть меня, напомнив, что я так далеко от него?

– Как дела? – спросила я.

– Скучаю по тебе.

– Как гостиница?

– Гостиница?.. Да как обычно. Никуда не делась.

Лицо Андреаса озаряло мой экран – во всех смыслах. Смуглая кожа и густые черные волосы подчеркивали ослепительную белизну зубов, а глаза его буквально светились. Он был невероятно красивый мужчина, и, глядя на его изображение на мониторе, я испытала страстное желание пролезть через это прямоугольное окно и очутиться в его объятиях.

«Я не бросила Андреаса, – твердила я себе. – Просто уехала на недельку. Когда все кончится, я вернусь на Крит, разбогатев на десять тысяч фунтов. В конечном счете этот опыт лишь сблизит нас».

– Где ты сейчас? – поинтересовался Андреас.

– В отеле «Бранлоу-Холл».

– Хорошее заведение?

– Полный улет. Картины маслом на стенах и витражные окна. В некоторых номерах кровати с балдахином. Тебе бы понравилось.

– И кто делит с тобой твою кровать?

– Перестань!

– Мне в моей постели тебя не хватает. Здесь без тебя вообще все не так. Многие из постоянных гостей жалуются.

Настроение изменилось, мы посерьезнели. Я только сейчас поняла, что покинула Крит, даже не подумав о неизбежных краткосрочных последствиях. Мы ничего не обсудили, не попы-

тались сгладить углы, проявившиеся в наших отношениях. Последний наш разговор получился резким. «Я не хочу, чтобы ты уезжала», – сказал Андреас. Но я все равно уехала. И сейчас призадумалась: не повела ли себя плохо и, что еще хуже, не разрушила ли что-то очень важное для себя?

– Как там Панос и Вангелис? – осведомилась я.

– Прекрасно.

– Скучают по мне?

– Конечно скучают! – Андреас раскинул руки, так что они скрылись из виду по обе стороны экрана. – Но мы справляемся.

Я нахмурилась:

– Хочешь сказать, что вы вполне способны обходиться без меня?

– Нам нужны деньги! Ты уже получила гонорар?

По правде говоря, Лоуренс ничего мне пока не заплатил.

– Я в процессе, – сказала я.

– Если бы не деньги, я бы тебя ни за что не отпустил. – Эти его слова прозвучали очень по-гречески. Я не бралась угадать, шутит мой партнер или нет.

– Ну, расскажи мне про убийство, – продолжил Андреас. – Выяснила, кто его совершил?

– Я пока ничего не знаю.

– Это был муж.

– Что?

– Я говорю, что пропавшая женщина наверняка на его совести. В подобных случаях всегда виноват муж. Он не показался тебе подозрительным?

– Я с ним еще даже не разговаривала. И дело гораздо сложнее, чем можно подумать. Все крутится вокруг событий восьмилетней давности. Если кто-то убил Сесили, то именно из-за них.

Андреас указал на экран. Его палец, непропорционально увеличившийся, нацелился на меня.

– Ты, главное, береги себя. Помни, что если опять попадешь в неприятности, меня на этот раз не будет рядом, чтобы помочь.

– Почему бы тебе не сесть на самолет и не прилететь в Англию? – промолвила я, мечтая, чтобы он оказался со мной.

– Без тебя «Полидорус» еще может обойтись. Но не без нас обоих.

Я слышала крики. Они доносились из-под террасы, как мне показалось, но точно определить было сложно. Андреас прислушался, потом пожал плечами, извиняясь.

– Мне нужно идти, – сказал он.

– Если дело в микроволновке, то ее надо сначала выключить, а потом снова включить. Она постоянно барахлит и капризничает.

– Это подходит ко всему в нашем отеле. И вообще ко всей стране! – Андреас наклонился ближе. – Я скучаю по тебе, Сьюзен. И беспокоюсь. Не подвергай себя риску.

– Не буду.

Крики продолжались, становясь все громче.

– Люблю тебя.

– И я тоже тебя люблю.

Мы потянулись друг к другу через две тысячи миль. Пальцы наши одновременно нашли курсор. Мы нажали на клавиши. Экран опустел.

Хит-хаус, Уэстлтон

Следующий день начался с неприятного сюрприза.

Позавтракав у себя в номере, я как раз спустилась по лестнице, когда заметила человека в костюме, решительной походкой направлявшегося от фасада отеля к офису администратора. Я сразу его узнала: сердитый взгляд, темная кожа, мускулистые шея и плечи. Даже походка у него была необычная: он двигался как бульдозер в поисках стены, которую можно снести. Так или иначе, нельзя было не узнать старшего суперинтенданта Ричарда Локка, и на миг меня обуяло желание развернуться и юркнуть в свой номер, сделав вид, будто я что-то забыла, лишь бы не встречаться снова. Помнится, бравый детектив страшно разозлился, когда я в прошлый раз вмешалась в его расследование.

Но я уже зашла слишком далеко, и пути назад не было. Поэтому я склонила голову пониже и поспешила вперед, делая вид, что не замечаю полицейского, погруженная в собственные мысли. Мы прошли буквально в нескольких дюймах друг от друга, и он хоть и видел меня, но явно не узнал. Мне пришлось отметить это обстоятельство как прискорбный недостаток наблюдательности в человеке, величающем себя сыщиком. Говоря по совести, он, должно быть, просто думал о чем-то другом. Я слышала, как Локк спросил про Эйдена Макнейла, и сообразила, что старший суперинтендант пришел доложить мужу об успехах в поисках его жены, а скорее всего, об отсутствии оных. И от души порадовалась, что полицейский меня не узнал, — эта встреча не пошла бы на пользу нам обоим.

А еще это происшествие давало мне повод отложить свою беседу с Эйденем, которой я до сих пор откровенно боялась. Я не разделяла мнения Андреаса, заявившего, что «в подобных случаях всегда виноват муж». То обстоятельство, что Эйден женат на Сесили, отнюдь не возводило его в ранг главного подозреваемого. Напротив, невзирая на слова Лизы, все говорило о том, что эти двое были счастливы вместе. А еще у них был ребенок. Это ведь наверняка означает, что муж не хотел причинить Сесили вреда? Ну и как мне с ним говорить?

Каким облегчением было сесть в свой старый добрый родстер «Эм-Джи-Би» и нажать на газ, уезжая прочь из отеля. День выдался чудесный, но мне хотелось как можно скорее тронуться в путь. Поэтому я выждала, пока миную подъездную дорожку, и только потом остановилась и подняла крышу. Затем я поехала дальше: гнала, врубив максимально разрешенную скорость и ощущая, как поток ветра холодит лицо и треплет волосы. Промчавшись между зеленых лужаек и посадок, я выбралась на трассу А12 и свернула на север, к Уэстлтону. В день своей гибели Фрэнк Пэррис навещал некий Хит-хаус. Мне требовалось выяснить, не там ли жили его родственники и, что еще важнее, не обитают ли они там до сих пор.

Уэстлтон — милая деревушка, а если точнее, то и не деревушка даже, а просто поселение на перекрестке дорог. Здесь пересекаются Йоксфорд-роуд, ведущая в Йоксфорд, Данвич-роуд, ведущая в Данвич, и Блитберг-роуд, ведущая в Блитберг. Чего вы тут не найдете, так это Уэстлтон-роуд, ведущей в Уэстлтон. Как будто кто-то подсказывает, что нет особой причины посещать то место, куда вас занесло. Там есть старомодный автосервис, паб, обозначенный указателем, но невидимый глазу, букинистический магазин, а больше почти ничего. Говорят, деревня расположена рядом с превосходным природным заповедником и отсюда можно прогуляться до моря. Уверена, это славное местечко для жизни.

Разыскать Хит-хаус оказалось непросто, особенно в старой машине без навигатора. В отеле я распечатала карту, но нарезала немало кругов, пока не наткнулась на фермера, моего трактор из шланга. Фермер указал на узкую улочку, которой я не замечала, по большей части из-за отсутствия у нее названия. Улочка увела меня далеко от центра деревни, в собственно природный заповедник, и в конце уперлась в поросший травой луг с бревенчатым

домом на дальней его стороне. Это и был Хит-хаус. Название было написано на американский лад на почтовом ящике у ворот.

Дом был из тех, что предназначены предстать взору летним утром среди свежескошенных лужаек, усыпанных цветами кустов, с раскачивающимся под деревьями гамаком и так далее. Хит-хаусу было уже лет сто, и, даже не входя внутрь, я знала, что найду там голые балки и открытые очаги, укромные уголки и потолки, с которыми нужно быть начеку, чтобы не удариться головой. Особой красоты в здании не наблюдалось: крыша кое-как залатана черепицей другого цвета, сбоку пристроена уродливая современная оранжерея. Но это был дом из тех, что уютны уже сами по себе. В нем имелось, надо полагать, пять или шесть комнат, две из которых примостились под фронтонами крыши. На дереве висел набор колокольчиков, умиротворяюще позвякивающих на ветру.

Припарковав машину, я вышла. Не было нужды запираť ее или поднимать крышу. Открыв калитку, я увидела мужчину в синей спецовке, красившего оконную раму. Был он низеньким и худым, очень бледным, с коротко подстриженными волосами и в круглых очках. Это и есть хозяин дома? Или человек, на него работающий? Трудно было сказать.

– Добрый день! – воскликнул неизвестный. Он, похоже, вовсе не удивился, увидев меня. На его губах играла улыбка.

– Вы здесь живете? – спросила я.

– Да. Чем могу помочь?

К такой общительности я оказалась не готова и не могла сообразить, как лучше представиться.

– Простите, что отрываю вас от дел, – начала я. – Но не могли бы мы переговорить. – (Он выжидающе молчал.) – Это насчет «Бранлоу-Холла».

Тут мужчина сразу оживился:

– Да, конечно.

– Я там остановилась.

– Счастливица. Шикарный отель.

– Я хочу задать вопрос о том, что произошло там довольно давно. Вы, случайно, не знали человека по имени Фрэнк Пэррис?

– Да. Я знал Фрэнка. – Мой собеседник заметил, что до сих пор держит малярную кисть, и опустил ее. – Не хотите ли войти в дом и выпить чашку чаю?

Такое гостеприимство меня огорошило. Он, похоже, был не просто согласен, но горел желанием поговорить со мной.

– Спасибо, – сказала я и протянула руку. – Меня зовут Сьюзен Райленд.

Он критически осмотрел свою ладонь, перепачканную белой краской.

– Мартин Уильямс. Извините, что не могу подать руку. Пойдемте...

Он повел меня за угол дома и далее через сдвигающуюся дверь. Внутри дом оказался в точности таким, как я себе и представляла. Кухня была просторной и уютной, с плитой фирмы «Ага», островком для приготовления пищи, подвешенными к потолочным балкам цветочными горшками и обеденным столом из сосны, вокруг которого стояло восемь стульев. Тут имелись современное окно, выходящее в сад, и арочный проем, ведущий в коридор со стенами из красного кирпича, круглым антикварным столиком и лестницей на второй этаж. Семья закупалась в супермаркете «Уайтроуз». Два фирменных пластиковых пакета стояли на полу в ряд с высокими резиновыми сапогами, кошачьим лотком, гладильной доской, теннисными ракетками, корзиной для белья и велосипедным насосом. Это создавало ощущение не столько неопрятности, сколько обжитого дома. Все находилось там, где следует. Карты, выпущенные картографическим обществом, и пособия по наблюдению за птицами лежали раскрытыми на столе, рядом со свежим номером «Гардиан». Повсюду были фотографии в рамках: две девочки, от младенческого возраста до лет двадцати с небольшим.

– Вам крепкий или с мятой? – спросил Мартин, включая чайник.

Но прежде чем я успела ответить, в комнату вошла женщина. Она была чуть ниже хозяйина и примерно того же возраста: в качестве пары они подходили друг другу идеально. Женщина слегка напомнила мне Лизу Трехерн – из породы злочек. Разница заключалась в том, что она была настроена более воинственно. Я вступила на ее территорию, и мне здесь явно были не рады.

– Это Джоанна, – представил супругу Мартин. Потом обратился к жене: – А это Сьюзен. Она приехала из «Бранлоу-Холла».

– Из «Бранлоу-Холла»?

– Да. Хочет разузнать насчет Фрэнка.

При этих словах Джоанна переменялась в лице. Минуту назад она выглядела сдержанно негостеприимной, теперь же заметно встревожилась. Быть может, даже испугалась.

– Это довольно непросто объяснить... – начала я, стараясь ее успокоить.

Стоявший рядом с плитой электрический чайник зашипел.

– Я просто готовлю чай для Сьюзен, – сказал Мартин. – Так вам какой: крепкий или с мятой?

– Крепкий будет в самый раз, – ответила я.

– Я сама сделаю. – Джоанна потянулась за кружками и пакетиками с заваркой.

– Нет-нет, дорогая. Ты лучше посиди и займи гостью. – Уильямс улыбнулся мне. – Не так часто у нас бывают посетители. А мы обществу всегда рады.

Почему у меня сложилось впечатление, что эти двое ведут своего рода игру? Они напомнили мне мужа и жену из пьесы «Кто боится Вирджинии Вулф?» – тех самых, что заманили в свой дом юную пару исключительно с целью разлучить возлюбленных.

Мы с Джоанной сидели за столом, я расспрашивала ее про Уэстлтон, а Мартин тем временем готовил чай. Я забыла все, что она сказала. Помню только ее обращенный на меня взгляд, воинственный и напряженный. Я порадовалась, когда Мартин присоединился к нам. В отличие жены, он держался исключительно приветливо. Даже пододвинул мне тарелку с печеньем.

– Так почему вы заинтересовались Фрэнком? – спросил он.

– Вы с ним родственники? – ответила я вопросом на вопрос.

– Да. – Мой собеседник несколько не смутился. – Он приходился мне шурином. Джоанна – его сестра.

– И он приехал в Суффолк навестить вас?

– Простите, Сьюзен, но вы не ответили на мой изначальный вопрос. – Он улыбнулся. – С какой стати вы заинтересовались Фрэнком?

Я кивнула:

– Уверена, вы слышали про исчезновение Сесили Трехерн. Ее родители владеют отелем.

– Да. Мы читали об этом в газетах.

– Они попросили меня помочь, потому как считают, что исчезновение дочери может быть связано с убийством Фрэнка.

– А вы кто? Ясновидящая или что-то в этом роде?

– Нет. Я работала в издательстве. Один из моих авторов написал о случившемся, и Трехерны думают, что тут может быть связь. – Объяснять все в подробностях было довольно проблематично, поэтому я решила пойти напролом. – Вы встречались с Фрэнком в те выходные, когда он умер?

На миг мне показалось, что супруги станут отпираться. Джоанна вздрогнула, но Мартин невозмутимо кивнул:

– Ну да. Он приезжал сюда в тот самый день, когда произошла трагедия. Если правильно помню, его убили в ночь на субботу. А здесь он был накануне, утром в пятницу, сразу после завтрака. В котором это было часу, дорогая?

– Около десяти, – ответила Джоанна, не сводя с меня взгляда.

– Можете назвать причину его визита?

– Фрэнк только что вернулся из Австралии. Хотел повидаться с нами.

– Но у вас он не остановился.

– Нет. Мы были бы рады принять его, но он даже не дал нам знать, что находится в Англии, пока не позвонил из отеля утром. Уж таков был Фрэнк – полон сюрпризов.

Я не поверила ни единому из слов хозяина и, самое удивительное, подозревала, что он на это и не рассчитывал. Весь его рассказ и даже эта лукавая улыбочка... все это был спектакль. Мартин походил на фокусника, позволяющего мне посмотреть на карту, но при этом твердо уверенного, что две секунды спустя она поменяется на совсем другую. Его поведение, учитывая, что речь идет о человеческой жизни, о члене семьи, которого жестоко убили, выглядело очень странным.

Я обратилась к Джоанне, решив, что, может быть, до нее окажется легче достучаться:

– Понимаете, мне очень неприятно вмешиваться. Знаю, что это не мое дело, но, как я уже объяснила, я просто пытаюсь найти Сесили, и все, что вы поведаете мне о событиях тех выходных, может оказаться полезным.

– Едва ли нам есть, что сообщить... – попыталась было уклониться Джоанна.

– Спрашивайте о чем угодно, – оборвал ее Мартин. – Нам нечего скрывать.

В романах Алана Конвея люди произносят такую фразу, когда им определено есть что скрывать.

Я обвела комнату взглядом.

– Как давно вы тут живете? – Я намеренно переменяла тему, заходя с другой стороны.

– Мы переехали... – Мартин принялся загибать пальцы. – Так, это было, наверное, за семь лет до того, как Фрэнк перебрался в Австралию – в девяносто восьмом. В том году умерла мать Джоанны.

– Это дом принадлежал ей?

– Да. До этого мы жили в Лондоне. Я работал на страховую компанию в Сити. «Гест Кригер»... Вы наверняка про них слышали. Они специализируются на искусстве.

– Я искусством не интересуюсь.

– Что ж, к счастью, у фирмы есть много богатых клиентов, которые интересуются. – По губам Мартина промелькнула все та же странная улыбочка. Она начинала меня раздражать. – Джоанне всегда хотелось перебраться из Лондона в сельскую местность. И так уж случилось, что я по большей части работаю на телефоне. Не имеет значения, где я нахожусь. Наши девочки как раз пошли в школу, когда дом освободился, и поэтому мы переехали.

– Какую школу посещали ваши дочери?

– Вудбриджскую.

– У моей сестры там дети учатся, – сообщила я. – А мой партнер раньше преподавал там.

– Школа им очень помогла, – сказала Джоанна, слегка оттаяв. – Они обе теперь поступили в университет.

– Их наверняка порадовала встреча с дядей.

– Девочки с ним не виделись. Их не было дома, когда он приезжал.

– И ваш брат не захотел проведать племянниц? После того, как проделал столь далекий путь из Австралии?

– Фрэнк заезжал по делам, – сказал Мартин, позволив вкрасться в голос ничтожной толике раздражения. Он держал в руке печенье и теперь разломил его и положил обе половинки на тарелку. – Печальная история, но брат Джоанны потерял большую часть денег, вложенных в австралийский бизнес, и в Англию вернулся почти ни с чем. Он задумал снова открыть агентство и предлагал нам войти в долю. – Уильямс покачал головой. – Боюсь, об этом не могло быть

и речи, – продолжил он. – Я теперь работаю на себя и вполне доволен, но основать с Фрэнком совместный бизнес я никак не мог. Из этого ничего бы не получилось.

– Почему?

– Потому что я его не любил. Никто из нас его не любил.

А вот и оно, всплыло внезапно. Своего рода признание. Вот только в чем именно?

Джоанна поставила чашку на блюдце, и оно звякнуло.

– Суть не в том, нравился нам Фрэнк или нет, – сказала она. – У меня с братом было очень мало общего. Начать хотя бы с разницы в возрасте. Да и по жизни мы выбрали разные дороги. В Лондоне я работала администратором в Государственной службе здравоохранения. У меня есть Мартин и дети. Я никого не хочу осуждать, но стиль жизни Фрэнка был совершенно чужд моему собственному.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, его сексуальную ориентацию, конечно. Он был гей, и я не имею ничего против, но зачем выставлять это напоказ? Эти вечеринки, наркотики, одежда, которую он носил, и такое множество молодых людей...

– Эй, поаккуратнее! – Мартин, похоже, забавлялся возмущением жены. Он нежно похлопал ее по руке. – Не забывай про толерантность!

– Тебе известны мои мысли на сей счет, Мартин. Мне эти вещи просто кажутся отвратительными, только и всего.

– Фрэнк любил привлекать внимание, – кивнул хозяин дома. – Что правда, то правда.

– Так что же произошло, когда он приехал сюда? – спросила я.

– Он рассказал нам, что потерял кучу денег. – Разговор снова повел Мартин. – Просил нашей помощи. Мы обещали подумать, хотя с самого начала решили, что этому не бывать. Мы вызвали Фрэнка такси, и он вернулся в отель.

– Про свадьбу он не упоминал?

– Вообще-то, Фрэнк нам про нее все уши прожужжал. Гостиница, мол, битком набита, и большой шатер в саду портит вид. Заявил, что владельцы обязаны были сделать ему скидку.

– А про Сесили что-нибудь говорил? Или про ее жениха, Эйдена Макнейла?

– Про них он не упоминал. Хотел бы я рассказать вам больше, Сьюзен, но Фрэнк пробыл у нас всего минут сорок пять. Мы выпили чаю. Поговорили. Потом он уехал.

Джоанна явно желала, чтобы я последовала примеру ее брата. Я допила чай, вторую кружку мне не предложили. Я встала и вежливо произнесла:

– Большое спасибо. Вы оба были очень любезны. Я пробуду в Суффолке еще несколько дней. Вы не против, если мне придется заглянуть к вам еще раз?

– Всегда рады, – ответил Мартин. – Если у вас появятся еще какие-то вопросы, мы охотно на них ответим. Так ведь, Джо?

– Я вас провожу. – Джоанна тоже поднялась и указала на арку.

Держись хозяйка чуть менее формально, могла бы вывести меня через раздвижную дверь – тем путем, которым я вошла. Но Джоанна явно ощущала необходимость проводить гостью через коридор и парадную дверь. И тут мне на глаза попала скрытая до того за плитой пробковая доска с приколотой в углу визиткой, на которой значилось: «Уэсли и Хан, доверенные. Фрамлингем».

Это был тот самый Саджид Хан, подсказавший Лоуренсу и Полин Трехерн, где меня искать. Прежде он вел дела Алана Конвея. Интересно, что связывает его с Мартином и Джоанной Уильямс?

Я собиралась спросить Джоанну насчет юриста, но ничего не вышло. Провожая меня из кухни, она держалась сдержанно вежливо, но едва мы перешагнули через порог, повернулась ко мне, и я увидела в лице женщины невероятную перемену. Джоанна пришла в ярость и смотрела на меня так, словно хотела убить.

– Я не желаю, чтобы вы снова являлись сюда, – прошипела она тихо, чтобы Мартин не услышал.

– Простите?

– Просто убирайтесь. Мы не рады были видеть Фрэнка и не рады вам. Что бы там ни случилось в отеле, к нам это не имеет ни малейшего отношения. Так что проваливайтесь и впредь оставьте нас в покое.

Я даже не знаю, как вышла из дома. Помню только, как за спиной захлопнулась дверь, и я подумала, что хотя и понятия не имею, что именно сейчас произошло, однако это напрочь лишено хоть какого-нибудь смысла.

Бранлоу-коттедж

Вернувшись в отель, я не заметила поблизости никаких подозрительных людей или полицейской машины, и это позволило мне думать (и надеяться), что старший суперинтендант Локк уехал. Время близилось к полудню, а это означало удобный час для визита к Эйдену Макнейлу. Я до сих пор немного побаивалась встречи с ним, однако понимала, что не могу дольше ее оттягивать. Прямо из машины я позвонила Лоуренсу, но трубку взяла Полин.

– Муж сейчас в саду, – сообщила она. – Прошу прощения, что не пришла вчера на ужин. Я не очень хорошо себя чувствовала.

– Все в порядке, Полин. Я собираюсь побеседовать с Эйденем.

– Ах да. Он общался с полицией этим утром.

– Есть новости?

– Никаких.

– Я только хотела узнать, не переговорил ли Лоуренс с Эйденем. Он сказал, что предупредит его о моем возможном визите.

– Вот чего не знаю, того не знаю. Подождите минутку, я спрошу.

Послышался щелчок (моя собеседница перевела разговор на удержание), а потом изда- лека донесся ее голос. «Дорого-о-ой!» – окликнула она супруга через окно. Я выждала с минуту, потом Полин снова появилась на линии, слегка запыхавшись.

– Да, – сказала она. – Эйден ждет вас.

– Он не против побеседовать?

– Ничуть. Зять готов на все, лишь бы найти Сесили...

Это меня приободрило.

Я прошла через отель, мимо Ларса, который сидел за столом администратора, читая датский футбольный журнал под названием «Tipsbladet». Молодой человек при моем появлении даже головы не поднял. Выйдя на задний двор, я миновала оздоровительный корпус, плава- тельный бассейн и направилась по гравийной дорожке в Бранлоу-коттедж.

С чего, интересно, им вздумалось называть его коттеджем? Здание представляло собой прочный трехэтажный дом на отдельном земельном участке, обнесенном невысокой стеной с воротами. За оградой виднелись качели и не до конца надутый резиновый детский бассейн. На подъездной дорожке стоял «рейнджровер». Пока я шла по хрустящему под ногами гра- вию, меня не оставляло какое-то очень странное чувство: смутное беспокойство, а может, даже страх. Но я боялась не Эйдена. Я думала про Сесили, дочь, жену и мать семилетней девочки. Она пошла прогуляться по мирным суффолкским лужайкам и не вернулась. Если ли что-то худшее, что может произойти с человеком? Да, здесь повсюду такие просторы. Живя в сельской местности, ты каждую минуту находишься среди – как бы это лучше выразиться? – необъятной пустоты. Теперь я это ощущала. Но вплоть до этой минуты я никогда не задумывалась, как легко можно стать частью этой самой пустоты.

Когда я приблизилась к парадной двери, она открылась, и навстречу вышел Эйден. Он, должно быть, заметил меня в окно.

– Вы, наверное, Сьюзен Райленд? – воскликнул хозяин Бранлоу-коттеджа, протягивая мне руку.

– Да.

– Вы вовремя. Элоиза поехала забирать Рокси из школы. Входите.

Первое впечатление об Эйдене не совпало с моими ожиданиями. Это оказался очень приятный мужчина, светловолосый, голубоглазый, подтянутый. На нем были джинсы, спор- тивная рубашка и мягкие туфли. От Трехернов я знала, что ему тридцать два, но выглядел он лет на пять моложе, будучи наделен даром Питера Пэна, угадывавшимся в его подвижности и

легкости походки. Проводив меня в кухню, он, не спрашивая, включил чайник. В доме царили чистота и порядок. Ни на одной поверхности не наблюдалось лишних предметов.

– Вы давно приехали? – спросил Эйден.

Только сейчас, когда он повернулся, я заметила усталые глаза, порожденные беспокойством морщины. Он явно плохо спал и в последнее время похудел.

– Вчера. – Я не знала, с чего начать. – Мне очень жаль, что Сесили исчезла. Должно быть, для вас это ужасно.

– Ужасно? – Собеседник вяло улыбнулся, оценивая слово. – Если хотите знать правду, Сьюзен, это даже близко не подходит к тому, что я чувствую. Ужасными стоит назвать подозрения полицейских, что я как-то замешан в этом деле. Еще ужасно то, что они приезжают сюда уже седьмой или восьмой раз, но так и не обнаружили, черт побери, никаких зацепок.

Голос Эйдена звучал как-то странно, как если бы у него болело горло.

– Я знаю старшего суперинтенданта Локка, – сказала я. – Это очень старательный человек.

– Вы думаете? Лично я сильно в этом сомневаюсь. Полагаю, что, если бы детектив Локк и его приятели были немного более старательными, Сесили сейчас была бы уже дома.

Я смотрела, как Эйден готовит чай. Он делал это при помощи коротких, нетерпеливых движений – так алкоголик мог бы наливать себе стакан скотча – и при этом все время говорил, даже повернувшись спиной ко мне:

– Я позвонил в полицию в восемь часов вечера того дня, когда жена исчезла. Это была среда. Сесили должна была вернуться к шести, чтобы помочь уложить Роксану, и я раз десять звонил ей на мобильный. Телефон не отвечал. Что-то стряслось, я это сразу понял, но прошел еще час, прежде чем явился хоть кто-то из полиции. Вроде как патрульные. Но и они не восприняли дело всерьез. Работнички еще те. Начали задавать дурацкие вопросы: «Между вами произошла ссора? Ваша жена находилась в депрессии?» И только когда два часа спустя на станции Вудбридж нашли собаку, полиция начала действовать. Там же обнаружилась и машина Сесили.

– «Рейнджровер»?

– Нет. Это мой автомобиль. Она ездит на «гольф» модели «Эстейт».

Я отметила употребленный в настоящем времени глагол. Эйден не колеблется и считает жену живой.

– А что сказал вам Локк сегодня? – спросила я.

– Да ничего нового. И это в точности характеризует, насколько полиция продвинулась в этом деле. – Эйден открыл холодильник, достал пакет молока и с такой силой поставил его на разделочный стол, что тот чуть не смялся. – Вы не представляете, что это за канитель. Они затребовали все банковские реквизиты Сесили, ее медицинские данные, фотографии – среди них была и сделанная в день нашей свадьбы, опубликованная во всех газетах. Сто человек обыскивают окрестности реки Дебен. Пусто. Потом вдруг начинают появляться донесения. Пропавшую якобы видели в Лондоне. Она была в Норидже. Она появилась в Амстердаме. Хотя как Сесили ухитрилась туда попасть без загранпаспорта, который лежит у нас дома в комод, ума не приложу.

Он налил молоко.

– Мне сказали, что первые семьдесят два часа после исчезновения самые важные. Свидетели, находившиеся неподалеку от места происшествия, до сих пор там и помнят подробности. Еще можно обнаружить улики. Вам известно, что семьдесят процентов пропавших людей находят в радиусе сорока миль от места, где они живут?

– Я этого не знала.

– Локк мне сказал. Думал, что это должно меня приободрить. Но Сесили они не нашли, а прошло уже больше недели.

Эйден разлил чай, и мы сидели друг напротив друга, не прикасаясь к чашкам. Мне хотелось достать сигарету, но я догадывалась, что хозяин не курит. В доме не чувствовалось запаха дыма, да и зубы у него были слишком белые. Мне вновь вспомнились слова Андреаса: «Пропавшая женщина наверняка на его совести. В подобных случаях всегда виноват муж». Если это и впрямь так, то тогда или Эйден Макнейл величайший из всех известных мне актеров, или он действительно пребывает на грани нервного срыва. Я смотрела, как он сидит сгорбившись напротив меня. Это был человек, напрочь лишившийся покоя и буквально раздраемый переживаниями на части.

– Ваши тесть и теща считают, что исчезновение Сесили может быть как-то связано с книгой, которую она прочитала, – сказала я.

Эйден кивнул:

– «Аттикус Пюнд берет за дело». Да. Они говорили.

– Вы читали ее?

– Да. – Последовала долгая пауза. – Это я дал жене роман. Посоветовал его прочесть. – Он вдруг разозлился. – Если это правда и Сесили исчезла из-за него, значит это моя вина. Хотел бы я, чтобы она никогда не слышала об этой проклятой книжке.

– А сами вы как о ней узнали?

– Один из гостей упомянул. В общем, такая у меня работа. Я разговариваю с постояльцами. Забочусь о том, чтобы они были всем довольны. Сесили ведет документацию, Лиза заведует финансами. А я просто пиарщик. – Эйден встал и подошел к буфету, продолжая говорить. – Я встречал Алана Конвея, когда тот приезжал сюда много лет назад, но понятия не имел, что он собирается написать о нас книгу. Напротив, в разговоре со мной он подчеркнул, что не намерен этого делать... Ублюдок. В общем, наш гость заговорил о детективном романе и сказал, что там описан отель под названием «Мунфлауэр», а как известно, у нас одно крыло так называется. Так что я купил экземпляр и, разумеется, сразу понял, что мы все там фигурируем: Лоуренс и Полин, Дерек, это наш ночной администратор, я...

Эйден повернулся. В руках у него была новенькая книга в мягкой обложке. Я узнала силуэт Аттикуса Пюнда, название романа крупными буквами, надпись «БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ „САНДИ ТАЙМС“», горделиво помещенную наверху. Сколько часов потратила я, работая над оформлением серии? Помню, как вела переговоры с художниками, прося их избегать простых контуров и пастельных цветов давно забытой Англии Энид Блайтон, пусть даже книги серии идеально вписываются в эту нишу. Есть множество издателей – взять, к примеру, «Английскую библиотеку классического детектива», – уже заполонивших прилавки книжных магазинов своими винтажными обложками, и нам требовалось отличаться от них. Алан был самостоятельным современным писателем, а не каким-нибудь подражателем Дороти Ли Сэйерс или Джона Диксона Карра. Таково было главное послание, которое я хотела донести до читателя. После смерти Алана издательство «Орион», купившее права на всю серию, изменило обложки, но сохранило общий стиль дизайнера. Он оказался удачным, что было в значительной степени моей заслугой.

– Итак, Сесили прочла книгу. Она что-то рассказывала вам о своих подозрениях? – задала я очередной вопрос.

– Ну, буквально в двух словах. Сказала, что в романе есть кое-что странное, что заставило ее усомниться в виновности Штефана. Вроде как получается, что убийца на самом деле не он. Но это все, Сьюзен. Мне бы расспросить жену поподробнее о том, что именно она обнаружила, да нам было не до этого. Возникли кое-какие проблемы с отелем. Роксана приболела. Лиза стервозничала больше обычного. Короче, мы были заняты по горло и не нашли времени сесть и все обсудить.

Мы оба смотрели на остывающий чай, одновременно приходя к пониманию, что не хотим его пить. Эйден встал и достал из холодильника бутылку вина, налил два бокала.

– Я стараюсь держаться ради Роксаны, – сказал он. – Она еще толком не понимает, что происходит, знает только, что мамочка уехала. Ну как мне ей все объяснить?

Он сделал большой глоток вина.

Я выждала немного, пока алкоголь подействует. Потом спросила:

– Вы не против, если мы поговорим про свадьбу? Вашу с Сесили?

– Нет, конечно. Если это способно помочь.

– Как вы познакомились?

– Сесили приезжала в Лондон, подумывая насчет покупки квартиры. Я сам из Глазго. Жил там с матерью.

– Ваша мама была на свадьбе?

– Да.

– А сейчас она не приехала, чтобы помочь?

Эйден покачал головой:

– У нее алыгеймер. Моя сестра Джоди ухаживает за ней. Но мне они здесь не нужны. У меня есть Элоиза. Мать и сестра тут не помогут.

– Прощу меня извинить, – сказала я. – Продолжайте.

– Я переехал в столицу примерно в две тысячи первом году. Устроился на работу агентом по недвижимости и в результате познакомился с Сесили. Случилось так, что мне выпало показывать ей однушку в Хокстоне. Из Суффолка туда добираться было удобно, но цену заложили непомерную, да и с крышей имелись проблемы. Так совпало, что это произошло в мой день рождения. Я не мог дожидаться, когда закончу работу и отправлюсь в паб, где меня ждала куча приятелей. Поэтому я посоветовал клиентке не покупать квартиру, а вместо этого пойти со мной. – Воспоминание заставило его улыбнуться. – Все мои друзья в нее просто влюбились. И сразу поняли, что мы созданы друг для друга.

– Как долго вы были помолвлены?

– Полтора года. С точки зрения Полин и Лоуренса, срок был слишком короткий, но мы не хотели тянуть. Родители Сесили потребовали от меня войти в их семейный бизнес, и я не возражал. То, чем я занимался в Лондоне, и то, что делаю здесь... Особой разницы нет. Работа с людьми.

– А теперь расскажите о самом дне свадьбы. Обо всем, что тогда случилось.

Вино помогало. Не знаю, как Эйден, но я определенно почувствовала себя более расслабленной.

– Мне этого никогда не забыть. – Мой собеседник потрянул головой. – Сесили начала день с чтения своего гороскопа в газете. «Готовьтесь к превратностям судьбы», – говорилось там. Едва ли бы вам понравился такой прогноз в день свадьбы, и Сесили всерьез встревожилась. Разумеется, предсказание сбылось в точности, и все пошло наперекосяк. Наверное, мне не стоит об этом упоминать, но я считаю, что Лоуренс и Полин совершили грубейшую ошибку, не закрыв отель для других гостей. Поступи они иначе, все было бы под контролем, Фрэнк Пэррис не поселился бы там и ничего вообще не случилось бы.

– Когда вы встретились с ним?

– В четверг вечером, когда он приехал. Фрэнк забронировал номер стандарт, и мы поселили его в крыле «Мунфлауэр». Комната была совершенно чудесная, но ему не понравилась. Он хотел что-то более традиционное и высказал претензии. Мне удалось уладить все наилучшим образом и перевести его в номер двенадцать. Там его и убили.

– Опишите Фрэнка.

Эйден задумался.

– Лет пятидесяти, волнистые седые волосы, довольно короткие. Он только-только приехал из Австралии, очень устал после долгого перелета и в силу этого был несколько раздражительным. Но на следующий день он держался приветливее.

– Вы виделись с ним дважды?

– Я его зарегистрировал. Затем мы с Сесили встретили его в обед в пятницу у дверей отеля. Он выходил из такси. Сказал, что доволен новым номером, а когда узнал, что мы собираемся пожениться, рассыпался в любезностях. Весь такой жеманный. Сразу видно, что из тех, кто любит покрасоваться. Скажи вы мне, что буквально несколько часов спустя его убьют, я бы не поверил. Он был из тех, кто полон жизни.

– Фрэнк не упоминал, что делал в Уэстлтоне?

Эйден на секунду задумался.

– Нет, не припомню. Про Уэстлтон Фрэнк ничего не говорил, зато сообщил, что намеревается этим вечером сходить в оперу в Снейп-Молтинге. Там вроде как давали что-то из Моцарта. Не стану утверждать, что он приехал специально ради этого. Но есть люди, способные проделать много миль, чтобы побывать в этом концертном зале. Некоторые останавливаются у нас.

– И больше вы его не встречали?

– Может, и встречал. Но если и так, то не обратил внимания. Вы же понимаете, Сьюзен, что у меня и без того забот было по горло.

– А вечером в пятницу состоялась вечеринка для обслуживающего персонала?

– Да, и это вполне в духе Лоуренса и Полин. Им хотелось, чтобы все приняли участие в торжествах. Они хорошие люди и считают, что все сотрудники отеля – одна семья. – Эйден глянул в окно, словно бы услышал что-то. Но Роксана пока не возвращалась. – Вечеринка началась в половине девятого и продлилась примерно час.

– Штефан на ней присутствовал?

– Да. Все там были. Лайонел, Дерек, Штефан, Лиза... Хотя нет, Дерек не пришел. Но все остальные были.

– Вы разговаривали со Штефаном?

Мой собеседник задумчиво нахмурился.

– Возможно. В самом деле не помню. Но едва ли я мог провести с ним много времени, потому как он уходил с работы.

– Штефан увольнялся?

– А разве вам никто не сообщил? Его выгнали. Лиза сразу невзлюбила Штефана. Была уверена, что парень приворовывает по мелочам. По правде говоря, Лиза не нуждалась в поводе, чтобы от него избавиться. Уж если вы Лизе не понравились, то пиши пропало. Это всем известно. Она и мне-то не слишком симпатизирует, если честно, но тут причина скорее в том, что я женат на ее сестре. Лиза терпеть не может, когда у Сесили есть что-то такое, чего нет у нее самой.

Я призадумалась. Как там Лиза выразилась во время ужина насчет Штефана? «Нам давно уже следовало его уволить». Возможно, она хотела сказать, что и впрямь уволила парня, но сделала это уже позже, однако у меня создалось впечатление, что собеседница преднамеренно скрыла это обстоятельство, что выглядело странным. Значит, Штефан тогда как раз узнал, что потерял работу? Помимо прочего, это могло подтолкнуть его к кражам у гостей, поскольку впрямь он лишился такой возможности. Мне подумалось, что Лиза не преминула бы обратить на это мое внимание. Но она промолчала. Почему?

– Значит, Фрэнка Пэрриса вы больше не видели? – спросила я.

– Нет. До половины девятого я был с Сесили. Потом мы пошли на вечеринку. А после отправились в постель.

Услышав это, я удивилась:

– Вы разве не по отдельности должны были спать в ту ночь? Накануне свадьбы?

– А зачем нам это? Свадьба была традиционная во многих смыслах. Так захотела Сесили. Но устраивать мальчишник и девичник мы не собирались. Как и спать в отдельных комнатах.

Мне вспомнились недавние слова Эйдена.

– Вы говорили, что гороскоп в тот день сулил Сесили превратности судьбы, и предсказание сбылось в точности: все пошло наперекосяк. Что именно вы имели в виду?

– Ну, согласитесь, мало радости, когда твоя свадьба омрачается убийством...

– Это понятно. Но были и другие неприятности?

– Вы в самом деле хотите знать? Так, разные накладки, которые не имеют никакого значения.

– В данном случае все имеет значение. Никогда не угадаешь, что именно может пригодиться.

Эйден вздохнул:

– Ну, это были просто досадные мелочи. Из разряда тех, что случаются на каждой свадьбе. Начать с того, что с шатром вышла задержка. Его привезли только после обеда в пятницу, и рабочие провозились с ним всю вторую половину дня. Одна из подружек невесты заболела и не смогла приехать. Сесили сочла, что это плохая примета. А потом она расстроилась, потеряв ручку, которая должна была быть при ней во время бракосочетания в розарии.

– Она потеряла шариковую ручку?

– Нет, чернильную, которую принес ей отец. Лоуренс коллекционирует старинные ручки. Он так гордился, что сумел раздобыть ее к свадьбе.

– Лоуренс купил эту ручку в качестве подарка?

– Нет, взял напрокат в одной антикварной лавке. Она была синяя. И совершенно новая.

– Простите? – Я была совершенно сбита с толку. – Вы вроде как говорили про антиквариат?

– Ну да, ручка была старинная, однако новая. Взятая взаймы и при этом синяя! Теперь ясно?

– Ну разумеется. – Я чувствовала себя полной идиоткой и предпочла не углубляться в тему.

– Короче, ручка так и не нашлась. Позже мы подумали, что ее мог стянуть Штефан. Но на этом неприятности не закончились. Грузчики расколотили целый ящик с бокалами для вина. Торт не получился. Ну и зачем я вам все это рассказываю? В целом свадьба у нас была самая обычная, ничем не примечательная.

– За исключением того, что произошло убийство.

– Да, верно. – Мой довод отрезвил Эйдена. – Этот день призван был стать счастливейшим в нашей жизни. Бракосочетание состоялось в полдень, в саду. Венчания не планировалось, поскольку мы оба неверующие. Примерно в четверть первого мы уселись за обеденный стол. И только начались тосты, как одна из горничных отеля – ее звали Наташа Мэлк – выбежала из номера с воплями про убийство. На этом, как вы понимаете, торжество и закончилось.

Эйден допил вино и отставил бокал в сторону, давая понять, что больше пить не будет.

– Я любил Сесили сильнее, чем вы можете себе представить. И сейчас люблю. Она умная, красивая, деликатная и прекрасно меня понимает. У нас чудесная дочь. И вот вдруг случается такое, и вся моя жизнь превращается в чертов кошмар.

Как раз в эту секунду на подъездной дорожке появился автомобиль, серебристый «фольксваген-гольф-эстейт». В молодой женщине за рулем я узнала няню. Роксана сидела, пристегнутая, на заднем сиденье. Машина остановилась. Няня вышла, и Медведь, золотистый ретривер, выпрыгнул следом за ней. Именно этот пес лаял той ночью, восемь лет назад. Тогда он, наверное, был совсем еще щенком. Теперь это была взрослая собака, перекормленная и грузная, действительно схожая с медведем.

– Не возражаете, если мы продолжим беседу в другое время? – спросил Эйден.

– Ничуть.

– Сколько вы еще намерены тут пробывать?

Хороший вопрос. Я и сама толком этого не знала.

– Неделю, возможно, – ответила я.

– Понятно. Спасибо вам за то, что пытаетесь помочь.

До сих пор я ровным счетом ничего не сделала.

Оставив Эйдена Макнейла в кухне, я направилась к выходу. Стоило мне отворить дверь, как в дом влетела Роксана, которой не терпелось увидеть отца. Меня она, похоже, даже и не заметила. Это была премилая девчушка, черноволосая, с темно-кариыми глазами. Отец подхватил ее на руки.

– Как поживает моя девочка?

– Папуля!

– Где вы были?

– Гуляли в парке. Мамочка вернулась? Я так по ней соскучилась!

– Пока нет, детка. Потерпи еще немного...

Выйдя за порог, я столкнулась лицом к лицу с няней Элоизой, которая несла одеяло и корзину для пикника. На миг мы обе замерли, не в силах решить, кому из нас следует уступить дорогу.

Элоиза обожгла меня яростным взглядом. В какой-то степени это было повторением случившегося сегодня утром с Джоанной Уильямс, но в то же время по-другому. Исходящая от нее эмоция была такой мощной и сконцентрированной, что я в буквальном смысле слова оторопела. И главное, вся эта ненависть не имела под собой никакой причины. Мы ведь прежде даже и не встречались никогда. Ранее я описала Элоизу как женщину смуглую и худощавую, но теперь поняла, что она еще была злобной и опасной, как персонаж из древнегреческой трагедии. Даже в этот погожий летний день одежда на ней была серой. Волосы черные как смоль с серебристо-седой прядью на боку. Не столько Мэри Поппинс, сколько Стервелла де Виль.

– Вы кто? – спросила няня.

– Друг семьи. Меня попросили помочь.

– Мы не нуждаемся в помощи. Нам нужно только одно: чтобы нас оставили в покое. –

Элоиза говорила с французским акцентом, как в артхаусном фильме. Она буквально впиалась взглядом в мое лицо.

Я бочком обогнула няню и зашагала обратно к отелю. Отойдя на некоторое расстояние, я обернулась, чтобы бросить на дом последний взгляд. Элоиза была все еще здесь, стояла на пороге, и весь вид ее недвусмысленно предупреждал: даже и не вздумай впредь сюда возвращаться.

Переписка

От: Крейг Эндрюс <CAndrews13@aol.com>

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:03

Кому: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr>

Тема: RE: Штефан Кодреску

Привет, Сьюзен!

Я очень удивился, получив от Вас письмо. Вижу, Вы используете новый электронный адрес. Это в Греции? Я искренне огорчился, услышав о трагедии, случившейся в издательстве «Клоуверлиф букс». Кстати, а что там на самом деле произошло? Каждый озвучивает свою версию. В любом случае мне жаль, что мы с Вами больше не видимся. Я вошел во вкус наших долгих посиделок под чипсы «Принглс» и бокал сухого вина!

Видели мою новую книгу в списке бестселлеров? Правда, она продержалась там всего неделю, что не помешало издателям разместить эту информацию на обложке. Роман называется «Отмечая время». (Да, знаю, что Вы скажете: снова слово «время» в названии и опять тот же самый герой, Кристофер Шоу... Я предпочитаю оставаться в зоне комфорта, а издатели из «Ходдера» не возражают.)

Теперь что касается Штефана Кодреску. Он содержится в королевской тюрьме Уэйленд, что в Норфолке. Для встречи с ним Вам потребуется его согласие, или, возможно, Вы поговорите с его адвокатом. Я нашел его через Интернет. Вы никак заинтересовались убийством? Жутко хотелось бы узнать, что у Вас на уме. Просигнальте потом что и как.

Берегите себя.

Крейг

P. S. Если будете в Лондоне и нужно будет где-то остановиться, дайте знать. Я сейчас сам по себе, и места хватает. Обнимаю.

Штефану Кодреску

IP25 6RL, Тетфорд, Гристон,

Томпсон-роуд, королевская тюрьма Уэйленд

20 июня 2016 года

Уважаемый Штефан!

Меня зовут Сьюзен Райленд, я раньше работала редактором в издательстве «Клоуверлиф букс».

Мы с Вами никогда не встречались, а пишу я Вам вот по какой причине. Недавно ко мне обратились Лоуренс и Полин Трехерн, владельцы отеля «Бранлоу-Холл», где, насколько мне известно, Вы прежде служили. Вы могли прочитать в газетах, что их дочь Сесили пропала, и родители очень сильно встревожены. Они считают, что я могу помочь.

Дело в том, что самым известным из писателей, с которыми я работала, был некий Алан Конвей. Он написал книгу, отчасти основанную на событиях, которые произошли в «Бранлоу-Холле» восемь лет назад. К сожалению, сам Алан уже умер, и я не могу поговорить с ним, но, похоже, в его романе есть некое обстоятельство, связанное с загадочным исчезновением

Сесили Трехерн. Оно может также иметь непосредственное отношение к Вам и вынесенному Вам обвинительному приговору.

Мне бы очень хотелось встретиться с Вами как можно скорее. Насколько я понимаю, мне позволят приехать в тюрьму Уэйленд, только если Вы внесете меня в список своих посетителей. Можете Вы это сделать? Если надумаете связаться со мной, позвоните по номеру: 07710 514444 или напишите на мое имя в «Бранлоу-Холл». Жду от Вас вестей.

*С наилучшими пожеланиями,
Сьюзен Райленд*

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:18

Кому: Джеймсу Тейлору <JamesTaylor666!@gmail.com>

Тема: Алан Конвей

Дорогой Джеймс!

Давненько мы с Вами не общались, и надеюсь, что адрес Вашей электронной почты за это время не изменился. Как поживаете? Помнится, прошлая наша встреча переросла в очень пьяный ужин в «Короне» во Фрамлингеме, и Вы тогда поделились со мной намерением поступить в театральное училище. Осуществились ли Ваши планы? Не предстоит ли мне вскоре увидеть Ваше имя на афишах?

Вы, вероятно, удивлены, с какой стати я вдруг решила Вам написать. Это долго объяснять, скажу лишь, что я неким образом оказалась снова втянута в историю с Аланом Конвеем.

У него есть книга под названием «Аттикус Пюнд берется за дело». Он написал ее еще до того, как Вы с ним стали партнерами, и разумеется, Вы тогда еще не превратились в помощника Пюнда! Есть все основания полагать, что сюжет основан на реальных событиях, имевших место в Суффолке, в отеле «Бранлоу-Холл». Не помните, может, Алан когда-нибудь упоминал это место? За убийство был осужден некий Штефан Кодреску, но вполне вероятно, что настоящий преступник вовсе не он.

Мне известно, что Алан хранил кучу записей. Помню, как мы с Вами рылись в его кабинете, пытаясь отыскать информацию насчет «Английских сорочьих убийств». Как понимаю, вместе с Эбби-Грейндж Вы также унаследовали и архивы Конвея. Возможно, Вы выбросили все бумаги на помойку, но если вдруг что-то сохранилось, то это могло бы мне помочь.

Связаться со мной можно по этому адресу электронной почты или же по телефону: 07710 514444. В любом случае буду рада встрече. Вы, полагаю, сейчас в Лондоне, а я в данный момент нахожусь в Суффолке, но могу подскочить к Вам в любое время.

С приветом,
Сьюзен (Райленд)

Пятн. 20 июня, 14:30

Лайонел, здравствуйте! Этот номер все еще Ваш? Вы сейчас в Англии? Извините за беспокойство, но не могли бы Вы со мной встретиться по одному важному вопросу? Это насчет Сесили Трехерн из Бранлоу-Холла. С уважением,
Сьюзен Райленд.

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:38

Кому: Кейт Лейт <Kate@GordonLeith.com>

Тема: Алан Конвей

Привет, Кэти!

Я снова ненадолго приехала в Великобританию и сейчас в Суффолке! Прости, не было времени позвонить или прислать письмо. Очень неожиданно все случилось. Боюсь, это снова касается Алана Конвея. Ну никак он не оставит меня в покое.

Как дела? Как там Гордон, Джек, Дейзи? Сто лет прошло, а вы так и не приехали на Крит!

Как насчет ужина сегодня или завтра (в субботу)? Я могу приехать, или вы приезжайте ко мне. Я остановилась в отеле «Бранлоу-Холл» (бесплатно). Звони или пиши.

С любовью,

Сьюзен (чмок-чмок)

Пятн., 20 июня, 14:32

Здравствуйте, Сьюзен. Да, я читал про Сесили в газетах. Ужас. Помогу чем смогу. Я в Лондоне, работаю в клубе «Верджин Эktiv Барбикан». Звоните или пишите на LCorby@virginactive.co.uk в любое время. Всего доброго.

Лайонел.

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:45

Кому: Лоуренс Трехерн <lawrence.treherne@Branlow.com>

Тема: Сесили

Уважаемый Лоуренс!

Надеюсь, что с Вами все хорошо и что Полин чувствует себя лучше.

Я встретила сегодня утром с Эйденем, и мы отлично поговорили. Еще мне удалось связаться с Лайонелом Корби по номеру, который Вы мне дали. Он в Лондоне, и завтра я, вероятно, съезжу туда и повидаюсь с ним. Конечно, можно было бы пообщаться по телефону, но лицом к лицу, мне кажется, будет правильнее.

Пока я буду отсутствовать, не могли бы Вы оказать мне услугу? Можете записать все, что произошло, с Вашей точки зрения, в четверг, 14-го, в пятницу, 15-го, и в субботу, 16 июня 2008 года? То есть в тот свадебный уик-энд. Вы разговаривали с Фрэнком Пэррисом? Видели или слышали что-то в ночь, когда он был убит? Понимаю, это весьма обременительная просьба, но чем с большим количеством людей я общаюсь, тем запутаннее все становится, и такой обзор и в самом деле может оказаться очень полезным.

Также (хоть мне и неприятно упоминать об этом) я буду очень признательна, если Вы передадите мне часть вознаграждения, о котором мы с Вам условились. Мой партнер Андреас остался сейчас один на Крите, и ему нужны дополнительные сотрудники, чтобы компенсировать мое отсутствие. Если Вам удобнее перечислить деньги по безналичному расчету, могу выслать Вам банковские реквизиты.

Спасибо.

Сьюзен.

Р. С. Вы обещали узнать, как звали директора школы, который должен был въехать в номер двенадцать, если бы туда не поселили Фрэнка Пэрриса. Вам удалось найти эту информацию?

От: Кейт Лейт <Kate@GordonLeith.com>

Отправлено: 20 июня 2016 года в 15:03

Кому: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr>

Тема RE: Алан Конвей

Сью!

Поверить не могу, что ты здесь и даже ничего мне не сказала. Ну конечно, приезжай – сегодня в семь или когда удобно. Что ты делаешь в «Бранлоу-Холле»? Рада, что ты не платишь – цены там просто сумасшедшие. Годрона, боюсь, не будет дома. Работает допоздна, как обычно. Дейзи тоже путешествует, зато Джек способен осчастливить нас своим присутствием.

Дай знать, если вдруг что-то не получится. В противном случае жду тебя около семи.

Сгораю от нетерпения увидеть.

Кэти (чмок-чмок-чмок-чмок)

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 15:20

Кому: Андреасу Патакису <Andakis@polydorus.co.gr>

Тема: Скучаю по тебе

Мой дорогой Андреас!

Чудно как-то посылать тебе электронное письмо. Мы никогда не общались по электронке... уж точно не в последние два года (за исключением той истории, когда ты пропал в Афинах и я уже собиралась обращаться в Интерпол). Но я сейчас рассылаю целый букет имейлов, и этот способ общения кажется мне самым простым.

Прежде всего, я скучаю по тебе. Честно-честно. Первое, что я заметила, проснувшись поутру, так это пустую половину двуспальной кровати. Ее, правда, для меня заполнили несуразной горой из подушек, но это ведь не одно и то же. Я пробыла здесь всего пару дней, но кажется, что уже прошла целая вечность. Будучи в Лондоне, я проезжала мимо здания «Клоуверлиф букс» (оно до сих пор стоит в лесах), и у меня возникло странное чувство, что на самом деле мне здесь не место. И я не уверена до конца, где оно теперь, мое место в этом мире.

Про Сесили Трехерн сказать особо нечего. Сегодня поутру я встретила с ее мужем, Эйденем Макнейлом, и прониклась к нему большей симпатией, чем ожидала. Я буду очень удивлена, если вдруг выяснится, что он хоть как-то причастен к исчезновению жены. Он не просто расстроен, но страшно переживает, я бы даже сказала, что вид у бедняги изможденный. У него есть семилетняя дочка, за которой присматривает няня, вида настолько зловещего, что ей впору в триллерах сниматься. И еще пес – по сути, свидетель, потому как он был там, в своей корзине, в ту самую ночь, когда убили Фрэнка Пэрриса. Если бы только собака могла говорить!

Насколько я могу судить, полиция если официально и не прекратила искать Сесили, то особо не усердствует. Дело ведет старший суперинтендант Локк. Этот же самый сыщик расследовал убийство Алана и проявил себя тогда

не слишком способным. Мы с ним пока не разговаривали, но это, наверное, и к лучшему, потому как – ты наверняка помнишь – в прошлый раз мы не поладили.

Что до произошедшего много лет назад убийства, то оно выглядит не менее запутанным, чем в романе Алана Конвея, но без привычных улик и подсказок от автора, которые помогли бы мне раскрыть преступление. А если верно то, что Штефан Кодреску его не совершал, то мы снова упираемся в пропавшую последнюю главу! Я выяснила, в какой тюрьме содержится Штефан, и написала ему, однако не уверена, что он согласится со мной встретиться.

Но я хочу написать тебе не про убийство, а совсем про другое.

Все это произошло так стремительно – я имею в виду свое решение отправиться в Англию, – и я знаю, что пробуду тут всего около недели, но это побудило меня призадуматься: о нас, об отеле и о Крите. Я люблю тебя, Андреас, и хочу быть с тобой, но у меня начинает вызывать беспокойство то, в каком направлении развиваются отношения между нами.

У нас никогда нет времени поговорить о чем-либо, кроме дел, и иногда я пытаюсь понять: это мы управляем отелем или он управляет нами? Я изо всех сил старалась честно выполнять свои обязательства, но мы двое работаем так много, что просто не находим времени друг для друга. И буду откровенной. Я всю свою жизнь проработала в издательстве. Меня неизменно приводило в восторг все, имеющее отношение к книгам: рукописи, редактура, презентации, вечеринки. Мне этого не хватает. Я просто чувствую себя неполноценной. Боже, это звучит ужасно. Получается, все дело во мне? Но нет, это не так. По правде говоря, в нас обоих.

Мне просто кажется, что нам следует сесть и подробно все обговорить: что мы делаем, зачем мы это делаем и к чему в итоге хотим прийти, работая вместе. Я даже задаю себе вопрос: счастлив ли ты в «Полидорусе», особенно когда все идет вкривь и вкось? Если мы совершили ошибку, нам нужно набраться смелости и признать это. Последнее, чего мы хотим, это закончить взаимными обвинениями, но иногда у меня возникает впечатление, что дело приобретает именно такой оборот.

Ну ладно, на этом я умолкаю. Я еду ужинать с Кэти. Пожалуйста, не возражай мне, а сперва хорошенько подумай и постарайся меня понять. Как бы я хотела, чтобы «Английских сорочьих убийств» никогда не существовало. Проклятый Алан Конвей. Это все его вина.

С безграничной любовью,

Сьюзен

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 15:35

Кому: Майклу Били <mbealey@orionbooks.com>

Тема: Лондон/помощь

Добрый день, Майкл!

Понимаю, что прошло немало времени, но я снова приехала в Лондон на несколько дней и просто хотела бы узнать, нет ли каких-нибудь вакансий в «ОБ» или в «Ашетт»? Помните, Вы делали мне предложение пару лет назад? Мы тогда славно пообедили в «Уэлсли», и я почти поддавалась на Ваши уговоры... Это было до того, как все пошло кувырком!

Или, может, Вам приходилось слышать, что кто-то ищет сотрудников? Главного редактора? Выпускающего редактора? Мне подойдет что угодно.

Надеюсь, у Вас все хорошо. Рада, что ваше издательство делает деньги на Аттикусе Пюнде, причем с оригинальными обложками!

Жму руку,

Сьюзен

«Три трубы»

Когда я подкатила на «Эм-Джи» к дому Кэти, сестра выскочила мне навстречу, и оставалось предположить, что она сидела и ждала, когда раздастся звук мотора. С нашей последней встречи прошло два года, но Кэти ничуть не изменилась. Она обрадовалась мне и казалась совершенно спокойной. Я вышла из машины, и мы обнялись.

– Прекрасно выглядишь! Дивный загар. Бог мой, да ты больше на гречанку похожа, чем на уроженку Англии!

Я привезла ей оливковое масло, мед и пряности из горной деревушки Критса. Забрав подарки, Кэти проводила меня в дом, и я вынуждена была признать, что впервые за все время приезда в Англию чувствую себя желанным гостем.

Сестра, само собой, приготовила идеальное угощение, идеально сервированное на идеальной кухне. Как ей это удалось? Я отправила ей электронное письмо в половине третьего, она в этот день работала в местном садовом центре, но при этом ухитрилась приготовить марокканский тажин из курицы с нутом, миндалем и кускусом, который подала на стол с охлажденным розовым вином. Это я к тому, что зайти вы ко мне в квартиру в Крауч-Энде, не обнаружили бы там даже половины необходимых ингредиентов. Измельченный тмин? Листья кориандра? Большинство баночек для специй в моем буфете имели вид замасленный и пыльный, потому как никогда не открывались, а чтобы найти в холодильнике овощи – не увядшие, без бочков или не сморщенные, – стоило очень хорошо постараться. Если хотите поужинать со мной, готовьтесь есть разогретую в микроволновке пиццу. Но хотя я и предлагала Кэти пойти в паб или в ресторан в Вудбридже, сестра даже и слышать об этом не желала.

– Нет. В ресторане толком не поговоришь, да и Джек попозже домой вернется и захочет встретиться с тетушкой.

Ее сын Джек, двадцати одного года, учился теперь на первом курсе Бристольского университета. Девятнадцатилетняя Дейзи устроила себе годичные каникулы, помогая беженцам в Северной Франции.

Забавно, насколько близки мы всегда были с сестрой, оставаясь при этом совершенно разными. Это проявилось еще в нашу бытность детьми. Мы росли вместе, в самом обычном доме в Северном Лондоне. Ходили в одну школу. Менялись одеждой и подначивали друг друга насчет бойфрендов. Но если Кэти была совершенно счастлива и мечтала о том дне, когда у нее будет собственный дом и та жизнь, которой желали нам родители, то я частенько сбегала в местную библиотеку и грезилась о совершенно иных вещах. Я вливалась в шайку в таверне «Ямайка», грабя потерпевших крушение моряков, неосторожно приблизившихся к берегу. Я влюблялась в Эдварда Рочестера, но в моей версии романа спасала его из огня. Я отправлялась в затерянный город Кор и обретала бессмертие в огненном столбе. Мы были полной противоположностью Сесили и Лизе Трехерн, этим враждующим сестрам, находившимся в буквальном смысле на ножах. У нас с Кэти не было ничего общего, кроме любви и привязанности друг к другу, которые мы пронесли через всю жизнь.

Бывали времена, когда я хотела бы сильнее походить на сестру. Жизнь Кэти являла собой образец уюта и упорядоченности: двое детей, теперь уже взрослых; муж-бухгалтер, трижды в неделю ночующий в Лондоне, но по-прежнему обожающий жену после брака длиной в четверть века; работа с частичной занятостью; круг близких друзей; общественная деятельность... Ну и все такое прочее. Мне Кэти часто представлялась более умной и зрелой версией меня самой.

И тем не менее я бы не смогла жить в таком вот доме. Я бы вообще не купила дом, имеющий название. Для таких, как я, вполне достаточно номера.

«Три трубы» располагались в тихом переулке в виде полумесяца на окраине Вудбриджа. И да, у дома действительно имелись три трубы, хотя они и являлись чисто декоративными, потому как в каминах были установлены светильники с имитацией огня. Глядя на все эти отполированные поверхности, сдвигающиеся стеклянные двери, пушистые ковры и со вкусом подобранные предметы искусства, я понимала, что, живя здесь, чувствовала бы себя запертой в клетку. Но Кэти, похоже, так не считала. Она была матерью, женой, домохозяйкой. Ей нравилось существовать в определенных рамках.

Однако не стану утверждать, что мой собственный, беспорядочный стиль жизни мог послужить для кого-то предметом зависти. Моя ранняя любовь к книгам не привела меня в те места, которые я себе воображала. Она привела меня... к книгам. Я начала с должности младшего редактора в «Харпер-Коллинз», затем стала выпускающим редактором, потом – старшим редактором и, наконец, главой отдела художественной литературы в компании, которая в буквальном смысле слова сгорела ясным пламенем. Издательская индустрия густо населена идеалистами, людьми, бескорыстно любящими свою работу. Вот почему столь многим из нас так плохо платят. Мне посчастливилось приобрести двухкомнатную квартиру в Крауч-Энде еще до того, как цены на недвижимость сошли с ума, однако с ипотекой удалось полностью развязаться только перед самым отъездом на Крит. У меня было много романов с мужчинами, но ни одна связь не была длительной, потому что я сама этого не хотела. Пока не появился Андреас и не изменил все.

Вот такими мы были. Две сестры, глядящие друг на друга через провал, становящийся с годами все шире, разделенные пропастью, но одновременно близкие. Порой мы осуждали друг друга, но, возможно, это лишь помогало нам лучше понять самих себя.

– Думаешь, разумно было позволить втянуть себя в очередное расследование убийства? – спросила Кэти.

– В этот раз я буду более осторожной.

– Надеюсь.

– Да и вообще, мне начинает казаться, что вся эта затея обернется пустой тратой времени.

– Почему? – удивилась она.

– Да потому, что чем больше я задаю вопросов, тем более очевидным становится, что Фрэнк Пэрриса убил именно Штефан Кодреску. Все улики указывают на него, и, судя по всему, кроме Штефана, мотив имелся только у двух человек, причем, откровенно говоря, я даже не вполне понимаю, что это был за мотив.

– А кто эти люди?

– Ну... Семейная пара, живущая в Уэстлтоне, Мартин Уильямс и его жена Джоанна, сестра покойного Фрэнка.

Вид у Кэти стал изумленный.

– Неужели Джоанна и Мартин Уильямс? Ну и ну!

– Ты их знаешь?

– Встречалась однажды. Не могу сказать, что они мне понравились.

Это было необычно. Как правило, Кэти хорошего мнения обо всех вокруг.

– А что именно тебя насторожило? – осведомилась я.

– Да так, ничего определенного. Просто не понимаю я таких людей. – Видя, что мне нужно больше подробностей, сестра неохотно продолжила: – Эта Джоанна – настоящий деспот. За столом она главная, никому и слова не дает вставить. А Мартин – законченный подкаблучник. Жена вертит им как хочет. И ей это, похоже, доставляет удовольствие.

Меня это озадачило.

– Когда ты с ними встречалась? – спросила я.

– Ну... Сто лет назад. Наверное, еще даже до убийства. Они оба присутствовали на каком-то обеде, и я запомнила их только потому, что у меня просто в уме не укладывалось, как двое таких разных людей способны много лет уживаться в браке!

– Значит, говоришь, жена всем управляет, а муж подкаблучник? Ты уверена?

– Абсолютно.

– Это странно. Я видела их сегодня утром, и мне показалось, что у них в семье все обстоит как раз наоборот. – Не желая особо заморачиваться, я выкинула чету Уильямс из головы. – Да, по всему получается, что убийца Штефан. Я имею в виду... кровь на подушке, кровь в душе, деньги под матрасом. Его даже видели входящим в номер!

– В таком случае что же произошло с Сесили Трехерн?

– Возможно, это просто совпадение. Она могла упасть в реку. Допустим, решила искупаться и утонула. Если верить ее сестре Лизе, брак Сесили был вовсе не таким уж благополучным, как казалось со стороны, и она могла сбежать с другим мужчиной. – Однако, даже произнося эти слова, я понимала, что такое невозможно. Маленькую дочь Сесили никогда бы не бросила.

– Тебе заплатят, если ты не добьешься результата?

Вот об этом я как-то не подумала. Я потянулась за сигаретой.

– Не возражаешь, если я выйду на улицу? Мне нужно покурить.

Кэти поглядела на меня искоса:

– Ты сказала, что подумываешь бросить курение.

– Да, я и впрямь думала на этот счет.

– И что?

– Решила пока не бросать.

Сестра передала мне пепельницу. Знала, что она мне понадобится. Потом Кэти поставила на поднос кофейник, молочник, две чашки и, что необычно для нее, два стакана с виски.

– Выпьешь со мной? – спросила она.

– Только чуть-чуть. Я за рулем.

Мы вышли на улицу и уселись за деревянным столиком рядом с рыбным прудом. Вечер выдался теплый, на небе загорелись половинчатая луна и несколько звезд. Сад, разумеется, выглядел красивым; рассаду Кэти приобретала за полцены у себя на работе. Недавно она купила статуэтку прыгающей лягушки, изо рта у которой лилась вода, и шум этот только подчеркивал глубокую тишину вокруг. И вдруг я заметила, что один куст погиб. Он рос на самом виду, на круглой клумбе посреди лужайки. Определить, как он называется, я не берусь – шарообразный такой и коротко остриженный, – но этот куст был совершенно бурый. По какой-то причине это меня встревожило. По моим представлениям, Кэти должна была избавиться от него в тот самый момент, как только начали опадать листья.

Я зажгла сигарету и стала умиротворенно курить, слушая шум падающей воды.

– Ты вернешься на Крит? – поинтересовалась Кэти.

У нас с сестрой не было друг от друга секретов. За ужином мы поговорили об отеле, о личных проблемах и о моих сомнениях.

– Не знаю, – сказала я. – Не представляю даже, на каком этапе наши отношения с Андреасом. Перед отъездом из Англии он сделал мне предложение.

– Да, ты мне рассказывала. Ты отказала ему.

– Ничего подобного. Я сказала «да». Но потом мы передумали. Решили, что брак нам не подходит. Я заставила его сдать кольцо обратно. В любом случае оно стоило дороже, чем он мог себе позволить, а у нас каждое пенни было на счету. – Я внимательно посмотрела на сестру поверх кончика сигареты. – Иногда мне хочется, чтобы я больше походила на тебя.

– Ты сама знаешь, что это неправда. – Кэти отвела взгляд.

– Нет, честно. Бывают времена, когда я чувствую себя совершенно опустошенной. Не знаю, хочу ли я и дальше жить с Андреасом. И вообще толком не знаю, чего именно хочу.

– Послушай меня, Сьюзен. Забудь про это дурацкое расследование убийства. – Она снова повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза. – Езжай назад в Грецию. В Англии для тебя нет больше места. Возвращайся к Андреасу.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что Андреас хороший человек, и зря ты хочешь с ним расстаться. Если начистоту, я была рада, когда вы встретились. Это ведь я познакомила вас!

– Неправда. Это была Мелисса...

– Ну, положим, ты бы никогда не встретила с Андреасом, не отправь я Джека и Дейзи в Вудбриджскую школу. Поверь мне: ты вытасила счастливый билет. Но в этом вся ты: всегда смотришь вперед, строишь планы на будущее. Тебе вечно недосуг просто присесть и наслаждаться тем, что имеешь.

Я была сбита с толку. Мне казалось, что сестра хочет донести до меня что-то совсем иное, но не может облечь это в слова.

– Кэти, у тебя все хорошо? – спросила я.

Она вздохнула. И в свою очередь задала вопрос:

– Ты когда-нибудь думаешь о своем возрасте?

– Стараюсь не думать. Не забывай, что я на два года старше тебя.

– Знаю. Но иной раз нахлынет, и... – Кэти попыталась пояснить свою идею. – Ненавижу мысль о старости. Я чувствую, как старею, когда смотрю на этот дом, этот сад и себя саму... Неужели так и есть?

– Но ты же всегда этого хотела, ведь правда?

– Да. Наверное. Мне повезло.

Повисла пауза. По какой-то причине я чувствовала себя не слишком уютно.

– Это ты сообщила Саджиду Хану, где меня найти? – Не берись судить, почему вывалила этот вопрос именно сейчас, но он вертелся у меня в уме с того самого момента, как Лоуренс и Полин объявились у нас в гостинице. Как Трехерны меня нашли? Они сказали, что адрес им дал Хан, но у него-то его точно не было. Кроме Кэти, вообще никто не знал, где меня искать.

– Саджид Хан? Поверенный? – воскликнула она растерянно. – Он помогал нам с тем несправедливым увольнением в садовом центре, и я время от времени вижусь с ним. Но насколько помню, я ничего ему не сообщала. Так это Хан втянул тебя в эту историю?

– Судя по всему.

– Ну, надеюсь, ты не винишь меня. Возможно, Гордон кому-нибудь сболтнул. Он ведь секреты хранить не умеет.

Нашу беседу прервал звук подъезжающего мотоцикла.

– Это Джек, – сказала Кэти. В голосе ее чувствовалось облегчение.

Несколько секунд спустя в садовой калитке появился Джек, в кожаной куртке и со шлемом в руках. Два года минуло с последней нашей встречи, и его наружность несколько обескуражила меня. Волосы у племянника были длинные и довольно-таки неухоженные. Он не брился, и щетина ему не шла. Джек расцеловал меня в обе щеки. Меня обдало запахом табака и алкоголя. Не мне было осуждать парня, но все-таки я была поражена. В подростковом возрасте он не курил. Хорошенько рассмотрев Джека, я заметила его потухшие глаза. Он выглядел напряженным и встревоженным, как если бы не ожидал застать меня здесь.

– Привет, Сьюзен.

– Привет, Джек. Как дела?

– В порядке. Как тебе живется на Крите?

– Замечательно.

– Мам, в холодильнике есть что-нибудь?

– Курица должна быть. И доешь макароны, если не против.

– Спасибо. – Он улыбнулся мне. – Рад видеть тебя, Сьюзен.

Потом он ушел, шаркающей походкой направившись в сторону кухни. Я смотрела ему вслед, вспоминая десятилетнего мальчишку, открывающего для себя «Властелина Колец»; двенадцатилетнего сорванца, орущего и хохочущего на заднем сиденье моего нового «Эм-Джи»; пятнадцатилетнего подростка, напряженно готовящегося к экзаменам на аттестат. Неужели сегодняшнее состояние моего племянника является естественной стадией процесса взросления? Или я что-то упускаю?

Кэти уловила, видимо, ход моих мыслей. И пояснила:

– Для Джека это оказалось немного тяжеловато – первый год в универе. Когда мальчик возвращается домой, все, что ему нужно, это еда и постель. Но через пару недель он будет в порядке. Требуется только немного родительской заботы.

– Я удивлена, что ты согласилась купить ему мотоцикл. – Это было не мое дело, но я знала, как ненавистна Кэти сама подобная идея. Она всегда беспокоилась, почти маниакально, что кто-то из детей может получить травму.

Сестра беспомощно махнула рукой:

– Джеку уже двадцать один. Он накопил денег. Как я могла его остановить? – Она допила виски, дав тем самым понять, что вечер окончен. – Прости, Сьюзен. Я должна вернуться в дом и позаботиться о сыне.

– Все нормально. Я завтра еду в Лондон, надо рано вставать. Спасибо за ужин.

– Было здорово увидеться с тобой. Но прошу, подумай над моими словами. Честно говоря, я сомневаюсь, что ты сможешь отыскать Сесили Трехерн. Быть может, ее вообще никогда не найдут. А Фрэнка Пэрриса убили очень давно. Лучше тебе забыть про все это.

Мы расцеловались и пошли каждая по своим делам.

И только отъезжая от дома сестры, я вдруг поняла, что весь вечер пошел наперекосяк, почти с самого начала. Кэти слишком усердно старалась. Ощущение было такое, что куриный тажин, розовое вино, бумажные салфетки и все прочее присутствовали специально, чтобы отвлечь меня. Была в них какая-то фальшь... как в трех трубах на крыше.

Еще мне вспомнился мертвый куст – раkitника, шиповника или чего-то еще, – оставленный без присмотра прямо посреди лужайки. Потом в памяти всплыло электронное письмо, содержавшее по меньшей мере три опечатки. «Годрона, боюсь, не будет дома». Да, любой может сделать ошибку. Возможно, сестра спешила. Но это было совсем не похоже на Кэти, всегда такую аккуратную.

Может быть, я просто слишком увлеклась игрой в сыщика, когда постоянно приходится иметь дело с людьми, которые выглядят такими милыми и любезными, но на самом деле могут обернуться хладнокровными убийцами? Допустим, что так. Однако на сердце у меня было беспокойно, и поделаться с этим я ничего не могла. Я не сомневалась: Кэти что-то скрывала.

Она утаивала от меня правду.

Стаканчик перед сном

В отель я вернулась поздно и собиралась сразу лечь, но, проходя через вестибюль, заметила Эйдена Макнейла. Он сидел в баре один, и такой возможностью грех было не воспользоваться. Я подошла к нему.

– Не возражаете, если я присоединюсь?

Я уселась раньше, чем он успел ответить, но заметила, что ему приятно видеть меня.

– Буду рад компании, – сказал Эйден.

Бар производил ощущение клуба для джентльменов, но был слишком пуст: мы оказались единственными гостями среди кожаных кресел, свободно расставленных столиков, ковров и деревянных панелей. Громко тикавшие в углу дедовские часы напоминали, что сейчас двадцать минут одиннадцатого. Эйден был в кашемировом свитере и в джинсах, на ногах мокасины без носков. В руке он держал стаканчик с какой-то бесцветной жидкостью, явно не водой. Еще я заметила книгу в мягкой обложке, лежавшую заглавием вниз. Это был тот самый экземпляр романа «Аттикус Пюнд берется за дело», который он уже показывал мне ранее.

– Что пьете?

– Водку.

За стойкой бара командовал Ларс. Возникло ощущение, что они с Ингой в отеле повсюду, словно дети из «Кукушек Мидвича».

– Мне двойной виски и еще водку для мистера Макнейла, – заказала я. Потом бросила взгляд на книгу. – Читаете?

– Перечитываю. Раз в десятый уже, наверное. Все надеюсь, что если Сесили обнаружила в романе какую-то зацепку, то, может, и я тоже найду.

– Ну и?

– Пусто. Я, вообще-то, не поклонник детективов и по-прежнему считаю Алана Конвея ублюдком, но признаю, что рассказчик он хоть куда. Мне нравятся истории про маленькие общины, где каждый скрывает тайну. Ничего не скажешь, история запутанная и держит в напряжении до конца: развязка вообще как удар под дых... по крайней мере, при первом прочтении. Чего я не могу понять, так это откуда в авторе столько яда.

– Что вы имеете в виду?

– А вы послушайте.

Одна из страничек книги была загнута. Эйден открыл ее и начал читать:

– «При всех своих изъянах, говорить Элджернон умел: язык у него, что называется, был подвешен хорошо. Образование он получил в небольшой частной школе в Западном Кенсингтоне и при желании мог быть очаровательным и остроумным. С коротко подстриженными волосами и внешностью звезды театра, он был естественно привлекателен, особенно для дам в возрасте, принимавших Элджернона по номиналу и не спешивших наводить справки о его прошлом. Он до сих пор помнил, как купил свой первый костюм на Сэвил-роу. Костюм стоил дороже, чем он мог себе позволить, но, подобно машине, создавал статус. Когда Элджернон входил в комнату, его замечали. Когда он открывал рот, его слушали».

Эйден положил книгу.

– Это я, – сказал он. – Элджернон Марш.

– Вы так думаете?

– Этот тип работал агентом по недвижимости, как и я. Похож на меня внешне. Даже инициалы мои. Хотя ума не приложу, с какой стати Конвей выбрал такое дурацкое имя.

Тут Эйден попал в точку. В процессе редактур я убеждала Алана заменить имя Элджернон, которое казалось мне словно бы взятым из пьесы Ноэла Кауарда. «Даже у Агаты Кристи

не было ни одного персонажа, которого бы так звали», – говорила я. Но он, понятное дело, не слушал.

– У Алана было своеобразное чувство юмора, – сказала я. – Если это вас утешит, то я тоже выведена в одной из его книг.

– Правда?

– Да. Сара Меринос в романе «Аперитив с цианидом». Райленд, насколько мне известно, это ведь тоже порода овец, как и меринос. Сара – настоящая гадина, и ближе к концу ее убивают.

Принесли напитки. Эйден прикончил свой виски и взял новый стакан.

– Вы много общались с Аланом, когда он был здесь? – спросила я.

– Нет. – Мой собеседник покачал головой. – Я встречался с ним дважды: сначала – когда он выбирал номер, а потом мы с ним еще минут пять поговорили. Мне он не сильно понравился. Алан сказал, что был другом Фрэнка Пэрриса и просто хочет понять, что случилось, но стал задавать все эти вопросы, и я с самого начала почувствовал, что у него на уме совсем другое. Он проводил много времени с Лоуренсом и Полин. И с Сесили. Они имели глупость довериться ему, а Конвей потом взял и написал про нас книжку. – Эйден помедлил. – А насколько хорошо вы его знали?

– Я была его редактором. Но близко мы не общались.

– Все писатели такие? Присваивают то, что видят вокруг?

– Писатели разные, – ответила я. – Но они ничего не присваивают, если быть точным. Они впитывают. Это на самом деле очень странная профессия: жить в своего рода сумеречной зоне между реальным миром и тем, который возникает в твоём воображении. С одной стороны, писатели – чудовищные эгоисты. Самоуверенность, самокопание, даже самоненавистничество... Но обратите внимание: везде первая часть слова «само». Все эти долгие часы наедине с собой! Но в то же время они искренние альтруисты. Все, чего им хочется, это угодить другим людям. Нередко мне кажется, что литераторами становятся неполноценные личности. Им не хватает чего-то в жизни, и они заполняют этот изъян словами. Бог свидетель, мне это не дано, при всей моей любви к чтению. Вот почему я стала редактором. Я получаю вознаграждение и испытываю восторг от создания новой книги, но при этом моя работа значительно веселее.

Я отпила глоток виски. Ларс подал мне односолодовый с острова Джура. В нем ощущался привкус торфа.

– Замечу, что Алан Конвей не походил на писателей, которых я знала прежде, – продолжила я. – Он не любил писать. По крайней мере, не любил те книги, которые принесли ему успех. Алан считал, что детективная литература ниже его достоинства. Вот одна из причин, по какой он поместил вас и этот отель в свой роман. Думаю, ему нравилось играть с вами, превращая в Элджернона, потому как все это занятие представлялось Конвею не более чем игрой.

– А другие причины?

– Я вам скажу, хотя никому больше не говорила. У Алана почти истощились идеи. Вот так все просто. Он в буквальном смысле украл сюжет для четвертой своей книги, «Гость приходит ночью», у одного из своих слушателей на курсах писательского мастерства. Я встречалась с тем человеком и прочла рукопись. Мне кажется, Алан приехал в «Бранлоу-Холл» отчасти из любопытства – он знал Фрэнка Пэрриса, – но в основном потому, что искал вдохновение для следующего романа.

– Но ему каким-то образом удалось выяснить, кто настоящий убийца. По крайней мере, так решила Сесили. Не в этом ли все дело?

Я пожала плечами:

– Не знаю, Эйден. Алан мог раскопать что-то. Но в равной степени возможно, что он обозначил ключ, сам не понимая, что делает. Когда Сесили читала книгу, какое-то слово или описание могло пробудить воспоминание или послужить толчком к осознанию некоего факта,

известного только ей. Ведь если Алан выяснил, что Фрэнка Пэрриса убил не Штефан Кодреску, то почему умолчал об этом? Это вовсе не повредило бы продажам. Даже, напротив, подстегнуло бы их. Можно ли найти вескую причину, по которой он держал рот на замке?

– Но что в таком случае вычитала в романе Сесили? И почему она пропала?

На эти вопросы у меня не было ответа.

Ларс за стойкой протирал бокал. Он поставил его и обратился к нам:

– Через пять минут бар закрывается, мистер Макнейл. Не желаете заказать что-нибудь напоследок?

– Нет, Ларс, спасибо. Думаю, нам уже хватит. Можете закрываться прямо сейчас.

– Я не спросила у вас про Сесили, – сказала я. Этого разговора я опасалась больше всего, но мы вроде как нашли общий язык, да и момент был подходящим. – О том, что произошло в тот последний день.

– Среда... – Это единственное слово Эйден произнес низким голосом, глядя в стакан, и я отчетливо ощутила, как переменялась атмосфера между нами, стоило мне вступить на запретную территорию.

– Вы не против поговорить об этом?

Он замялся:

– Я уже прогонял это все раз за разом, с полицейскими. Не вижу, как это может помочь. Это не имеет к вам никакого отношения.

– Верно. И я понимаю, что это не мое дело. Но я тоже переживаю за Сесили, и если вдруг в ходе беседы всплывет какое-то воспоминание, мельчайшая деталь, кажущаяся вам незначительной, то кто знает...

– Ну ладно. – Эйден повернулся к бармену. – Ларс, сделай мне еще одну порцию, пока не закрылся. – Он посмотрел на меня. – Вам тоже?

– Нет. Мне достаточно, спасибо.

Он собрался с духом:

– Даже не знаю, что вам рассказать, Сьюзен. Это был самый заурядный день. Как говорится, ничто не предвещало: просто еще одна среда, и я понятия не имел, что вся моя жизнь, черт побери, пойдет под откос. После обеда Элоиза повезла Рокси к педиатру. Ничего серьезного, просто животик разболелся.

– Расскажите про Элоизу.

– Что вы хотите знать?

– Как долго она работает у вас?

– С самого начала. Приехала сразу после рождения Рокси.

– Красивое имя – Роксана.

– Да. Это Сесили выбрала.

– Получается, Элоиза перебралась в Суффолк спустя год после убийства Фрэнка Пэрриса?

– Точно. Роксана родилась в январе две тысячи девятого. Элоиза приехала спустя пару месяцев после этого.

– Она находилась в Англии, когда произошло убийство?

– Вы же не думаете, что она как-то причастна к нему? Простите, но это полная чушь. Наша няня знать не знала Фрэнка Пэрриса. Элоиза Радмани родом из Марселя. И кстати, то, как она попала сюда, на самом деле очень печальная история. Элоиза была замужем. С мужем познакомилась в Лондоне – они оба были студентами. Но он умер.

– От чего?

– СПИД. Парень страдал от язвы желудка и нуждался в переливании крови. Ему очень не повезло: заразили во время процедуры. Бедняга умер во Франции, но Элоиза после этого решила вернуться в Англию и предложила свои услуги кадровому агентству.

– Какому именно?

– «Найтсбриджские нянюшки». Так сразу и не выговоришь, да?

Он улыбнулся, но я не улыбнулась в ответ. Мне до сих пор не удавалось забыть, как посмотрела на меня Элоиза, когда я выходила из дома, – с нескрываемой ненавистью.

– Значит, в тот день, когда Сесили исчезла, няня возила Роксану к доктору?

– Да. После обеда. Утром собаку выгуливал я... мы просто прошлись по усадьбе. Потом была очередь Сесили. В течение дня мы не раз ходим из отеля домой и обратно. Они расположены совсем близко.

– Сесили говорила с вами о книге?

– Нет.

– Вы знали, что она послала экземпляр своим родителям на юг Франции?

Эйден покачал головой:

– Полицейские тоже спрашивали меня об этом. Полин сообщила им о телефонном звонке. Естественно, возникает вопрос: можно ли считать простым совпадением то, что во вторник она позвонила родителям, чтобы рассказать про этот дурацкий роман, а уже на следующий день... – Он осекся и отхлебнул водки, лед застучал о края стакана.

– Так или иначе, старший суперинтендант Локк не видит никакой связи, – продолжил Эйден. – По его версии, если на Сесили напали, то это произошло без предварительного умысла.

– А как думаете вы?

– Не знаю. Но на ваш вопрос отвечаю: нет, Сесили не говорила мне, что отослала роман родителям. Может, решила, что я подниму ее на смех. Или сочла, что у меня хватает забот, помимо Штефана Кодреску, или что мне это просто будет неинтересно. – Он протянул руку и захлопнул книгу. – Мне горько, что жена не доверилась мне. Это заставляет меня чувствовать себя виноватым.

– Когда вы в последний раз видели Сесили? – спросила я.

– Я не знаю, чего ради вы задаете мне эти вопросы! Не понимаю, что вы хотите знать! – взорвался Эйден, но потом овладел собой. – Извините. Просто все это очень тяжело.

Мой собеседник прикончил напиток, как раз когда Ларс принес последний заказ. Поблагодарив его, Эйден взял стакан и перелил из него водку в свой, только что опустошенный.

– В последний раз я видел жену примерно около трех дня, – сказал он. – Сесили взяла «фольксваген». Сам я полчаса спустя уехал на «рейнджровере». Мне было нужно во Фрамлингем. Я отправился туда, чтобы встретиться с нашим поверенным, его зовут Саджид Хан.

Забавно, с каким постоянством всплывает в ходе расследования это имя. Саджид Хан был поверенным Алана Конвея. Он сообщил Трехернам, где меня найти. Его визитка обнаружилась в доме Мартина и Джоанны Уильямс. Его услугами пользовалась моя сестра Кэти. И вот теперь выясняется, что и Эйден, по его словам, в день исчезновения Сесили ездил на встречу с этим юристом.

– Требовалось подписать кое-какие бумаги, – продолжил Макнейл. – Ничего особенно важного. И еще мне дали несколько поручений. Сесили попросила меня завезти кое-какую одежду в благотворительный магазин. Она активно поддерживает ВАДХ.

– ВАДХ? А что это такое?

– Восточноанглийские детские хосписы. В Вудбридже отделения у них нет. Еще мне предстояло забрать кресло, которое мы отдавали в мастерскую, чтобы сменить обивку. Ну и в супермаркет заехать. Домой я вернулся в начале шестого. Возможно, в половине. И удивился, что Сесили до сих пор нет. Инга делала чай для Рокси. Она приходит и помогает иногда.

– А где была Элоиза?

– У нее был свободный вечер. – Эйден допил то, что еще оставалось в стакане. Я сделала то же самое. – Когда Сесили и к семи не вернулась, я заглянул в отель. Подчас она зарабатыва-

ется в офисе и теряет представление о времени. Но там жены не оказалось. Никто ее не видел. Тогда я все равно еще не очень встревожился. Это Суффолк, как-никак. У нас здесь ничего такого не случается.

Вообще-то, в Суффолке были убиты Фрэнк Пэррис и Алан Конвей, но я предпочла не упоминать об этом.

– Я обзвонил нескольких ее подруг. Попытался набрать Лизу, но та не ответила. Мне пришла в голову мысль, что что-то могло стрястись с Медведем. Наш пес уже не молод, и иногда у него возникают проблемы с лапами. Но время шло, а новостей от Сесили не было, и в восемь вечера я решил, что пора обратиться в полицию.

Эйден замолчал. Повисла долгая пауза. Я прикидывала в уме время. Он уехал из отеля приблизительно в половине четвертого. Вернулся вскоре после пяти, быть может, даже в половине шестого. От Фрамлингема до Вудбриджа двадцать минут езды. Времени для визита к поверенному и выполнения пары поручений ему как раз хватало.

– В котором часу вы встретились с Саджидом Ханом? – спросила я.

Эйден бросил на меня странный взгляд, и я поняла, что переборщила с вопросами.

– А вам-то какая разница?

– Просто пытаюсь по...

Он не дал мне закончить:

– Вы считаете, что я убил жену, так ведь?

– Нет, ну что вы, – возразила я, но как-то не слишком убедительно.

– Разумеется, считаете. Когда я уехал из дома? Когда видел Сесили в последний раз? Думаете, полиция не задает мне раз за разом все эти вопросы? Все уверены, что я убил ее – единственную женщину, сделавшую меня по-настоящему счастливым. И теперь все станут так думать до конца моей жизни. Моя дочь будет взрослеть, пытаюсь понять, убил ли папочка мамочку, и мне никогда не удастся объяснить...

Эйден нетвердо поднялся на ноги, и я с удивлением заметила ручейки слез, сбегающие у него по щекам.

– Вы не имеете права, – хрипло продолжил он. – Никакого права. Ладно полицейские, это их работа. Но вы-то кто? С вас, если на то пошло, вообще все беды и начались. Это вы опубликовали книгу, превратив произошедшую тут трагедию в своего рода развлечение. А теперь заявились сюда, изображая Шерлока Холмса или долбаного Аттикуса Пюнда и выведывая то, что вас никак не касается. Если можете найти что-то в этой книжке – вперед. За это вам и деньги платят. А меня с этих пор оставьте в покое!

Эйден ушел. Я смотрела, как он покидает комнату. У меня за спиной Ларс загремел металлическими жалюзи, стукнувшими о барную стойку. Я вдруг осталась в полном одиночестве.

Фрамлингем

Я сочувствовала Эйдену и ругала себя за то, что зашла слишком далеко. Однако это не помешало мне на следующий день проверить рассказанную им историю.

Странно было снова оказаться во Фрамлингеме, ярмарочном городке, который Алан Конвей выбрал своим домом и где мне пришлось провести немало времени непосредственно после смерти писателя. Я припарковала машину на главной площади, напротив «Короны» – гостиницы, где я раньше жила и где состоялся памятный пьяный ужин с Джеймсом Тейлором, сожителем Алана. Это напомнило мне о том, что от Джеймса до сих пор нет ответа. Оставалось только гадать, получил ли он мое письмо. Хотелось размять ноги, поэтому я пошла прогуляться по Хай-стрит, мимо кладбища, где упокоился Алан. Я подумывала заглянуть на могилу – я видела ее, расположенную под двумя вязами, – но потом отказалась от этой мысли. Отношения между нами всегда были сложными, натянутыми, и моя попытка мирно побеседовать с Конвеем у надгробия вполне может перерасти в ссору.

Фрамлингем казался еще более спокойным, чем обычно. Вопреки чудесному замку и живописным окрестностям, городок страдал в середине недели от туристического затишья. Трудно сказать, работали ли магазины, да если честно, мне до этого не было никакого дела. Каждый выходной тут открывается фермерский рынок, а в остальные дни центральная площадь служит просто стоянкой для машин. Супермаркет, который навещал Алан, находится прямо в центре, но прячется от глаз, словно бы сознавая свое уродство и понимая, что ему здесь не место.

Благотворительный магазин ВАДХ находился в нижней части городка, от агентства недвижимости надо было пройти прямо вдоль по улице. Магазины были совсем небольшой и располагались в бывшем жилом доме, одном из четырех одинаковых коттеджей, образующих небольшую линию, но кто-то встроил в его фасад четыре больших современных окна, полностью разведя здание с соседями. Со стыдом признаюсь, на меня благотворительные магазины навевают тоску. Их повсюду такое множество, и в конце дня они напоминают о прогоревшем бизнесе и общем упадке экономики. Но здесь меня встретили жизнерадостная девушка-волонтер по имени Стевия, куча книг и три стойки с неожиданно модной одеждой. Кроме нас двоих, никого в магазине не было, и Стевия оказалась не прочь поговорить. Если честно, она просто тараторила без умолку:

– Эйден Макнейл? Да, конечно, я его помню. Я была здесь, когда он заходил, а потом давала показания в полиции. Ну разве это не ужасно – то, что случилось? В Суффолке такие вещи обычно не происходят, хотя было, конечно, то громкое дело в Эрл-Сохеме много лет назад, ну и еще убийство того писателя. Да, мистер Макнейл заходил к нам в среду после обеда. Я видела, как он паркует машину на другой стороне улицы, прямо вон там.

Он принес четыре или пять платьев, пару кофточек, рубашки. Некоторые довольно поношенные, но было там одно платье от «Бёрберри», ни разу не надеванное. Даже с ярлычком. Мы сразу продали его почти за сотню фунтов, а это гораздо больше того, что мы выручаем обычно за свой товар. Полицейские хотели выяснить, кто именно его купил, но тут я им помочь не смогла, потому что рассчитывались наличными. Другую одежду, которую мы не продали, полицейские забрали – и с концами. Думаю, это не совсем справедливо, хотя, наверное, не стоит жаловаться, учитывая обстоятельства. Ой, там было еще кое-что из мужской одежды: пиджак, несколько галстуков, старая рубашка и красивый такой жилет.

– Вы разговаривали с Эйденом?

– Да, поболтали немного. Симпатичный мужчина, очень дружелюбный. Сказал мне, что едет забирать из мастерской кресло. Вроде как в нем пружины меняли или что-то в этом роде. Объяснил, что его жена активно поддерживает ВАДХ и пожертвовала значительную сумму на

наш новый хоспис «Трихаус Эппил». Я не верю, что он может быть причастен к ее исчезновению. В смысле, ну не мог же человек стоять здесь и трепаться как ни в чем не бывало, будь он замешан в преступлении, да?

– В какое время Эйден сюда заходил?

– В четыре. Я запомнила, потому что как раз подумала, что осталось полчаса до закрытия, а тут как раз он и вошел. А почему вы всем этим интересуетесь, кстати? Вы журналистка? Надеюсь, я не попаду в неприятности из-за того, что наговорила вам тут лишнего...

Я постаралась успокоить Стевию и, отчасти из чувства вины, потратила пять фунтов на мексиканский горшок с кактусом. Горшок оказался подделкой, и по пути к машине я сплывала его в другой благотворительный магазин.

Покончив с этим, я направилась назад по улице к горчично-желтому зданию с вывеской «Уэсли и Хан, доверенные». Два года минуло с тех пор, как я была здесь, и теперь, идя от главной дороги к строению, бывшему некогда частным домом, испытывала своего рода дежавю. Признаюсь, у меня создалось ощущение, что за столом на ресепшен сидит та же самая скучающая девушка. Более того, она вполне могла читать тот же самый журнал. Время тут словно остановилось. Цветы в горшках наполовину засохли. Здесь по-прежнему царила атмосфера безжизненности, которая мне запомнилась.

На этот раз я заранее предупредила о своем визите по телефону и была препровождена наверх в ту же минуту, как вошла. Неровно пригнанные половицы поскрипывали у меня под ногами. Мне не давали покоя две загадки, связанные с конторой «Уэсли и Хан». Кто такой мистер Уэсли? Существовал ли он вообще? И с какой стати человек вроде Хана, представитель гордой индийской нации, обосновался в таком месте, как Фрамлингем? Нет, не подумайте, Суффолк не подвержен расизму. Но населен почти исключительно белыми.

Саджид Хан был в точности таким, каким я его запомнила: смуглый и энергичный, с густыми бровями, встречающимися почти посередине лба. Юрист буквально выпрыгнул из-за внушительных размеров стола – поддельный антиквариат – и стремительно пересек комнату, заключив протянутую мной руку в обе свои ладони.

– Дорогая мисс Райленд, какая радость снова видеть вас в Суффолке! И вы, насколько понимаю, остановились в «Бранлоу-Холле»? Как это похоже на вас – влипнуть в очередную историю. – Он усадил меня в кресло. – Чаю хотите?

– Нет, благодарю вас.

– Я настаиваю. – Хан нажал кнопку на телефонном аппарате. – Тина, вас не затруднит принести нам два чая? – Он лучезарно улыбнулся мне. – Как вам живется на Крите?

– Замечательно, спасибо.

– Никогда там не был. Мы обычно ездим летом в Португалию. Но раз у вас там отель, может, и стоит дать вам шанс.

Доверенный уселся за стол. На нем по-прежнему стояла фоторамка, где на экране менялись цифровые изображения. Мне стало любопытно, добавил ли Саджид Хан новые фото к тем, которые я видела в прошлый раз, два года назад. Похоже, ничего не изменилось: жена, дети, жена с детьми, он с женой... бесконечный круг воспоминаний.

– Необычная какая получалась история с Аланом Конвеем, – продолжил юрист, посерьезнев. – Я так до конца и не понял, что произошло, но меня убеждали, что вас тогда едва не убили. – Он вскинул одну бровь, и вторая поползла следом за ней. – Теперь-то, надеюсь, вы в порядке?

– Да, все хорошо.

– Я давно не получал вестей от молодого человека, бывшего некоторое время партнером Конвея, Джеймса Тейлора. Ему, как вам наверняка прекрасно известно, достались в итоге все деньги. По последним слухам, он отправился в Лондон и с головокружительной скоростью

проматывает там наследство. – Саджид Хан улыбнулся. – Так чем я могу быть полезен вам в этот раз? В телефонном разговоре вы обмолвились о Сесили Макнейл.

Впервые мне довелось услышать, чтобы ее так называли. Для всех прочих она была Сесили Трехерн, словно бы и не выходила замуж.

– Да, – кивнула я. – Ее родители разыскали меня на Крите. Странное дело. И тут, кстати, снова может оказаться замешан Алан. Вам известно, что он написал роман, сюжет которого частично основан на событиях, имевших место в «Бранлоу-Холле»?

– Знаю, «Аттикус Пюнд берется за дело». Читал эту книгу. Рискую показаться тупицей, но я так и не уловил связи. Мне даже в голову не приходило, что Конвей пишет про «Бранлоу-Холл». Вроде как о свадьбе там ничего нет. Да и действие происходит не в Суффолке, а где-то в Девоне, если не ошибаюсь.

– Тоули-на-Уотере.

– Точно. Ничье имя не было упомянуто.

– Имена он всегда изменял. Думаю, опасался судебного преследования. – Пришло время перейти к делу. Я собиралась в Лондон и хотела выехать побыстрее. – Лоуренс и Полин Трехерн полагают, что Сесили заметила в книге какую-то важную деталь, и это связано с ее исчезновением. Вы не против, если я задам несколько вопросов?

Юрист вскинул руку:

– Пожалуйста, полный вперед. Боюсь, в прошлый раз я вам не сильно помог. Быть может, теперь получится лучше.

– О'кей. Начнем с Эйдена. Он говорит, что приезжал на встречу с вами в день исчезновения Сесили.

– Да. Так и было.

– Помните, в какое время?

Вид у Хана стал изумленный, словно мне не следовало задавать подобный вопрос.

– В пять часов, – сказал поверенный. – Встреча была короткая. Мы обсуждали контракт с новым поставщиком. – Он помедлил. – Надеюсь, вы не допускаете, что Эйден как-то причастен к исчезновению жены?

– Не в том смысле, нет. Просто за день до исчезновения Сесили звонила родителям. Она была уверена, что разыскала новую улику касательно убийства Фрэнка Пэрриса, случившегося восемь лет назад, однако Эйдену ничего не сказала...

– Думаю, тут нам лучше остановиться, мисс Райленд. Прежде всего, мистер Макнейл – клиент нашей фирмы, и к тому же у него не было никаких мотивов убивать Фрэнка Пэрриса, если вы на это намекаете.

Открылась дверь, появилась девушка с ресепшена, которая внесла на подносе две чашки чая и сахарницу. Чашки были белые, с логотипом конторы на боку.

– А что случилось с мистером Уэсли? – поинтересовалась я, когда юрист передавал мне одну из чашек.

– Ушел на пенсию. – Хан улыбнулся секретарше. – Спасибо, Тина.

Выждав, когда девушка уйдет, я продолжила более осторожно:

– Вы были во Фрамлингеме, когда произошло убийство?

– Да, был. По правде говоря, я даже разговаривал с мистером Пэррисом. За день до его убийства между нами произошла короткая беседа.

– Вот как? – Это оказалось для меня неожиданностью.

– Да. Меня попросили связаться с Пэррисом по личному делу. Оно касалось наследства. Не вижу необходимости вдаваться в детали.

– Вы представляли интересы Мартина и Джоанны Уильямс, – сказала я. На самом деле это был блеф. Я заметила его визитку у них на кухне и поняла, что юрист имел к ним отношение. – Я ездила в Хит-хаус. Они мне все объяснили.

– Как они поживают?

– Превосходно. Так вас хвалили. Уильямсы очень высоко ценят то, что вы для них сделали.

Это была бессовестная ложь. Мартин и Джоанна ни словом не обмолвились о юристе. Я просто рассчитывала, что, польстив Хану, сумею выудить из него больше информации. Уловка сработала.

– Ну, в конечном счете не так уж сильно я им и помог, – возразил поверенный, но по тону собеседника чувствовалось, что он очень собой доволен. – Значит, о доме они вам рассказали?

– Да.

– Завещание было совершенно ясным и недвусмысленным. Хит-хаус делился пополам между двумя детьми покойной миссис Пэррис: Фрэнком и его сестрой Джоанной. Да, мистер Пэррис позволил Уильямсам некоторое время после смерти матери жить там совершенно бесплатно, но это вовсе не подразумевает, что он отказался от своих прав на долю имущества. На этот счет никакого соглашения, устного или письменного, не существовало.

Я пыталась сохранить невозмутимое выражение лица, хотя на самом деле Хан только что снабдил меня сведениями, способными в корне все изменить. «Он задумал снова открыть агентство и предлагал нам войти в долю». Вот что сказал Мартин, но то была преднамеренно расплывчатая, граничащая с ложью формулировка. Фрэнк Пэррис разорился и хотел получить свою половину наследства. Вот почему он приехал в Суффолк. И вполне возможно, что именно по этой самой причине его и убили.

– Уильямсы так любят этот дом, – заметила я.

– И неудивительно, – кивнул мой собеседник. – Джоанна в нем выросла. Чудное местечко.

В фоторамке промелькнула миссис Хан в купальнике и с пластмассовой лопаткой в руках.

– Так, значит, вы разговаривали с Фрэнком Пэррисом? – вернулась я к интересовавшей меня теме.

– Звонил ему на мобильный. Это было в пятницу, вскоре после его визита к сестре. Он собирался выставить дом на продажу через агентство Кларка во Фрамлингеме. Я хотел сказать, что не стоит вот так уж сразу брать с места в карьер, но потом понял, что дела его в Австралии приняли не лучший оборот. Я просил Пэрриса дать Уильямсам немного времени, чтобы обговорить условия переезда, да и если на то пошло, найти, куда переезжать. В этом я отчасти преуспел. Он по-прежнему намеревался связаться с Кларком, но согласился на отсрочку.

– Уильямсы, должно быть, страшно переживали?

– Миссис Уильямс была очень недовольна. – Хан щедро добавил в чай сахара.

Мне не составляло труда представить реакцию Джоанны. «Проваливайте и впредь оставьте нас в покое», – припомнились мне ее прощальные слова.

– Едва ли супруги сильно расстроились, когда Фрэнка забили до смерти, – заметила я. Выяснилось то, что мне требовалось знать. Необходимость тщательно выбирать слова отпала.

Хан болезненно поморщился:

– Не уверен, что это так. Это ведь был их близкий родственник, брат Джоанны как-никак. Уильямсы десять лет прожили в доме бесплатно. Им на самом деле не на что жаловаться.

Я не отпила еще ни глотка чая, да мне, честно говоря, и не хотелось. Я пыталась сообразить, могли ли Мартин или Джоанна попасть в «Бранлоу-Холл» в ночь убийства, и прикидывала, как бы лучше выяснить это. Мне представлялось, как один из супругов, а то и оба вместе крадутся по отелю с молотком и в коридоре случайно наступают на хвост Медведю. Картинка почему-то не складывалась. Но никого, кроме них, со столь очевидным мотивом в поле зрения не наблюдалось.

– Спасибо вам огромное, мистер Хан, – сказала я и встала, собираясь уходить.

Поверенный тоже поднялся на ноги, и мы обменялись рукопожатием.

– Как поживает ваша сестра? – осведомился он.

– Мы виделись с Кэти вчера. У нее все в порядке, спасибо.

– Надеюсь, Уилкоккс сумеет все уладить, – продолжил Хан, но потом заметил удивление на моем лице и поспешно добавил: – Впрочем, вы, наверное, это не обсуждали.

– Не обсуждали что? – спросила я.

Юрист улыбнулся, делая вид, что это сущий пустяк, но совершил ошибку и, понимая это, принялся крутить педали назад.

– Да так, я просто дал ей небольшой совет.

– Кэти тоже ваша клиентка?

Улыбка его никуда не исчезла, но утратила искренность.

– Вам лучше спросить это у сестры, мисс Райленд. Уверен, вы меня понимаете.

Не будь она его клиенткой, он бы прямо так и сказал.

Вот недаром сердце у меня было не на месте с того самого вечера, который я провела с Кэти. Уж не Джек ли угодил в неприятности? Нет ли у сестры денежных затруднений? Что она от меня скрывает? Пока я шла к машине, Мартин и Джоанна Уильямс, Фрэнк Пэррис, «Бранлоу-Холл» и даже Сесили Трехерн как-то сразу отступили на второй план.

Моя сестра попала в беду. И мне следовало выяснить, что случилось.

Мартлшем-Хит

Прежде чем ехать в Лондон, я проверила электронную почту.

Там обнаружилось несколько писем, вот только от Андреаса по-прежнему не было ни слова. Это меня не удивляло. Он и в лучшие времена отвечал далеко не сразу, а уж когда дело касалось личных отношений или чувств, терялся и впадал в своего рода эмоциональный ступор. Ему требовалось время, чтобы все осмыслить.

А вот Джеймс Тейлор был просто счастлив, что я вернулась в Великобританию. Он писал, что будет рад видеть меня и захватит все, что имеет отношение к роману «Аттикус Пюнд беретя за дело». Джеймс предложил поужинать в ресторане «Le Caprice»⁵, и оставалось лишь надеяться, что платить по счету будет он сам. С Лайонелом Корби мы договорились встретиться в тренажерном зале, где он сейчас работал. А Майкл Били пригласил меня пропустить по стаканчику в «Сохо-Хаусе» на Грик-стрит.

И наконец, я позвонила Крейгу Эндрюсу. Существовала вероятность, что мне предстоит задержаться в Лондоне на несколько дней, и меня не сильно прельщал уют гостиницы «Премьер инн». В первом своем письме Крейг обещал предоставить в мое распоряжение комнату, а мне приходилось бывать однажды в его красивом доме, особняке в викторианском стиле на Ледброк-Гроув. Состоянием он обязан был не книгам, а прежней карьере в банке. Романы про Кристофера Шоу были крепкими середнячками в списках продаж, не более того, но давали Эндрюсу свободу распоряжаться деньгами, которые у него уже имелись. Крейг очень обрадовался, и было здорово поболтать с ним по телефону, но почему, нажимая отбой, я ощущала вину перед Андреасом? Глупости. Все, на что я рассчитывала, это гостевая спальня на пару ночей, ну и, может быть, ужин с бутылочкой вина.

Прежде чем выехать на трассу A12, я остановилась в Вудбридже. Я выглядела достаточно презентабельно для отеля, да и Кэти, разумеется, не было дела до моего вида, но неприлично было заявляться в «Le Caprice» или, если уж на то пошло, в особняк к Крейгу в тех нарядах, которые я захватила с собой. На старой площади в Вудбридже нашлась пара на удивление приличных бутиков, и я покинула их с темно-синим бархатным коктейльным платьем до колен и хлопковым жакетом от «Ральф Лорен» (скидка 25 процентов). Потратила я намного больше, чем намеревалась, но держала в уме деньги, обещанные Лоуренсом, и надеялась, что они успеют прежде, чем наступит срок очередного платежа по кредиту.

Благополучно погрузив пакеты в багажник, я двинулась дальше на юг, но всего в паре миль от Вудбриджа, на круговом перекрестке, заметила указатель на Мартлшем-Хит. Повинуясь порыву, я включила поворотник и свернула в сторону. Нравится мне это или нет – по правде говоря, я не испытывала ни малейшего восторга, – но меня ждала одна встреча. И оттягивать ее больше не стоило.

Штаб-квартира Суффолкского управления полиции располагалась в воистину уродливом современном здании в пяти минутах езды от главной дороги. Это была прямоугольная коробка из бетона и стекла, лишенная каких бы то ни было архитектурных достоинств. Интересно, чем заслужили жители Мартлшем-Хит столь brutальное украшение с одной стороны деревни, наравне с парящим в вышине ужасом исследовательского центра «Бритиш телеком», который портил линию горизонта с другого ее конца? В порядке оправдания стоит заметить, что обе эти конструкции хотя бы обеспечивали местное население работой.

Я подошла на вахту и спросила, можно ли переговорить со старшим суперинтендантом Локком. Оказалось, что у них так не принято: следовало условиться о встрече заранее.

– Вы по какому вопросу?

⁵ «Каприз» (фр.).

– Это насчет исчезновения Сесили Трехерн.

Служащая в мундире посмотрела на меня с сомнением, но взялась за телефонную трубку, а я тем временем присела на пластиковый стул и принялась рассеянно листать номер «Суффолк лайф» пятимесячной давности. Я не была уверена, что Локк согласится меня принять, да и по поведению дежурной было непонятно, ответил ли он хотя бы на звонок. Поэтому я поразилась, когда спустя несколько минут детектив вдруг появился, выйдя из лифта. Суперинтендант двигался таким решительным шагом, что я бы не удивилась, если бы он схватил меня, поместил под арест и упек за решетку. Таков уж был стиль его поведения... постоянно на грани насилия. Создавалось впечатление, будто Локк заразился чем-то, подхватил у преступников, с которыми имел дело, некий вирус. Я знала, что не нравлюсь ему. Он ясно дал это понять во время прошлой нашей встречи.

Но когда Локк заговорил, в тоне его угадывались почти веселые нотки:

– Так-так-так, мисс Райленд. Заприметив вас в отеле, я как-то сразу почувствовал, что это не случайно. А когда мне доложили, что вы здесь, почему я не удивился? Ну да ладно. Могу уделить вам пять минут. Здесь на этаже есть кабинет, где можно поговорить...

Выходит, я недооценила его наблюдательность. Локк заметил меня, когда мы разминулись на ресепшене в «Бранлоу-Холл», просто предпочел не узнать. Суперинтендант проводил меня в пустой кабинет, представлявший собой идеальный квадрат, точно посередине которого стояли стол и четыре стула. Окно выходило на лес, обступавший здание со всех сторон. Локк пропустил меня вперед, а потом, когда я уселась, закрыл дверь. И поинтересовался:

– Как поживаете?

Вопрос поверг меня в изумление.

– Замечательно, благодарю вас.

– Наслышан о том, что случилось в прошлый раз, когда вы расследовали смерть Алана Конвея. Вас едва не убили. – Он погрозил мне пальцем. – А я ведь предупредил вас, что не стоит лезть в это дело.

Я не припоминала, чтобы он говорил что-нибудь подобное, но спорить не стала.

– Итак, что привело вас снова в Суффолк и конкретно в «Бранлоу-Холл»? Хотя можете не говорить. Эйден Макнейл уже звонил мне и жаловался на вас. Забавно, правда? Я только что напомнил, что Алан Конвей уже принес вам достаточно неприятностей. Однако вы тем не менее никак не хотите оставить его в покое.

– Я бы выразилась иначе: это он не желает оставить в покое меня.

– Конвей и после смерти остался таким же мелким вонючим куском дерьма, каким был при жизни. Вы и в самом деле верите, что в его книге может что-то крыться? Еще одно засекреченное послание... на этот раз насчет Фрэнка Пэрриса?

– Вы читали роман? – спросила я.

– Да.

– Ну и?

Локк вытянул ноги и задумался. Меня поразило, что он ведет себя непривычно вежливо, даже дружелюбно. Впрочем, его обида всегда была направлена не на меня лично, а на Алана Конвея, и не без веской причины. Алан попросил его помочь в подготовке материала для книг, а взамен вывел полицейского в виде довольно комичного персонажа – инспектора Реймонда Чабба. Чабб и Локк: производитель замков и замок⁶. Смекаете? Еще он создал гротескную пародию на жену Локка, которая появляется во второй книге серии, «Нет покоя нечестивым». Впрочем, тут я судить не берусь, поскольку лично с этой женщиной никогда не встречалась. Вероятно, после смерти Алана Локк решил простить мне участие в этом деле. Возможно, помо-

⁶ Lock (англ.) – замок.

гало и то обстоятельство, что его двойник не появлялся на страницах романа «Аттикус Пюнд беретя за дело».

– Мне эта книга показалась обычным хламом, – спокойно заявил полицейский. – Вам известны мои взгляды на детективную литературу.

– Вы выражаете их весьма решительным образом.

Необходимости вновь озвучивать свои воззрения не было, но Локк не удержался:

– Романы о сыщиках, вроде тех, что кропал Алан Конвей, не имеют ничего общего с реальной жизнью, и, если люди, читающие оные, считают иначе, это говорит не в пользу их ума. Максимум, на что способны частные детективы, это проследить за вашим сыном-подростком или выяснить, с кем спит ваш муж. Да и убийство происходит обычно не в деревенских коттеджах или в поместьях и не на морских курортах, если уж на то пошло. «Аттикус Пюнд беретя за дело»! Назовите мне хоть что-нибудь из этого романа – одну-единственную деталь, которая не являлась бы полной чушью. Голливудская актриса покупает дом в сельской глуши. Эта история с бриллиантом. Кинжал на столе в гостиной. Да я вас умоляю! Как только вы видите на столе нож или кинжал, то сразу понимаете – дело кончится тем, что он окажется в чьей-то груди.

– Это еще Чехов заметил.

– Кто, простите?

– Русский драматург. Согласно его высказыванию, если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно непременно должно выстрелить. Он тем самым давал понять, что каждая деталь истории должна иметь смысл.

– А он, часом, не говорил, что детективная история обязана быть недостоверной и заканчиваться полным вздором?

– Как я понимаю, вы не догадались, кто там убийца?

– Даже и не пытался. Я книжонку-то эту прочитал исключительно в надежде, что там и впрямь может обнаружиться хоть что-то, имеющее отношение к исчезновению Сесили Трехерн. Однако, как выяснилось, только время зря потратил. Ну и хлам!

– Книга разошлась по миру полумиллионным тиражом. – Не знаю, с чего я вдруг поднялась на защиту Алана Конвея. Возможно, защищала таким образом саму себя.

– Ну, мисс Райленд, вам известны мои мысли на сей счет. Вы превращаете убийство в игру и предлагаете читателям принять в ней участие. Как фамилия инспектора полиции из романа «Аттикус Пюнд беретя за дело»? Крол. Видимо, потому, что у него кроличьи мозги. Он ведь круглый идиот, правда? Никогда ничего не делает как надо. – Локк стукнул тяжелыми костяшками пальцев по столу. – Вы наверняка горды собой. Полмиллиона экземпляров инфантильной дребедени, превращающей преступление в банальную вещь и подрывающей веру в силу закона.

– У вас сложилось собственное мнение насчет детективной литературы, но мне кажется, что вы заблуждаетесь, старший суперинтендант. С повышением вас, кстати. Не думаю, что книги Алана причинили кому-либо вред, за исключением меня, конечно. Люди наслаждаются ими и прекрасно понимают, что хотят получить, читая детективы. Им требуется не столько настоящая жизнь, сколько побег от нее. И Бог свидетель, в наши дни все мы в этом нуждаемся. Что мы имеем в реальности? Круглосуточные новости. Фейковые сенсации. Политики, обзывающие друг друга лжецами и только в этом не грешащие против правды. Наверное, есть что-то утешающее в книге, где все в мире, в котором развивается действие, ну буквально все, встает на свои места и ведет вас к непреложной истине.

В дискуссию Локк вступать не стал.

– Зачем вы здесь, мисс Райленд? – спросил он. – По какой причине приехали в Мартлшем-Хит?

– Ну, вообще-то, я собиралась попросить вас показать мне старые документы по делу Штефана Кодреску. С тех пор прошло восемь лет, и они уже никому не интересны. Мне хотелось бы увидеть отчеты криминалистов, материалы допросов и все такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.